

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

№ 4(58)

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕМА НОМЕРА
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ
«КРУГЛЫЙ СТОЛ»
ПУБЛИКАЦИИ
ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

EDITOR'S PAGE
THE ISSUE'S MAIN TOPIC
PRESSING TOPICS
FOREIGN AFFAIRS
ECONOMICS & FINANCE
«ROUND TABLE»
PUBLICATIONS
NOTES ON A BOOK'S MARGINS

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

Журнал аналитических материалов

Учрежден Институтом стратегических оценок и анализа

Издается при поддержке ГК «Н-Транс»

и Бюро социально-экономической информации

Выходит один раз в квартал

Главный редактор,
Председатель Совета —

Вагиф Гусейнов,
директор Института стратегических оценок и анализа

Первый заместитель
главного редактора —

Юрий Пороиков, к. филос. н.

Редакционный совет:

Расим Агаев (*Азербайджан*), к. ист. н.

Михаил Делягин, д. э. н., академик РАЕН, председатель президиума, научный руководитель Института проблем глобализации

Владимир Егоров, д. филос. н., профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Сергей Караганов, д. ист. н., декан факультета мировой экономики и мировой политики ГУ ВШЭ, почетный председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике

Андрей Кокошин, академик РАН, декан факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова

Николай Михайлов, д. э. н., советник председателя Совета директоров АФК «Система»

Александр Назарчук, д. филос. н., проф. кафедры социальной философии философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Алексей Пушкин, к. ист. н., председатель комитета Госдумы РФ по международным делам, автор и ведущий программы «Постскриптум»

Александр Рар, директор программ России и стран СНГ Германского совета по внешней политике (Германия)

Владимир Рыжков, к. ист. н., профессор ГУ ВШЭ, политический обозреватель «Новой газеты», автор и ведущий аналитической программы на радиостанции «Эхо Москвы», колумнист газеты «The Moscow Times», председатель общественного движения «Выбор России»

Леонид Слуцкий, д. э. н., председатель комитета Государственной Думы РФ по делам СНГ и связям с соотечественниками, вице-президент Парламентской ассамблеи Совета Европы

Андрей Фёдоров, директор Фонда «Центр политических исследований и консалтинга»

Александр Ципко, д. филос. н., главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований РАН

Ответственная
за выпуск:

Мария Кортупова

© Институт стратегических оценок и анализа

Точка зрения авторов не всегда совпадает с позицией редакции

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА

Вагиф Гусейнов. Все будет хорошо?	5
---	---

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Борис Чернышёв. Неадекватность в механизме подготовки государственных решений России XX — начала XXI веков (<i>опыт исторического анализа</i>)	12
Павел Гуревич. Ненависть кипящая	22

ТЕМА НОМЕРА: Проект Восточного партнерства «до» и «после» Майдана

Часть II. Восточное партнерство: литовский опыт и латвийские планы . . .	29
Часть III. Сценарии дальнейшего развития восточного партнерства и политической ситуации в Европе	38

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Оливер Мейер (ФРГ). Ядерное измерение украинского конфликта	47
Людмила Олейник. Израиль и Газа: онлайн война на истощение	52
Юлия Свешникова. Малайзия в капкане исламизации: свобода совести в обмен на политический кредит	56
Эльдар Касаев. О нефтяных проектах России в Ираке	66
Борис Сидоров. Некоторые аспекты современных экономических взаимоотношений в Центральной Азии	73
Любовь Ярошенко. Содействие развитию: «Сделано в России»	83

ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ

Валерий Паульман. Экономический кризис в условиях нарастающей напряженности	90
Сергей Луценко. Еще раз к вопросу о развитии государственно-частного партнерства в Российской Федерации: запрос на ожидание	96

«КРУГЛЫЙ СТОЛ»

<i>Духовность и современный спор цивилизаций</i>	104
--	-----

ПУБЛИКАЦИИ

Геннадий Бочаров. Из «Тихой тетради» (<i>окончание</i>)	126
Владимир Гоцуленко. Тот самый Фальц-Фейн	132
Александра Вильвовская. Травма — война — травма — война... Как прервать этот порочный круг?	139

Философский клуб

Вячеслав Стёпин. Что такое сегодня социальные отношения?	146
Вадим Межуев. Культура в зеркале философии	153
Андрей Смирнов. «Увидеть другого, чтобы лучше разглядеть самого себя»	161

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

Елена Сальникова. Кровотечение времени. О книге Валерия Подороги «Время после. Освенцим и ГУЛаг. Мыслить абсолютное зло»	168
--	-----

Тезисы статей на английском	173
-----------------------------------	-----

Об авторах	176
------------------	-----

Статьи, опубликованные в 2014 году	182
--	-----

CONTENTS

EDITOR'S PAGE

Vagif Guseynov. Everything's going to be fine?	5
--	---

PRESSING TOPICS

Boris Chernyshev. Inadequacy in the Russia's State Decision-Making Preparatory Mechanism in the 20 th — early 21 st Centuries (<i>Essay on historical analysis</i>)	12
Pavel Gurevich. The Boiling Hatred	22

THE ISSUE'S MAIN TOPIC: The Eastern Partnership Project «Before» and «After» the Maidan

Part 2. East partnership: the lithuanian experience and the latvian plans ...	29
Part 3. Scenarios of the further development of the eastern partnership and political situation in Europe	38

FOREIGN AFFAIRS

Oliver Meier. The nuclear dimension of the Ukraine conflict	47
Ludmila Oleinik. Israel and Gaza: the On-Line War of Exhaustion	52
Yulia Sveshnikova. Malaysia Being Trapped Into Islamization: Freedom of Religion in Exchange for Political Credit	56
Eldar Kasaev. About Russian Oil Projects in Iraq	66
Boris Sidorov. Some Aspects of Modern Economic Interrelations in the Central Asia	73
Lyubov Yaroshenko. Assisting Development: 'Made in Russia'	83

ECONOMICS & FINANCE

Valery Paulman. The Economic Crisis in the Context of Growing Tension ...	90
Sergey Lutsenko. Once Again on Developing the State-Private Partnership in the Russian Federation: the Expectation Prompt	96

«ROUND TABLE»

<i>Spirituality and the Contemporary Conflict of Civilizations</i>	104
--	-----

PUBLICATIONS

Gennady Bocharov. From the «Quiet Notebook»	126
Vladimir Gotsulenko. The Very Same Falz-Fein	132
Alexandra Villvovskaya. Trauma — War — Trauma — War... How to Break this Vicious Circle?	139

Philosophical Club

Vyacheslav Styopin. What is the Meaning of Social Relations Today?	146
Vadim Mezhuev. The Culture as Mirrored by the Philosophy	153
Andrey Smirnov. «To Se Someone Else to Better Make out of Yourself» ...	161

NOTES ON A BOOK'S MARGINS

Elvira Spirova. Haemorrhage of the Time. <i>About Podoroga, Valery's book. The Time After. Auschwitz and Gulag.</i> <i>To cerebrate the absolute evil</i>	168
---	-----

Summary	173
---------------	-----

Our Authors	179
-------------------	-----

Items Published in the Vestnik Analitiki in 2014	185
--	-----

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА

ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО?

Ситуация в российско-украинских отношениях в последнее время несколько успокоилась, и борьба за Новороссию сейчас перешла из военной плоскости в политическую. Значимость ее несколько снизилась, а подписанный в Минске 5 сентября представителями ОБСЕ, России и Украины Протокол о перемирии отразил патовую ситуацию, в которую попали все прямые и косвенные игроки, так или иначе участвующие в конфликте на востоке Украины. Россия оказалась заинтересованной в перемирии и по внутривнутриполитическим мотивам. Гибель российских солдат в Донбассе могла начать вызывать недовольство в обществе, чем пытается воспользоваться оппозиция, стремящаяся оседлать антивоенную тему. 21 сентября в городах России с относительным и во многом неожиданным успехом прошел «Марш мира».

В патовой ситуации оказалась также Украина, потерявшая во время боев с хорошо вооруженными частями, сформированными из российских добровольцев, свои тяжелые вооружения. Киев утратил ресурсы, необходимые для организации контрнаступления.

В патовую ситуацию попал и Запад. В частности, выяснилось, что он не готов не только защищать, но и действительно поддерживать Украину. Последняя, в свою очередь, не в состоянии взять решительный курс на присоединение к западным интеграционным структурам. В свою очередь, Россия также не готова к масштабной конфронтации с НАТО, в более же широком плане — и с Западом в целом. Российская экономика находится в далеко не блестящем состоянии, а международные санкции начали подрывать ее хрупкую стабильность. Кроме того, угроза срыва контракта на покупку французских вертолетоносцев «Мистраль» стала весьма вероятной. Некоторые аналитики обращают внимание и на то, что в следующем году Россия намерена подать заявку в ООН по расширению границ своего арктического шельфа. Однако если ООН признает РФ стороной украинского конфликта, то заявка России едва ли будет принята даже к рассмотрению, тем более что на арктический шельф претендует ряд стран НАТО (Канада, Дания, Норвегия, США)

Заклучение минских договоренностей оправдало предположение о том, что они призваны вывести Россию из конфликта на Украине с минимальной потерей лица. В частности, российские СМИ объявили Путина автором мирных договоренностей на Украине и начали пропаганду сокрушительной победы «ополченцев» над украинской армией. Если верить российскому ТВ, она была разбита и бежала, оставив все ранее занятые населенные пункты под Донецком и Луганском.

Тем временем Протокол, подписанный в Минске, был встречен критическими замечаниями российских сторонников наращивания вмешательства России в конфликт на Украине. По их мнению, минский протокол не имеет ничего общего с планом Путина, а является актом капитуляции России перед Украиной и Западом. Такой позиции придерживаются российские радикалы, такие, как бывший министр обороны ДНР И. Стрелков (Гиркин), считающий минские договоренности «постыдной капитуляцией», А. Дугин и еще ряд фигур. В последнее время Стрелков начал активно раздавать интервью, в которых он формально еще отдает должное В. Путину, но уже завуалированно выражает раздражение его политикой и дает понять, что готов сыграть активную роль на российской политической сцене «в случае чего».

Между тем, напротив, большинство западных средств массовой информации полны уверенности, что именно Путин явился победителем, «отхватившим еще один кусок от Украины». В целом Протокол коррелирует с планом «группы Бойсто» из 24 пунктов, сформулированным во время встречи российских и американских экспертов на озере Бойсто в Финляндии и обнародованным 26 августа, накануне встречи Порошенко и Путина.

Однако близкие к официальным западные политические круги дали понять, что мотивация их поведения изменилась. Она больше не исходит из принципа, лежавшего в основе европейской политики в период до украинского кризиса и гласящего, что все, что хорошо для бизнеса, хорошо и для внешнеполитического курса ЕС. Новыми максимумами политики Евросоюза стали заявления британского премьера Д. Кэмерона, призывавшего извлечь уроки из истории и не повторять ошибок Чемберлена, согласившегося в свое время на аннексию Судет ради умиротворения Германии.

В российском информационном пространстве широко муссируется тема потерь, которые понесет Запад в результате срыва из-за санкций российских контрактов. Кроме того, Россия делала угрожающие заявления о намерении ответить на санкции Запада собственными запретами на ввоз продукции из европейских стран. Свою готовность действовать в этом направлении власти РФ продемон-

стрировали на примере Украины, наложив запрет на ввоз кондитерских изделий. Медведев пригрозил в ответ на санкции запретом для западных авиаперевозчиков использовать для транзита воздушное пространство РФ.

В конце концов, было принято решение новые ответные санкции не вводить — у России просто нет пространства для маневра: любые санкции в первую очередь бьют по российскому населению. Режим санкций и контрсанкций уже начал приводить к росту социальной напряженности. Так, из-за антисанкций (эмбарго на ввоз продовольственных товаров) в российских регионах останавливает производство компания Danone. Непосредственной причиной явился рост цен на сырое молоко и отсутствие молочного сыра.

В августе ускорилась продуктовая инфляция, достигшая двузначного процентного уровня (10,3%). По данным ФТС, из-за продовольственного эмбарго более чем на 73% упали закупки овощей у зарубежных поставщиков. Последствия не замедлили сказаться — в стране начались забастовки низкооплачиваемых категорий бюджетников, зарплаты которых недостаточны, чтобы обеспечить их семьи полноценным питанием. Острой проблемой стало положение на рынке мяса и мясных изделий, растущих в цене. Так, Федеральная антимонопольная служба из-за роста цен на мясо (цены на молочные и мясные изделия выросли в среднем на 20–40%) начала проверки производителей по всей России.

По оценкам наблюдателей, в обозримой перспективе конфликт на востоке Украины, скорее всего, останется в «замороженном» состоянии. Ополченцы, которые едва не были «раздавлены» украинскими войсками в первой половине августа, не имеют резервов для продолжения контрнаступления. Российская сторона вряд ли предоставит ресурсы для этого, если украинская армия не предпримет попыток фронтального контрнаступления. На рейтинге президента деэскалация конфликта вряд ли серьезно скажется, так как «ястребы», прямо или косвенно обвиняющие президента в «капитуляции», не имеют серьезных медийных площадок, а телевидением Путин позиционируется как победитель. При этом попытки оппозиции оседлать антивоенную волну потерпят поражение — в условиях перемирия их лозунги не будут пользоваться популярностью.

На внешнеполитическом треке развивается еще один весьма опасный процесс. С одной стороны, резкая активизация группировки «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) привела к тому, что США вынуждены были сбавить риторику по Украине и начать искать сотрудничества с Россией в борьбе с этим страшным злом. С другой стороны, отмечают наблюдатели, исламские террористы угрожают скорее России, чем США.

По их оценке, сегодня исламские террористы готовятся к атаке на Кавказ. Они определились с направлением своего главного удара и готовят вторжение в нашу страну. Лишь на первый взгляд эта угроза выглядит несерьезной — где пылающий Ближний Восток и где российская граница! Чтобы вторгнуться на Кавказ, боевикам ИГИЛ пришлось бы сначала прорваться через Иран или Турцию к республикам Закавказья, а это едва ли возможно: армейские соединения Тегерана и Анкары наверняка не оставят агрессорам ни единого шанса. Но есть другой путь — из Афганистана через республики Средней Азии. И нет ни малейших сомнений, что именно этот маршрут и выберут террористы — не случайно же угроза вторжения с юга самым серьезным образом обсуждалась на последнем саммите ШОС.

Чтобы оценить в полной мере реальность угрозы прорыва ближневосточных боевиков в нашу страну, стоит приглядеться к тем, кто на сегодняшний день возглавляет созданный усилиями ИГИЛ Исламский халифат. У халифата есть два центра власти — основной иракский и теневой сирийский. Первым руководит одиозный Абу Бакр аль-Багдади — именно он, кстати, и объявил о предстоящем «освобождении Кавказа милостью Аллаха». Вообще, практически все, о чем сообщает российская и западная пресса в связи с ИГИЛ, так или иначе касается именно иракского центра. А о теневом, сирийском, пишут очень мало.

Между тем основную угрозу нашей стране представляет именно он, потому что все без исключения его руководство — выходцы из Советского Союза. Эти люди разговаривают по-русски, осведомлены обо всех наших реалиях и, оказавшись однажды на территории нашей страны, будут чувствовать себя как дома. Ныне здравствующий глава сирийского центра Тархан Батирашвили — выходец из грузинского Панкиси, населенного преимущественно этническими чеченцами. Военный руководитель сирийского крыла ИГИЛ Абу Муса аль-Шишани и «главный бухгалтер» группировки Абу Джихад аль-Шишани — также этнические чеченцы, уроженцы Ингушетии и Дагестана. По данным информационного агентства «Курдистан-24», до 80% личного состава сирийской группировки ИГИЛ — бывшие жители Северного Кавказа и республик Поволжья. Примечательно и то, что остальные 20% — бывшие граждане советских республик Средней Азии. Между собой эти люди чаще общаются на русском, чем на арабском.

С некоторых пор руководство Исламского халифата вообще стало продвигать на первые роли в ИГИЛ именно уроженцев бывших советских республик Средней Азии. Назначение эмирами этнических таджиков свидетельствует о том, что у ИГИЛ имеются свои планы на Среднюю Азию. У Исламского халифата складываются

хоть и непростые, но все более тесные связи с «Талибаном» и целым рядом других радикальных организаций, действующих как в Афганистане, так и в среднеазиатских республиках. Уже сейчас ИГИЛ в состоянии оказывать влияние на Таджикистан. И нельзя исключать, что, продвигая в первые ряды таджиков, лидеры «Исламского государства» готовятся укрепиться в Таджикистане, чтобы затем начать оттуда поход на Кавказ. Но этот поход может начаться и с территории Туркмении.

В Казахстане также крайне неохотно признают тот факт, что в стране действуют исламские экстремисты, связанные как с «Талибаном» и ИДУ, так и с ИГИЛ. Похоже, Исламский халифат уже на наших границах. Организует схроны с оружием и боеприпасами, ворует контейнеры с начинкой для ядерных бомб — действует в полный рост буквально около наших границ...

В этих условиях некоторые представители российской элиты уже остро чувствуют, что страна затягивается в воронку непредсказуемых событий, ведущих к серьезным проблемам. Так, А. Кудрин выступил с программными интервью, в которых высказался о сложившейся ситуации в стране. Он считает ее кризисной и предлагает способы ее исправления.

В интервью Reuters Кудрин отметил, что под влиянием западных санкций и ввиду приближающихся выборов-2016 окно для проведения давно необходимых реформ захлопнулось. Но и в этой ситуации «у правительства есть существенная гибкость и запас мер, которые можно принять для реформирования». Кудрин призвал к ревизии социальных обязательств президентских указов мая 2012 года, приведших к росту расходов. Правительство уже так и поступило: в 2015 году зарплаты бюджетников повысятся ниже реальной инфляции.

Обычно умеренный Кудрин сказал о разброде и шатаниях в элитах. Даже поддерживающие президента группы «озадачены чрезвычайно» из-за неясности дальнейшей модели политического и экономического развития. Деловые элиты «не понимают, что будет происходить с точки зрения развития нашего общества и российской экономики в ближайшие годы и какая модель в экономике и политической системе установится», — отметил Кудрин.

Еще более знаменательной стала недавняя речь руководителя Сбербанка Г. Грефа на очередном экономическом форуме. Это фактически первое открытое выступление столь тяжеловесной фигуры из окружения президента с критикой текущей политики по ее сути. Важнейшими моментами речи стали:

- критика концепции мобилизационной экономики (она у нас не такая уж пока и мобилизационная, но понятно, что Греф имел в виду);
- «нельзя мотивировать людей через ГУЛАГ»;

— «я не готов стоять в очереди в советский Сбербанк и советский магазин» и «не готов отказываться от благ цивилизации».

Ну и, наконец, самое главное — пространная тирада про уроки и опыт советского руководства, которое «было полностью некомпетентным в вопросах экономики».

Таким образом, после нескольких месяцев войны на Украине, когда все внимание русского общества было занято только происходящим в Донбассе, внутривойсковые темы вновь выходят на первый план. И самая сложная и болезненная из них — ситуация в экономике. Так, отсутствие долгосрочных позитивных перспектив роста продолжает сказываться на российской промышленности, которая в 2014 году хоть и демонстрирует лучшее состояние, чем большинство других секторов экономики, но все же сильно ограничена слабым спросом. Промышленное производство сократилось в августе на 0,3%, после роста на 0,2% в июле. При этом в добыче наблюдался восстановительный рост — на 0,4%, но в целом объемы добычи не растут с декабря 2013 года.

Обрабатывающие производства, менее зависимые от внешнего спроса и более — от внутреннего, в августе сократились на 0,8% — до уровня, близкого к уровню середины 2012 года. Снижение наблюдалось во многих подотраслях обрабатывающей промышленности. Наиболее показательный пример — производство автомобилей, обрушившееся в августе на 37% (!) к июльскому уровню (сезонность устранена), или на 38% к августу прошлого года. Похожая ситуация наблюдалась и в разгар кризиса 2008–2009 годов. В отрасли — настоящий кризис, сопровождающийся массовыми увольнениями, и этот кризис уже в ближайшие месяцы начнет негативно сказываться на всей экономике. Спад в производстве автомобилей может иметь затяжной характер: это обусловлено не только общей стагнацией экономики, но и тем, что в России в посткризисный период долго действовали программы стимулирования покупок автомобилей, главным недостатком которых является истощение будущего спроса за счет повышенного потребления в текущий (уже прошедший) момент.

Таким образом, в начале осени прозвучал еще один тревожный звонок. С учетом вероятного усиления инвестиционного спада в ближайшие месяцы, обусловленного как фундаментальной слабостью экономики, так и введенными санкциями, Россия имеет реальные шансы скатиться в полномасштабную рецессию, которая может продлиться от года и более.

Подводя итог, можно отметить, что слова Кудрина и Грефа отражают позицию профессионалов, лишившихся возможности влиять на ситуацию в стране. Открытая критика решений власти чревата увольнением, а непубличные советы все меньше ей нужны. Однако видные

фигуры из числа экс-чиновников не торопятся в оппозицию и не позволяют себе открыто критиковать украинскую политику России. Они надеются, что руководство страны согласно с тем, что конфронтация и санкции нанесли экономике и финансам страны заметный урон и главная задача теперь — его минимизировать.

Пропагандируемое некоторыми экономистами «закрытие» страны в условиях смены глобального технологического уклада (второй машинной или третьей промышленной революции) идет вразрез с коренными интересами общества. Оно не оставляет надежд даже на новый виток «догоняющей» модернизации, не говоря уже о переходе страны на современную модель органического роста.

В. Гусев

Борис ЧЕРНЫШЁВ

НЕАДЕКВАТНОСТЬ В МЕХАНИЗМЕ ПОДГОТОВКИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕШЕНИЙ РОССИИ XX — НАЧАЛА XXI ВЕКОВ (ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

Подписанный 28 июня 2014 года Президентом РФ В. Путиным закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» открывает путь к восстановлению «забытого» в постсоветской России государственного стратегического управления. В этой связи заслуживает критического осмысления опыт принятия органами государственной власти в XX — начале XXI веков решений, не соответствовавших (как выяснялось позднее) действительности, и связанный с ними выбор приоритетности в решении возникавших задач. Этот негативный опыт таит в себе ряд поучительных уроков истории, которые необходимо усвоить, чтобы избежать повторения ошибок прошлого. Ведь «умен не тот, кто не делает ошибок. Умен тот, кто умеет легко и быстро исправлять их».

За последние сто лет российской истории сменилось как минимум пять стратегических целей развития общества, однако ни социализма, ни коммунизма, ни развитого социализма, ни народного капитализма так и не было достигнуто. Первый, кто предложил до постановки новой цели разобраться с обществом, которое было построено в СССР к началу 80-х годов XX века, был Ю. Андропов, но не успел сделать этого. М. Горбачёв поспешил сменить цель, заменив «казарменный» на «демократический» социализм. Б. Ельцин, отказавшись вообще от «социализма» и «коммунизма», взял курс на строительство «народного капитализма», который в действительности оказался «олигархическим капитализмом».

Частая сменяемость, противоречивость и низкая результативность в стратегическом управлении отражались и на выборе властью приоритетных задач в политике. Основания для их определения никогда не выходили за рамки теоретических положений либо коммунистиче-

ской, либо либеральной идеологий и, как правило, в сочетании с яркими отличительными особенностями их восприятия руководителями государства. Так, если В. Ленин был убежден, что путь к социализму в деревне лежит через предварительное развитие всех форм кооперативного движения, на который требовалось не менее 20–25 лет, то И. Сталин, придя к власти, отдал предпочтение задаче ускоренной коллективизации, минуя этап кооперирования крестьянства.

Искренняя вера Н. Хрущева в метод нововведений и скорейший приход коммунизма в СССР явилась главной пружиной его лихорадочной постановки ничем не обоснованных приоритетных задач, в частности, в области сельского хозяйства (масштабное освоение целинных земель; выращивание кукурузы во всех регионах страны; внедрение квадратно-гнездового метода посадки растений ликвидация чистых паров и многое другое). Реализация целой серии принятых на этой основе постановлений партии и правительства закончилась в конечном итоге превращением СССР из вывозящей в ввозящую пшеницу из-за границы.

Определение приоритетных задач при Б. Ельцине на пути движения к «народному капитализму» прямо вытекало из принятой на вооружение теоретической концепции экономического фундаментализма: приватизация, либерализация, стабилизация уровня цен. Их воплощение в жизнь только за восемь лет реформ нанесло ущерб экономике страны, превосходящий потери от двух мировых войн XX века и Отечественной войны 1812 года вместе взятых¹. В истории российской государственности неадекватность управленческих решений всегда была тесно связана с хроническим опозданием власти в осмыслении сущности переживаемых явлений и, как следствие, стремлении выдать желаемое за действительное. Это неизбежно приводило к постановке целей и задач, не отвечающих реально сложившейся политической ситуации. Разрешение давно назревших противоречий в жизни общества часто откладывалось до лучших времен, чем злоупотребляли многие правители самодержавной, советской и постсоветской России.

Накапливаясь, проблемы общественного развития создавали для правящих элит ситуацию «когда ошибка на ошибке едет и ошибкой погоняет». В поисках быстрого разрешения сплетенных в тугой узел «кричащих» проблем общества правители вынужденно обращались к одному и тому же, не соответствующему действительности способу их решения — ускорению, которое никогда не приносило желаемых результатов. (Цена ускорения в деле индустриализации и коллективизации страны, избранная И. Сталиным, стоила жизни миллионам советских граждан.)

¹ Валовой Д. ХХI век: три сценария развития. — М., 1999. — С. 62.

Эта, по сути, скрытая имитация управления социально-экономическими процессами, заложенная еще в самодержавной России и продолженная в СССР середины XX века, стала особенно явной в постсоветской России. Новая правящая элита, в соответствии с концепцией экономического фундаментализма, взяла курс на самоустранение государства от имманентно присущих ему функций. В ходе реализации идеи саморегулируемой экономики произошла замена государственного на рыночное целеполагание, при котором долгосрочные экономические программы в интересах государства были заменены принципом получения максимальной прибыли за минимальное время для отдельных «хозяйственных субъектов» (в том числе в науке, образовании, промышленности). Постановка целей и задач при подготовке государственных решений стала начинаться не с определения потребностей развития страны, как это было в СССР, и с поиска путей их удовлетворения, а с дележа финансовых потоков² под проекты, в которых был заинтересован крупный бизнес. В 90-е годы XX века, по оценке Президента РФ В. Путина, в стране сложилась «порочная практика принятия государственных решений под давлением сырьевых и финансовых монополий, медиамагнатов, зарубежных политических кругов и оголтелых популистов, когда не только национальные интересы, но и элементарные потребности миллионов цинично игнорировались»³. Система государственного управления уже тогда перестала быть адекватной целям и задачам развития национальной производственной экономики. Сложившаяся устойчивая сырьевая структура российской экономики, по мнению академика С. Шаталина, приобрела в этот период «самоедский» характер, в которой больше потреблялось, чем производилось.

Такая хронически стагнирующая экономика колониального типа грозила появлением серьезных дополнительных внешних и внутренних угроз для будущего России и ее целостности⁴. Эта принципиальная теоретическая ошибка авторов рыночных реформ в России не была исправлена новым поколением политической элиты общества в начале XXI века. Она нашла свое отражение при составлении планов экономической политики: экономической программы Г. Грефа, Концепции социально-экономического развития РФ до 2020 года, Стратегии-2020. В последней не только не было сформулировано никакой общенацио-

² См.: *Дерябин Н.И.* Государство как институт социальной иерархии и порядка. В кн. «Нравственное государство как императив государственной эволюции». — М.: Научный эксперт, 2011. — С. 397–398.

³ См.: *Путин В.В.* О стратегии развития России до 2020 года // Российская газета. 9.02.2008.

⁴ См.: *Шаталин С.* Жизнь, не похожая ни на чью. — М.: Издательский дом «Эконом», 2004. — С. 257.

нальной идеи, но и не было представлено никаких расчетов экономической эффективности названных 42 инвестиционных проектов развития экономики, финансирование которых планировалось за счет бюджетных средств.

Все эти документы объединяла одна общая идеологическая платформа — концепция экономического фундаментализма, избранная правительством Б. Ельцина — Е. Гайдара в начале 90-х годов XX века, итоги выполнения которой в открытой печати никогда не обсуждались. Критические оценки отдельных негативных последствий реализации экономической программы «шоковой терапии» 1992–1999 годов сохранились только в выступлениях президента В. Путина. Оценки эффективности разработанных планов, концепций, стратегий оказались настолько размытыми, что в них даже невозможно было проследить связь между использованием бюджетных средств с конкретными конечными результатами. В 2013 году был законодательно закреплён лишь один показатель эффективности — улучшение делового климата. В практике планирования под проекты нередко глубоко частные интересы выдавались за общегосударственные.

Проблема адекватности управленческих решений органов власти впервые официально возникла после оценки В. Путиным ситуации, сложившейся с реализацией его майских указов 2012 года: «То ли делается так, что это вызывает негативную реакцию в обществе, то ли вообще ничего не делается»⁵. За видимой причиной «саботажа» чиновников не раскрытой осталась главная, связанная с возможностями российской экономики обеспечения достаточно высоких рубежей.

Еще в период подготовки Послания РФ Федеральному Собранию РФ помощник Президента РФ по экономическим вопросам академик С. Глазьев в служебной записке на имя президента предупреждал, что в рамках нынешнего экономического курса программные указы президента от 7 мая 2012 года (главным образом в части социальных обязательств государства) будут невыполнимы. С его оценкой тогда согласились и эксперты президентского экономического совета и экономического клуба ФБК на том основании, что российская экономика не может расти быстрее, чем на три с небольшим процента в год⁶, а для выполнения указов необходимо как минимум 5–6%.

В сложившейся ситуации требовалось вернуться к предложению В. Путина в 2011 году о реиндустриализации экономики, о развертывании ее в продуманную промышленную политику, однако этого не было сделано. Все осталось по-прежнему в традиции русских госуда-

⁵ См.: *Гладунов О.* Кремлевские мечты Путина // Свободная пресса. 24.05.2012.

⁶ *Путин В.* Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ // Российская газета. 13.12.2013.

рей постоянно забывать простую истину о том, что экономика может выдать ровно столько, сколько она способна дать. Так, вопреки материальным возможностям экономики И. Сталину в 1930 году вздумалось увеличить пятилетнее задание по выплавке чугуна с 10 до 17 млн т. Прибавка в 7 млн т за оставшиеся три года первой пятилетки была равноценна заданию заново начать и полностью завершить строительство с пуском в ход трех магнитогорских металлургических заводов с проектной мощностью в 2,5 млн т в год. Итогом такого «подхлестывания» в 1932 году явилась выплавка всего 6,2 млн т чугуна вместо 10 млн т по плану.

Подобными руководящими импровизациями отличались практически все последующие генеральные секретари ЦК КПСС и президенты РФ. Ярчайшим примером открытого игнорирования власти интересов миллионов рядовых советских граждан явилось решение руководителей трех союзных республик, подписавших в августе 1991 года соглашение о распаде СССР, несмотря на прямо противоположные результаты Всесоюзного референдума, где большинство его участников высказалось за сохранение Советского Союза. Игнорирование реального положения дел и стремление выдать желаемое за действительное так и осталось ключевой проблемой механизма подготовки государственных решений советской и постсоветской истории России.

Каждое новое поколение правящих элит российского общества предпочитало двигаться вперед, не оглядываясь назад, без элементарного стремления критически осмыслить опыт прошлого в деле научно обоснованного выбора целей и приоритетных задач во внутренней политике.

Не случайно многие решения по социально-экономическим вопросам современной России продолжают приниматься без элементарных экономических расчетов и возможностей бюджетного финансирования, без учета гигантского разрыва между вкладываемыми ресурсами и долгосрочной отдачей от этих проектов, без разумного баланса интересов центра и регионов⁷. Достаточно обратиться к примерам решений самых крупных проектов начала XXI века: строительство объектов Олимпийских игр в Сочи, саммит АТЭС во Владивостоке, программы развития Дальнего Востока, создание «Сколково»... Так, подготовка Олимпийских игр в Сочи в четыре раза превысила запланированные расходы и составила 214 млрд руб. Неприлично высоких величин достигло финансирование подготовки к саммиту АТЭС во Владивостоке. В 2007 году закладывалось 150 млрд руб., но за 5 лет аврального строительства стоимость объекта составила 689 млрд руб. бюджетных средств⁸. При наличии избыточных мощностей для транспортировки

⁷ См.: *Зубаревич Н.* Пространство как барьер для модернизации // Независимая газета. 21.10.2011.

⁸ См.: Саммит АТЭС не оправдал ожиданий // Независимая газета. 20.12.2012.

газа в Европу, превышающих в два раза реальные объемы газа в стране, было продолжено строительство шести новых веток «Северного» и «Южного» потоков. В такой же экономически невыгодной ситуации оказался и новый газопровод «Сахалин — Владивосток — Хабаровск», на средства для которого целесообразно было бы выстроить как минимум два востребованных на рынке завода по сжижению газа⁹.

Неадекватность управленческих решений со всеми вытекающими негативными последствиями носит общемировой характер. Непродуманность и необоснованность решений ряда стран Западной Европы в первой половине XX века привела к двум разрушительным мировым войнам, что явилось поводом для создания в этих странах в середине XX века специальной теории политических решений, однако вместо снижения рисков от не соответствующих действительности управленческих решений произошло увеличение разрыва между наукой и практикой госуправления. К началу XXI века неадекватность управленческих решений в странах «золотого миллиарда» стала только усиливаться. Реализм в политике вытеснялся эйфорией однополярного мира, возникшей после крушения СССР и стран социалистического содружества, появлением модных течений постмодернизма и идеологии солипсизма.

Понимание сущности событий текущей истории в политической деятельности сегодня оказывается необязательным, поскольку пост-позитивизм предлагает подгонять реальную действительность под придуманную кем-то идею или модель развития, а солипсизм — отказаться от фактов реальной действительности совсем и уйти в мир собственного существования, в «котором сознание возомнило себя самой реальностью»¹⁰. Для значительной части правящих элит стран Западной Европы нормативным способом соотношения с окружающей действительностью становится его конструирование в собственном сознании с учетом претензий США. Именно этим можно объяснить массовый уход руководителей этих стран с позиций реализма в оценке событий украинского кризиса 2014 года и принятия неадекватных внешне-политических решений.

Не наблюдается пока глубокого осмысления причин, порождающих неадекватность и в государственном управлении России. При сравнении процессов подготовки государственных решений России и западноевропейских стран обращает на себя внимание тот факт, что в качестве общей исходной позиции везде наблюдается «описание реально-

⁹ См.: Экономика 2012 года: уверенной дорогой под откос// Свободная пресса. 12.12.2012.

¹⁰ См.: Андреев А. Политический солипсизм. — URL: http://www.stoletie.ru/vzglyad/politicheskij_solipsizm_582.htm

сти», которая не требует использования методологии научного познания. Описательность открывает широкий простор для проявлений субъективизма, политической и экономической целесообразности, для построения учеными замысловатых теоретических конструкций, фактически уводящих руководителей от объяснения реальной действительности.

Не случайно далекими от науки оказывались и основания для выбора приоритетных задач в политике. Так, бывший чиновник Стратегического комитета при премьер-министре правительства Великобритании Джефф Малган в своей книге «Искусство государственной стратегии» установил, что основаниями при выборе приоритетных задач в западноевропейских странах выступают, как правило, интуиция, советы астрологов, давление политических конкурентов, следование некоей идеологии, поиск путей наименьшего сопротивления, предвыборные политические обязательства¹¹. Среди этих оснований, к сожалению, выпадает исходный пункт любого целеполагания в политике — предварительный конкретно-исторический анализ политической ситуации, без которого любая постановка задач превращается в произвольное выдергивание любой из бесконечной цепи переживаемых проблем с приданием ей надуманного статуса приоритетности.

В отличие от западноевропейских стран Россия уже в начале XX века располагала методологией исторического анализа политической ситуации, выступающей основанием теории научного выбора приоритетных задач и основного звена политики, автором которой был председатель СНК В. Ленин. За годы революционной борьбы у него сложился привычный для него подход к решению проблем политической практики, в котором главная роль отводилась обобщению и использованию опыта истории. Его принципиальная новизна для отечественной и мировой истории государственного управления состояла в том, что исторические знания целесообразно отбирались не в интересах политической борьбы или оправдания принятых решений, а в целях научного познания сущности переживаемых явлений: вскрытия их причинно-следственных связей с прошлым, понимания главных противоречий и тенденций развития изучаемой исторической обстановки, извлечения на основе осмысления опыта пережитого его поучительных уроков, выступающих основой научного выбора приоритетных (главных) задач в государственно-политической деятельности.

К сожалению, оставленные В. Лениным блестящие образцы исторического анализа политических ситуаций при разработке стратегии и тактики партии тогда прошли мимо внимания его ближайшего окружения. Уникальная технология, не имеющая аналогов в мировой

¹¹ Малган Дж. Искусство государственной стратегии. Изд. ин-та Гайдара. 2011. — С. 9.

науке и практике, открывающая короткий и эффективный путь к научному обоснованию принимаемых решений органами государственной власти, оказалась незаслуженно забытой.

Первые научные публикации о ней появились в СССР в середине 80-х годов XX века. Попытка автора статьи убедить референтов Генерального секретаря ЦК КПСС М. Горбачёва в необходимости использования методологии исторического анализа политической ситуации, оставленной в наследство В. Лениным, не увенчалась успехом. Из четырех методологических категорий была искусственно выдернута лишь одна — урок опыта истории и довольно неудачно использована в отчетном докладе ЦК XXVII съезду КПСС¹².

Одна из причин продолжающейся в XXI веке невостребованности этой «беспартийной», деидеологизированной технологии научного обоснования государственных решений, на наш взгляд, кроется в сохраняющейся в руководстве страны с конца 20-х годов XX века до настоящего времени методологической ошибке — пренебрежении практическо-политической функцией, выполняемой историческим опытом. Если В. Ленин впервые в мировой истории государственного управления предпринял попытку использовать исторический опыт как целесообразно отобранное историческое знание, важное и актуальное для осмысления, понимания и решения непосредственных задач государственно-политической практики, то И. Сталин, придя к власти, вернул традиционное отношение к истории как «дышлу — куда повернешь, туда и вышло», превратив историю в инструмент политической борьбы, обоснования уже принятых им самим решений.

Он сформулировал свое правило в государственном управлении: «Чтобы не ошибиться в политике, надо смотреть вперед, а не назад». Лично для него оглядываться назад было равносильно признанию собственных ошибок и неудач, чего он не мог позволить ни себе, ни своему ближайшему окружению. Но именно этого стереотипа политического мышления И. Сталина стали придерживаться все последующие советские и постсоветские руководители России¹³. Они оказались в плену сталинского способа определения задач партии, в котором конкретно-исторический анализ явлений текущей истории подменялся их описательностью, оценками состояния основных направлений партийного руководства всеми сферами жизни советского общества, уложенными в схему трех вопросов: внешняя политика, внутренняя политика, партия и госаппарат. В отчетных докладах ЦК съездам партий, с

¹² Материалы XXVII съезда КПСС. — М.: Политиздат. 1986. — С. 23–24.

¹³ «Сегодня, когда мы идем вперед, важнее не вспоминать прошлое, а смотреть в будущее» (*Путин В.* Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ 8 июля 2000 года // Российская газета. 9.07.2000).

которыми выступали советские вожди, менялся лишь порядок расположения традиционных разделов с неугасимым стремлением охватить все и вся, упомянуть обо всем, ничего не упустить. Этот же подход сохранился и в структурах построения посланий президентов РФ Федеральному Собранию РФ, диктуемых основными направлениями радикально-либерального реформирования российского общества, как правило, без учета реальной действительности.

Именно тогда, в конце 20-х годов XX века, власть перестала нуждаться в теоретическом осмыслении опыта истории для научного обоснования принимаемых решений. Что имело крайне негативные последствия в подготовке и реализации планов не только строительства социализма СССР, но и попытки осуществления «прыжка» к капитализму. Сквозившее во многих важнейших решениях власти созерцательное отношение к действительности в свое время академик-физиолог И.П. Павлов объяснял тремя особенностями русского политического ума: отсутствием привязки к фактам, сосредоточенности и стремления к истине¹⁴, которые с течением исторического времени, на наш взгляд, трансформировались в ряд отличительных черт поведения политических элит, передающихся из поколения в поколение, независимо от их идеологических пристрастий.

Так, отсутствие привязки к фактам вылилось в устойчивое лукавое отношение власти к фактам истории и действительности, не поднимавшееся выше узкого практицизма. Это явилось питательной средой для сохранения исторического «склероза» власти, ее неспособности пользоваться историческим знанием для осмысления проблем современности.

Отсутствие сосредоточенности у русского политического ума на практике превратилось в теоретическое иждивенчество правящих элит. Для многих из них стал привычным девиз: легче подражать чужим идеям и следовать модным теориям, почерпнутым из опыта западноевропейских стран, чем жить своим умом. Стремление правителей России к тому, чтобы все было как у других «просвещенных народов», приводило к тому, что они больше внимания уделяли изучению и использованию опыта стран Западной Европы и Америки, чем знаниям истории и жизни своего народа. Точную оценку этим увлечениям дал великий русский историк В. Ключевский: «Чужой западноевропейский ум призван был нами, чтобы научить нас жить своим умом, но мы попытались заменить им свой ум»¹⁵. Умение самостоятельно работать над проектами важнейших государственных решений оказалось чрезвычайно редким качеством для русских правителей.

¹⁴ Павлов И. О русском уме // Литературная газета. 31.07.1961.

¹⁵ Ключевский В. Афоризмы и мысли об истории. Тетрадь с афоризмами. 1891 год.

К их числу можно отнести лишь личности Петра I, Екатерины II, В. Ленина, И. Сталина, В. Путина. Во всех остальных случаях, чем «зарядят» их референты и советники, тем они и «выстрелят».

Отсутствие стремления к истине, на что указывал И. Павлов, просто закрепилось в монополии власти на истину. Начиная с XVIII века все российские государи исходили из представления об абсолютном характере принадлежащей им власти, ничем и никем не ограниченной. Монополия на истину советских вождей тщательно скрывалась под тезисом о верховной правоте решений съездов партий большевиков. В постсоветской России монополия на истину в социально-экономической политике прочно удерживается членами правительства, отстаивающими позиции рыночного фундаментализма.

Плохо усвоенная поколениями политических элит России очевидная истина о том, что «настоящее — это суммарно взятое прошлое», всегда оборачивалась для них разрывом в цельности их мировосприятия, потерей способности понимать логику исторического развития конкретной политической ситуации и неизбежностью повторения ошибок прошлого в принятии управленческих решений, не соответствующих действительности. Видимо, не случайно правители России, по признанию П. Чадаева, «каждый день начинали свою историю и историю своего народа с чистого листа», никогда не проявляя особой заботы не только о сохранении исторической преемственности руководства страны, но и об уровне исторической подготовки кадров госслужащих.

Для сменяющихся поколений руководящих элит история в XXI веке по-прежнему остается сводом отдельных знаменательных дат и событий, но только не инструментом понимания проблем современности и формирования исторического сознания молодежи. В учебных планах подготовки госслужащих изучение истории государственного управления России сведено к истории государственных учреждений. Теорию государственного управления в России заменяет теория управления организациями, заимствованная из опыта США. История и теория разработки, принятия и реализации решений органами государственной власти России вообще лишена права на существование как самостоятельная учебная дисциплина.

12 лет назад президент В. Путин впервые в истории российской государственности поставил задачу создания в стране эффективной и четкой технологии разработки, принятия и исполнения решений¹⁶, которая, видимо, не случайно, так и не получила своего логического завершения.

¹⁶ Путин В. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ 18 апреля 2002 года // Российская газета. 19.04.2002.

Павел ГУРЕВИЧ

НЕНАВИСТЬ КИПАЩАЯ

Феноменология злобы

В течение минувшего года мы старались обозначить болевые точки нашего социального бытия. Мы размышляли о том, какую роль в обществе играет идеология, пытались понять, чему учит история, предостерегали от соблазна социальных иллюзий, стремились проанализировать духовность различных цивилизаций. И каждый раз за фасадом острых общественных проблем маячила тема, как будто лишенная конкретного прагматического смысла. Порой она принимала комические формы вроде того, как одесские дамы гневно меряются друг с другом бюстом в бытовом конфликте. Но чаще проблема сопрягалась с драматическими и даже трагическими сюжетами. Она вырастала за историческими событиями как ее неизменный фон.

В предвестии будущих лет нас особенно тревожит разрастание ненависти в мировом и отечественном пространстве. Это грозный симптом, чреватый непоправимыми последствиями. Когда ненависть рассматривают как мать порядка — жди беды! Первая мировая война началась с убийства эрцгерцога. Что оставалось делать трем двоюродным братьям, которые стояли возле трех империй? Уладить дипломатический конфликт или начать бойню, которая охватила 38 государств и длилась дольше четырех лет? Перебой с хлебоснабжением в Петрограде стали прологом к Октябрьской революции. Самосожжение в Тунисе зеленщика, которому не разрешили торговать в облюбованном месте, вызвало восстание в этой стране.

Странная происходит инверсия. Знакомое сочетание, предваряющая поток новостей «Злоба дня», получает зловещую и подлинную окраску. Действительно, злобно, хотя и актуально...

Ненависть — сильный возбудитель общественных потрясений. Возьмем события столетней давности. Чтобы военные действия имели успех, надо вызвать ненависть к немцам. Весь мир читает разбросан-

ные листовки. В них сообщается, что немцы уничтожают католиков. Тем, кто отказывается присягнуть, отрубают руки. Вы уже ощущаете гнев и омерзение? Но вам докладывают, что немцы насилуют монашек, а монахов вешают на колокольнях. Что еще? Немцы распяли канадского офицера и открыли завод по переработке трупов на мыло... Ну вот, общественность налилась ненавистью, играет желваками. Теперь можно идти в атаку.

Но такая безрассудная ненависть — источник индивидуальных несчастий и страданий. Об этом остервенелом чувстве мы знаем по личному опыту. Ненависть также выглядывает из всех пор общественного организма. Но что мы знаем о ней, о ее сути и связанных с нею социальных последствиях? Каковы ее истоки — психологические, социальные, познавательные, антропологические? Известный французский философ Андре Глюксманн показал, что гнев не новость для человеческого существования¹. Мы помним испепеляющее безумие Медеи, вакханалии зверства, продемонстрированные античными тиранами, беспощадный лик восточного деспотизма. Слепое бешенство, гнездящееся в подсознании наших цивилизаций, сеет смуту и разрушение. Ненависть закована в латы своей мстительности.

Выходит, ненависть разнолика и, судя по всему, отражает какие-то неустрашимые черты человеческой природы. Но почему тогда социальные мыслители уделили так мало внимания этому человеческому наваждению? Не ищите это слово среди ключевых понятий у Аристотеля или Канта. «Злорадство», «невоздержанность», «ярость», «исступление» — пожалуйста... Но только не «ненависть». Не вчитывайтесь на этот счет в сочинения философских антропологов. Они оставили тему без внимания. Есть и другие обозначения, но нет данной страсти. Не ройтесь в этических словарях. Там тоже это понятие отсутствует.

Опасная тема, чреватая воздаянием. Названная книга А. Глюксманна содержит впечатляющий перечень исторических бедствий, продиктованных кипящей ненавистью. Но ссылок на философскую экспертизу данного помрачения ума у автора нет. Ее, вероятно, и невозможно соткать из отдельных суждений Сенеки, Ницше или Сартра. И это в наши дни, когда даже климат вошел в состояние нервозности. А цивилизационная дрожь приводит в ярость страны и континенты.

Ницше называл апостола Павла гением ненависти и даже гением в видениях ненависти. И это о сподвижнике Иисуса? Итак, в самой христианской любви кроется чувство сильной враждебности. Яростный противник христианства Ницше считал, что в ее любви в косвенной форме звучит самая низменная, самая яростная клевета и жажда уни-

¹ Глюксманн А. Философия ненависти. — М., 2006.

чтожения, то есть одна из самых подлых форм ненависти. Немецкий философ не только разочаровался в человеке как таковом, он довел феноменологию злобы до презрения к человеку. Задолго до Фрейда Ницше пытался показать сплетение противоречивых чувств: в каждой любви таится ненависть, в ненависти прячется любовь.

Противоречие между любовью и ненавистью, влечением к жизни и влечением к смерти является глубинным противоречием, существующим в человеке. В нем как бы борются две тенденции — тенденция к сохранению жизни, которая заложена в самой жизни, и тенденция, которая привносится в жизнь, когда человек утрачивает стремление, желание жить. Разочарование в жизни порождает ненависть к ней.

Неспособный к созиданию человек склонен к разрушению, одному из видов насилия. Другим видом насилия является садизм, цель которого — стремление превратить человека в ничто, в вещь, все одушевленное — в неодушевленное. Эрих Фромм выделил и такой вид насилия, продиктованный ненавистью, как жажда крови, кровавых злодеяний. Заполненная смертью жизнь вызывает инстинкт смерти.

Эбола ненависти

После Первой мировой войны ведущие американские социологи пытались понять, что же заставило страны вступить на путь войны. Ведь этой катастрофы не хотел никто. Тогда зачем народы набросились друг на друга? Эксперты усмотрели корень войны в эскалации ненависти. Исследователи даже призывали политиков воздерживаться от слов, имеющих сильную эмоциональную нагрузку. Однако на самом деле в политический лексикон ворвались речи, преисполненные не только пафоса, но и предельной злобности. Американский философ Карл Шмитт по этому поводу заметил: «Нет ничего более парадоксального, когда во имя человечества считают, что против Америки выступают «нелюди». Сильно сказано: не хочешь служить США, тогда ты и не человек вовсе. Отныне Зло политики США олицетворяют с теми, кто не является союзниками США. В своей речи от 3 августа 1983 года Рональд Рейган назвал СССР и страны Восточного блока «империей зла».

После распада СССР обострилась тема «глобального терроризма». Борьбу с ним Джордж Буш обозначил как противостояние Добра и Зла. В 1994 году Мадлен Олбрайт предложила называть того, кто не с Америкой, «государством-хулиганом». А уж как поступать с безобразниками, давно известно. Кого назвать хулиганом, решает тот, кто употребил это слово в политической борьбе.

Сегодня крестоносцы империи свободы пугают мир российским экспансионизмом. И все же Обама, определяя опасности, которые угро-

жают миру, прежде всего назвал вирус Эбола. Сразу повеяло дуновением Чумы. Пока никто не знает, как остановить этот вирус. Однако пора демонизировать угрозу. А уж затем в той же интонации Обама обозначил российскую государственную политику. Аналогия во всех смыслах нелепая. Вирус рождает эпидемию. Государственные интересы России никого не тянут в пропасть. Они вряд ли являются заразительными для других стран и не пахнут мировой революцией. Но зато позволяют США вызывать образ Сатаны и готовить превентивные удары по нашей стране.

Американский президент толкует об упреждающих атаках. Это явное нарушение международного права. Единственным возможным оправданием вмешательства оказывается непогрешимость предвидения, подпитанная ненавистью. Желание свергнуть режим Саддама Хусейна оправдывалось, как известно, утверждением, что Ирак располагает «оружием массового уничтожения и готов применить его». Но это оказалось блефом и обманом. Таким же надувательством выглядит стремление Обамы представить Россию в качестве агрессора и призывать страны объединить усилия в борьбе против нашей страны.

В качестве третьей опасности Обама назвал «международный терроризм». В конце сентября 2001 года Белый дом дал своему плану борьбы с терроризмом кодовое название «Бесконечная справедливость». Но это означает неистовый вызов в эпоху войны без конца. Нет также точных целей и заранее обусловленных результатов. Подобную бойню невозможно ни выиграть, ни проиграть. Такие политические намерения тоже можно назвать вирусом. Однако сохраним политкорректность.

Негодование и озлобление

Феноменология злобы у Ницше связана с особым феноменом, который он обозначает французским словом *ressentiment* — «негодование, злопамятность, озлобление». Он ввел это понятие в своей работе «Генеалогия морали». Так было обозначено чувство враждебности к тому, что человек считает причиной своих неудач (уступки «врагу»), бессильная зависть, «тягостное сознание тщетности попыток повысить свой статус в жизни или в обществе». Чувство слабости или неполноценности, а также зависти по отношению к «противнику» приводит к формированию системы ценностей, которая отвергает святыни «врага». Массы хотят избавиться от чувства вины за собственные неудачи.

Когда журналист сообщает известному международнику Р. Енгибаряну о том, что в России никогда не было дефицита в проповедниках, а среди них Л. Толстой, тот отвечает: «Ему повезло, что он не дожил до семнадцатого года». Если бы к графу Толстому в Ясную Поляну при-

шли шариковы, пожалели бы они его как «морального авторитета»? Сомневаюсь. С тех самых пор жестокость и немотивированная агрессия стали у нас банальностью. В России по сей день считают, что важно быть не правильным, а сильным. Отсюда и преступность, неуважение законов, мздоимство... Владимир Путин, безусловно, понимает, что надо поменять состояние национальных мозгов. Но как это сделать?

Разве ненависть не является двигателем истории? Как, к примеру, сделать эффективным соперничество в экономике без удушающих финансовых приемов? Можно ли отказаться от агрессии в суровом и яростном мире? И как выиграть войны без долгих предварительных «пятиминуток ненависти»? Как вообще жить, если не ненавидеть окружающих до белой горячки? Без нее существование теряет остроту и пикантность, сильные страсти и полнокровие.

Ненависть опасна своей примитивной простотой. Древние греки понимали агональность как состязание, в ходе которого сильнейший помогает слабому. Современная экономика расточительна именно потому, что она отвлекает огромные ресурсы на бессмысленную вражду, на абсолютное подавление конкурентов. Война не принесет победы без холодного и точного расчета. Об этом, как известно, напомнил во время Отечественной войны Сталин, когда советские писатели попробовали вовлечь народ в омут жестокой и недалёковидной ненависти к проклятой орде фашистов.

Хотя ненависть слепа и примитивна, она не лишена порой изысканности и иронии:

*Ешь ананасы, рябчиков жуй!
День твой последний приходит, буржуй...*

Погромные страсти

Мат в нашей стране запретили. А чем крыть? Ведь мы каждодневно встречаемся с пароксизмами злобы. Олигархи давно возомнили себя хозяевами жизни, превращая в ад жизнь простых людей. Законодатели, словно сговорившись, тиражируют законы, которые не соотносятся ни с правом, ни со здравым смыслом. Безостановочные реформы добивают науку, образование, здравоохранение. Суд то и дело выносит приговоры, которые мгновенно рождают «ярость благородную». Пришельцы, став гражданами страны с чуждой для них культурой, становятся грозной разрушительной силой. Владельцы предприятий чувствуют себя рабовладельцами, опекающими своих холопов.

В наших генах еще хранится память, когда расправа с неугодными рождала конкретную стилистику: «И эти враги, ничтоже сумняшеся, разбрызгивая ядовитую слюну...». Татьяна Москвина беседует с писате-

лем Захаром Прилепиным. Они вспоминают время репрессий. Т. Москвина спрашивает: «Служба службой. Понятно, что трудовые лагеря, но зачем с такой жестокостью? Зачем с такой злобой? Здесь какая-то избыточность, ваша воля есть». «Есть, — отвечает писатель. — А разве нет этой избыточности сегодня? Мы ее можем наблюдать в самых разных ситуациях. Все мгновенно превращается в какую-то ярость и противостояние. Люди начинают друг друга затаптывать в силу стилистических разногласий... И вдруг люди начинают вцепляться друг другу в плотку и душить. И это моментально происходит с самыми цивилизованными, прекрасными и удивительными людьми, которых мы считали цветом нашей интеллигенции... Ощущение своей правоты становится выше, чем понятие о милосердии».

В самом деле, вот в Год культуры два интеллигента вступили в полемику. Разве это не базарная ругань с апелляцией к человеческому низу и сортирным оттенком? Что делать: в человеке скрыты мощные погромные страсти, таится разрушительная сила. Он достоин презрения. Ницше буквально коллекционирует оттенки этого пренебрежения, считая обнаружение этого состояния настоящим искусством. Но особую ценность приобретают его мысли о том, как злые аффекты концентрируются в человеческом массиве, в сплотке толпы, в массовом сознании. Хуже всего, если низы заявляют о своих вожделениях, устремляются к борьбе. Поднявшиеся слои, по его мнению, не способны «действовать иначе, как только разлагая, отравляя, угнетая, высасывая кровь». Их подгоняет «инстинкт смертельной ненависти» против всего, что возвышается, что велико, что имеет прочность, что обещает жизни будущность...

Но разве допустимо такое? Тот же А. Глюксманн заметил: «Ненависть является во всем своем величии, когда шагает за пределы пространства обмена критическими мнениями». Послушаем, к примеру, дискуссии, которые рождаются на телевизионном экране. Бушуют страсти, оппоненты перебивают друг друга. С помощью крика подтверждают свою правоту. Разве в этом неистовстве рождается истина?

Конечно, разногласия в политических спорах — явление законное. Однако нужен ли этот градус взаимного неприятия? Разве славянофилы и западники, обдумывая российские исторические маршруты, относились к оппонентам с негодованием, бранили и оскорбляли их? Сегодня считается обязательным «ругнуть» либералов за их экономические и социальные ошибки. Изобличить, разлампасить, облить презрением. Но целесообразно ли превращать в пугало идейное течение, которое имеет несомненные исторические достижения? А может быть, разумнее подумать над словами русского консерватора Алексея Сергеевича Суворина: «Либерал — это не клеймо, не ругательство, но и не почетный титул».

Как понизить градус ненависти? Не следует, к примеру, наступив на чужую ногу, опережать реакцию знакомым: «Сам дурак!» Если мы называем сегодня Запад «разъяренным и оцетинившимся», то мы исключаем возможность корректного диалога. Не нужно сваливать на Госдеп наши собственные промахи и неудачи. Крупные события вырастают из глубины, а не устремляются из одного коварного истока. Каждый должен, как святой Франциск, мотыжить свой участок. Наша страна способна самоотверженным трудом отвергнуть любые инсинуации. Надлежит помнить, что производство ненависти — не безотходное предприятие. Оно оставляет после себя выжженное поле рассудочности, накипь дурных аффектов, эффекты бумеранга.

Вот написал про закабаляющую ненависть, и на душе стало легче. Как будто бремя скатилось с плеч. Как прекрасно сказано у поэта: и дышится, и плачется... Сейчас вот прочитаю молитву. Выпью кофе. И только потом растерзаю, убью эту тварь. Кстати, с телевизионного экрана слетела фраза: «Вокруг столько жестоких людей, я бы их всех поубивала...».

ТЕМА НОМЕРА: **ПРОЕКТ ВОСТОЧНОГО ПАРТНЕРСТВА** **«ДО» И «ПОСЛЕ» МАЙДАНА**

Статья написана на основе аналитического доклада, подготовленного российскими учеными-политологами доктором политических наук, профессором факультета политологии МГИМО (У) МИД РФ Еленой Пономаревой, доктором исторических наук, профессором Института Европы РАН Любовью Шишелиной, под руководством доктора политических наук, профессора, заведующей кафедрой сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России, президента Российской ассоциации политической науки Оксаны Гаман-Голутвиной.

ЧАСТЬ II*. **ВОСТОЧНОЕ ПАРТНЕРСТВО:** **ЛИТОВСКИЙ ОПЫТ И ЛАТВИЙСКИЕ ПЛАНЫ**

Литовский опыт председательства в ЕС: насколько применим для Латвии?

Расширение взаимодействия ЕС со странами — участницами программы «Восточное партнерство» было принято как один из четырех приоритетов председательства Литвы в Евросоюзе во втором полугодии 2013 года постановлением сейма Республики от 10 ноября 2012 года. Литовские предложения к программе разрабатывались правоцентристским правительством Андриуса Кубилиуса, основой идеологии которого являлся примитивный антисоветизм, автоматически перемещенный и на отношение к Российской Федерации как правопреемнице СССР. Следствием этого стало решение об особой роли и даже «миссии» литовской дипломатии на постсоветском пространстве. Официальный Вильнюс позиционирует себя как выразителя интересов и ценностей США, ЕС и НАТО (в неоконсервативной терминологии — «Свободного мира») в республиках бывшего СССР. Наиболее полно эта кон-

* Окончание. Начало см.: Вестник аналитики, № 3, 2014.

цепция была описана в «Стратегии по сдерживанию России» лидера литовских консерваторов Андриуса Кубилиуса, опубликованной еще в 2007 году и обновленной в 2014 году. Ключевые тезисы этой стратегии применительно к внешней политике Литовской республики:

— «Чем больше в Европе будет Америки, тем меньше там будет России — этот тезис должен быть ориентиром политики Литвы»;

— «На Востоке у Литвы мало шансов и возможностей сделать что-то самостоятельно... Нужны более активные действия на благо НАТО и ЕС»;

— «Литва вместе с соседями и США в этом регионе должна стать архитектором новой политики соседства».

Программа «Восточное партнерство», изначально исключаящая Россию из отношений Европейского союза с шестью постсоветскими республиками, рассматривалась литовским руководством как оптимальная форма для реализации своей внешнеполитической концепции, поэтому институт председательства в Евросоюзе в Вильнюсе восприняли как свой исторический шанс — возможность реализации своей внешней политики как общеевропейской с помощью программы «Восточное партнерство».

Несмотря на то, что осенью 2012 года в Литве произошла смена правительства — правоцентристское правительство во главе с консерваторами («Союз Отечества — Христианские демократы Литвы») сменило левоцентристское во главе с Социал-демократической партией Литвы, социал-демократы, под давлением президента Д. Грибаускайте, не скорректировали конфликтогенную программу председательства Литвы в ЕС, сформированную идеологами развития Литвы как «буферной зоны».

В рамках рудиментарной логики времен «холодной войны» формировалась идейная основа литовской интерпретации «Восточного партнерства». Председательство Литвы в ЕС в рамках черно-белой, будто списанной с наихудших советских образчиков, логики сделало неизбежными как провал идеи о добровольной ассоциации Украины с ЕС, так и окончательную дискредитацию программы «Восточное партнерство» в целом.

Ярким примером такой теоретической проработки темы «Восточного партнерства» стал аналитический доклад «Евразийский союз: вызов ЕС и государствам Восточного партнерства», подготовленный экспертами аффилированного с литовскими правыми Центра исследований Восточной Европы в Вильнюсе. Авторы доклада, близкие к СО-ХДЛ, утверждали, что проект Евразийского союза является «авторитарной альтернативой европейской интеграции» постсоветского пространства в рамках стратегического курса российского руководства на реинтеграцию стран бывшего Советского Союза. Из этого они

сделали вывод, что Европейский союз должен активизировать свою деятельность в приграничных восточных государствах, форсированными темпами способствовать утверждению там демократии и европейских ценностей, одним словом — играть на опережение в виду надвигающейся угрозы авторитарной евразийской интеграции¹.

Председательство Литвы в ЕС показало провинциализм и неготовность этой страны к работе на общеевропейском уровне и взвешенному диалогу с Россией. Литовская республика во главе с Грибаускайте, которая усиленно продвигала тезис о Литве как об «осажденной крепости», поставила своей задачей вовсе отказаться от диалога ЕС с Россией, в частности, по вопросам «Восточного партнерства».

Литва в рамках своей концепции внешней политики и до 2013 года проявляла особую заинтересованность в развитии отношений с Украиной как ключевой страной в геополитическом балансе Восточной Европы. Политика Вильнюса в отношении Украины всегда имела под собой антироссийскую основу: например, депутаты Европарламента от Литвы помогали президенту Украины В. Ющенко в распространении на Западе концепции «Голодомор — геноцид украинского народа».

После прихода к власти Виктора Януковича задачей литовской дипломатии стало недопущение международной изоляции нового украинского режима. В Вильнюсе считали, что отказ европейских партнеров иметь дело с Януковичем толкнет последнего в «объятия Москвы», и Украина перейдет в сферу влияния России.

Чтобы этого не произошло, литовское руководство, наряду с польским, регулярно предпринимало шаги по спасению репутации украинского режима Януковича, который, начиная с ареста экс-премьера Юлии Тимошенко, регулярно ставил себя на грань международной изоляции. Проект подписания Соглашения об ассоциации Украины с ЕС на саммите в Вильнюсе, связанные с этим ожидания реванша над Россией и продолжения брюссельской карьеры Грибаускайте привели к тому, что попытки восстановления репутации режима Януковича и активное участие в переговорах об ассоциации Украины с ЕС стали главным направлением литовской внешней политики в 2013 году.

Во время официального визита президента Януковича в Вильнюс в феврале 2013 года Даля Грибаускайте даже публично выдвинула своему украинскому коллеге ультиматум: либо ассоциация и зона свободной торговли с ЕС, либо вступление в Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана. Украина тем самым была поставлена перед

¹ Евразийский союз: вызов для Евросоюза и государств «Восточного партнерства». — URL: http://www.eesc.lt/uploads/news/id415/Eurasian%20Union-a%20Challenge%20for%20the%20European%20Union%20and%20Eastern%20Partnership%20Countries_RU.pdf

необходимостью явного геополитического выбора, что резко обострило существующее в ней противоречие между заманчивостью европейской интеграции и сохраняющимися глубокими связями с Россией и другими странами бывшего СССР.

Отношение Литвы к ассоциации Украины с ЕС как к победе в «геополитической игре» заложило основу того, что в итоге на Вильнюсском саммите были скомпрометированы европейские ценности и основополагающие механизмы программы «Восточное партнерство».

Украину активно вовлекали в ЕС не в силу того, что она приближалась к ЕС, а в силу того, что она от него отдалялась. В этом отношении Вильнюсский саммит, безусловно, вошел в историю как саммит, на котором с поразительной четкостью стало ясно: еще никогда прежде ЕС так не унижался перед третьей страной, буквально втягивая ее в орбиту своего влияния. Если это и победа, то пиррова.

Курс на подписание во что бы то ни стало Соглашения об ассоциации Украины привел к отказу ЕС от европейских ценностей, деформации ценностного эталона ЕС. Ценностный подход большинства европейских стран, по которому ассоциации Украины с ЕС не должно было состояться, пока страна не продемонстрировала бы прогресса в вопросах демократии, обеспечения прав человека, структурных реформ, был вытеснен конъюнктурным стремлением подписать Соглашение с Украиной любой ценой (невзирая на колоссальные экономические риски для самой Украины), продиктованным приближавшимися выборами в Европейский парламент.

Аналогичная ситуация наблюдалась и при приеме в Европейский союз восточноевропейских государств и Прибалтики. К началу 2000-х годов стало понятно, что по многим статьям эти страны не выполнили требований Еврокомиссии, предусмотренных во время согласования дорожных карт, и никак не соответствовали копенгагенским критериям. Особенно много претензий было к Польше и Латвии. Латвия тогда, по мнению Еврокомиссии, выходила на третье место в Европе по уровню коррупции. Однако, руководствуясь исключительно желанием не допустить возможности восстановления в этих странах российского влияния, в Евросоюзе приняли замещающую формулировку «об условном соответствии» и все же приняли восемь постсоциалистических стран в свое сообщество. В случае Восточного партнерства, поскольку основными субъектами этой политики являются сами ныне называющие себя центральноевропейскими государства в прошлом Восточной Европы, похоже, планка требований снижена до самого низкого уровня. Главное — это согласие объекта на условия ЕС.

Фактически, программа «Восточное партнерство», реализуемая Литвой на ущербной, возрожденной из эры «холодной войны» идеологической базе противостояния Востока и Запада, обернулась крупней-

шим кризисом европейской дипломатии. Литве как председателю ЕС не удалось довести до конца общеевропейский приоритетный проект по включению этой страны в европейскую сферу влияния, а сам ЕС понес огромные имиджевые потери.

Перспективы и факторы развития программы «Восточное партнерство» после Вильнюсского саммита

События ноября-декабря 2013 года поставили под вопрос будущее программы «Восточное партнерство». Вполне вероятен был сценарий того, что Брюссель потеряет интерес к низкоэффективной инициативе, которую лоббируют, прежде всего, страны Восточной Европы и в которой после ноября 2013 года не осталось серьезных целей для развития программы: Грузия и Молдавия парафировали Соглашения об ассоциации с ЕС, Азербайджан не демонстрирует большого стремления к участию в программе, Армения сделала выбор в пользу евразийской интеграции, Белоруссия поддерживает контакты с ЕС на минимальном уровне, а дальнейшее выстраивание отношений Европы с Украиной посредством дискредитировавшей себя программы просто нереально.

Очевидно, что Европейский союз не намерен покидать постсоветское пространство — в среднесрочной перспективе для ЕС здесь могут появиться новые перспективные направления работы. О возможной судьбе Восточного партнерства после украинского кризиса можно, в том числе, судить и по судьбам схожих регионально-соседских программ ЕС «Средиземноморское партнерство» и «Северное измерение»: обе эти программы ушли в тень политики соседства ЕС именно вследствие заложенного в них изначально конфликтогенного потенциала. Тем не менее ни одна из них не может быть сопоставима с негативным результатом, «достигнутым» политикой Восточного партнерства на Украине и в отношениях с Россией.

Несмотря на провал в ноябре 2013 года, программа «Восточное партнерство» была названа среди приоритетов председательства Латвии в Совете ЕС в первой половине 2015 года. В связи с этим перед Ригой возникает острая необходимость в анализе дальнейших путей развития программы «Восточное партнерство» для определения возможностей по повышению эффективности данной программы при одновременном снижении заложенного конфликтного потенциала, который был продемонстрирован на Украине.

Разочарование итогами Вильнюсского саммита в Брюсселе подтолкнуло еврочиновников к осознанию того, что данная инициатива нуждается в ревизии и пересмотре. В феврале 2014 года состоялась встреча министров иностранных дел стран ЕС, на которой обсуждалось буду-

щее программы «Восточное партнерство». Дискуссии развернулись вокруг 20 рекомендаций, которые и передают видение Европой того курса, в котором должна развиваться данная инициатива в условиях после Вильнюсского саммита. Новый европейский стратегический документ, определяющий восточную политику ЕС, был подготовлен 13 странами ЕС, включая Германию и Великобританию.

Согласно данным рекомендациям, ЕС предлагалось при развитии «Восточного партнерства» сделать акцент на принципе «больше за большее», который ранее, по мнению ряда европейских политиков, особенно Восточной Европы, использовался недостаточно эффективно. В рамках данного принципа выделяют два механизма финансирования. Во-первых, определяется не конкретная сумма для каждой из стран, а диапазон сумм. Если страна выполняет свои обязательства, то ЕК переходит на более высокий уровень финансовой помощи. Во-вторых, имеется специальная «зонтичная» программа. 10% от всех ассигнований этой программы могут выделяться только тем странам, которые делают успехи в демократической повестке дня, в соблюдении прав человека.

Среди «20 пунктов Восточного партнерства после Вильнюса» отмечается необходимость «поощрять лидеров «Восточного партнерства», в полной мере используя концепцию «больше за большее», включая приоритетное дополнительное финансирование из средств ЕС в рамках существующих инструментов, а также текущих многолетних финансовых структур и поддержку международных финансовых организаций». В дополнение к этому европейские министры рекомендовали детально разработать дифференцированный концепт взаимодействия в рамках Соглашения о партнерстве и сотрудничестве для «менее амбициозных участников ВП», к которым, в первую очередь, была отнесена Армения.

К лидерам же «Восточного партнерства» в Брюсселе отнесли Молдову и Грузию, за что данные страны должны быть теперь наделены определенными привилегиями. Среди «20 пунктов...» значится рекомендация обеспечить в эти страны постоянный поток визитов европейских политиков высшего уровня «с ясным и постоянным сообщением пожелания раннего подписания Соглашения о зоне свободной торговли и необходимости энергичных европейских реформ, чтобы полностью использовать соглашение».

В целом же данный документ зафиксировал усиление конфронтационной составляющей «Восточного партнерства».

Реализация целого ряда пунктов этого документа неминуемо ведет к дальнейшему дистанцированию ряда постсоветских республик от России и как следствие — к росту конфликтности во внутривосточном процессе этих стран и в целом в регионе.

Серьезный акцент в скорректированной модели «Восточного партнерства» сделан на общественные связи и пропагандистские механизмы воздействия. В частности, планируется усилить информационную кампанию «Вместе сильнее» и усиленно «распространять информацию и противодействовать дезинформации» в странах «ВП» с привлечением публичных экспертов. Вместе с этим констатируется необходимость увеличивать контакты со всеми секторами общества в «Восточном партнерстве», включая визиты, семинары, студенческие обмены, совместные проекты, европейские общественные программы в партнерских странах, «с приоритетным вовлечением таким образом тех, кто еще не уверен в выгодах от сближения с ЕС. Отдельные действия следует ориентировать на национальные меньшинства и отдаленные регионы». Отдельным пунктом значатся уже традиционные для европейской политики намерения, наряду с поддержкой борьбы с коррупцией и содействием институциональным реформам, поддерживать гражданское общество.

Вместе с тем, после Вильнюсского саммита «Восточного партнерства» в Европе нет единого мнения относительно дальнейшего развития программы. У таких стран, как Франция, Германия и Польша, постепенно скрепляется осознание необходимости открытого, конструктивного, а не келейного диалога с Россией как со стратегическим партнером ЕС в деле строительства «большой Европы».

Однако цена этого осознания стала ужасающе дорогой — коллапс украинской государственности после провального Вильнюсского саммита 28–29 ноября 2013 года подвел европейских политиков к осторожному пониманию необходимости пересмотра взглядов на политику ЕС на постсоветском пространстве. Это понимание могло дойти до западноевропейских столиц гораздо раньше при условии, что у руля «Восточного партнерства» стояли бы страны, которые обладают реальными возможностями для глубокой и беспристрастной экспертизы процессов, развивающихся на постсоветском пространстве, а не балтийские ревнители новой «холодной войны», для которых многолетняя риторика о российской угрозе была лишь средством нарастить свой политический капитал как внутри страны, так и на внешней сцене, продемонстрировав тем самым свое стремление быть большими европейцами, чем сами создатели Евросоюза.

В этом отношении ЕС оказался заложником собственного же механического принципа ротации, когда во главе Евросоюза по очереди становится каждая из стран ЕС и при этом во внимание не принимается главное: способна ли она адекватно выражать интересы всего сообщества, не превратится ли ее председательство в попытку свести личные счеты, посеять ветер, который может потрясти самые основы Евросоюза.

Латвийские представления о Восточном партнерстве

В условиях нарастания конфронтационности международной обстановки в Европе среди стран ЕС так и нет единого мнения относительно будущего восточной политики, и программы «Восточное партнерство» в частности. На уровне отдельных европейских стран и в целом на общеевропейском уровне рассматриваются разные варианты решения возникших трудностей. В связи с этим Латвии, председателю ЕС в 2015 году и принимающей стороне очередного саммита «Восточного партнерства» в Риге, выпадает шанс сыграть особую роль в данной дискуссии о стратегическом развитии.

По мере приближения председательства Латвии внутри политико-экспертного сообщества республики стали складываться два видения или две модели будущего программы «Восточное партнерство».

В феврале 2013 года на страницах латвийских СМИ председатель фракции «Центра согласия» в сейме Латвии и президент Балтийского форума Янис Урбанович выступил с идеей о необходимости реформирования программы «Восточное партнерство» после Вильнюсского саммита. Данная точка зрения базируется на предпосылке о данном саммите как о «соседской» неудаче с одной из внешнеполитических программ сотрудничества». Главная причина этой неудачи — превращение программы в геополитическую схватку Европы и России, главными жертвами которой в итоге оказываются именно сами Восточные партнеры. «Энтузиазм их охладает, надежды развеются и планы, связанные с евроинтеграцией, забудутся. И уже с холодной головой оценив требования интеграции в «ВП», они поймут, что, по сути, это означает отказ от традиционных экономических связей в пользу новых, еще не оформившихся. И цена евроинтеграции покажется слишком высокой»². В целом можно выделить несколько ключевых характеристик, которыми должна обладать программа «Восточное партнерство» в соответствии с данной моделью:

— проведение «аудита» программы с целью изъятия скрытых интересов;

— отказ Евросоюза от категоричных требований к странам — участницам «ВП» в отношении общерыночных стандартов, так как некоторые из них могут противоречить национальным экономическим интересам государства;

— отказ от «антироссийской» риторики, как и от логики «борьбы» за постсоветское пространство в целом, за передел сфер влияния;

² Урбанович Я. Настоящая цена «Восточного партнерства». — URL: <http://www.rus.delfi.lv/news/daily/versions/yanis-urbanovich-nastoyaschaya-cena-vostochnogo-partnerstva.d?id=44092513>

- вовлечение в партнерство Москвы: создание формата многосторонней дискуссии с привлечением фокусных стран программы, ЕС и России;

- выстраивание восточной политики ЕС, исходя из предпосылки о заинтересованности России быть частью Европы для проведения собственной модернизации;

- отказ от политики наставничества в отношениях с Восточными партнерами;

- акцент на выгоду от реализации программы не только для стран «Восточного партнерства», но и для России и других стран постсоветского пространства.

Развитие программы «Восточное партнерство», согласно модели Урбановича, позволит выйти за рамки региональной программы, ориентированной лишь на шесть постсоветских республик, и перейти к стратегическому целеполаганию — созданию объединенного политического и экономического пространства от Лиссабона до Владивостока. Действуя по модели, охарактеризованной выше, Латвия получает возможность использовать свой уникальный шанс, чтобы увести Европу с дороги конфронтации. Однако есть риск, что Латвия пойдет и по противоположному пути.

Еще один латвийский взгляд на будущее «Восточного партнерства» представил на саммите министров иностранных дел ЕС в марте 2014 года глава МИД Латвии Эдгар Ринкевич. Модель Ринкевича на данный момент представляет наиболее радикальный вариант реформирования программы. Согласно данному видению проблемы, «Восточное партнерство» должно обладать следующими характеристиками:

- максимальное вовлечение США в реализацию «Восточного партнерства» вплоть до переименования программы в «Евроатлантическое восточное партнерство»;

- включение в дорожную карту «Восточного партнерства» не просто ассоциированного членства с весьма неопределенными преимуществами, а обещание полноценного членства в Евросоюзе;

- диверсифицированный подход. Э. Ринкевич предлагает разработать к каждой стране — участнице «Восточного партнерства», по сути, свою собственную мини-программу евроинтеграции, в которой будут учтены особенности каждого конкретного случая;

- повышение эффективности программы через усиление принципа «большее за большее»;

- информационное противостояние России.

Среди представленных моделей концепция Ринкевича является наиболее конфликтогенной (так как закладывает основы не только для конфликта между Россией и ЕС, но и предлагает США, по сути, напрямую ввязаться в сугубо европейские дела, что, как известно, с серьез-

ной ревностью воспринимается еврограндами и самим Брюсселем; такой шаг официальной Риги способен только расширить очаг недоверия внутри Евросоюза) и ресурсозатратной, а значит, напрямую связанная с экономической ситуацией в Европе.

ЧАСТЬ III.

СЦЕНАРИИ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ «ВОСТОЧНОГО ПАРТНЕРСТВА» И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ЕВРОПЕ

Выявление основного контекста, в котором на данный момент развивается «Восточное партнерство», позволяет смоделировать возможные сценарии дальнейшего развития программы и соответствующее развитие международной обстановки в Европе. Чтобы определить, какую роль в Европе может сыграть инициатива «Восточное партнерство», необходимо в свою очередь определить возможные сценарии развития самой программы.

Начать построение сценариев необходимо с формализации политических процессов. За отправную точку сценариотехники — событие-триггер — возьмем международную ситуацию в Европе, которая сложилась в результате Вильнюсского саммита. Обозначим это состояние как S_0 .

Следует выделить ряд факторов F , которые наиболее заметным образом могут повлиять на эволюцию программы «Восточное партнерство» после Вильнюсского саммита и на политическую ситуацию в Европе в целом:

- отношение «ядра» ЕС к программе «Восточное партнерство», F_0 ;
- дестабилизация экономического положения ЕС, F_2 .
- исход выборов в Латвии, F_3 .

Под воздействием выделенных факторов можно охарактеризовать восемь основных сценариев развития программы «Восточное партнерство». Условно все восемь сценариев можно разделить на три группы и, как следствие, три возможных варианта влияния «Восточного партнерства» на политическую ситуацию в Европе, которые условно назовем Рижское, Пражское и Вильнюсское «Восточное партнерство».

Вариант 1. «Рижское Восточное партнерство»

Сценарий S_1 — это развитие событий в случае, если в «старой» Европе доминирующие позиции займет точка зрения о необходимости смены вектора развития «Восточного партнерства» (сработает фактор F_1), в Европе заметно ухудшится экономическая ситуация

(сработает фактор F_2), в результате осенних выборов в Латвии ядром формирующейся коалиции станет «Центр согласия» (сработает фактор F_3).

По сути, это один из двух полярных вариантов развития событий. Каждый из этих факторов только усилит влияние других. Так, к примеру, экономический кризис ожидаемо поднимет рейтинги оппозиции в Латвии и сделает победу «Центра согласия» лишь еще более убедительной. В этом случае открываются возможности для лоббирования в Брюсселе идей развития «Восточного партнерства» по модели Урбановича, представленной выше. Безусловно, после октября 2014 года не удастся кардинально изменить суть программы, учитывая, что Рижский саммит пройдет уже в первой половине 2015 года. Однако можно существенно повлиять на специфику диалога с Восточными партнерами, уйти от стиля наставничества и конфронтационной составляющей по отношению к России.

Подобные новшества в рамках этого сценария будут поддержаны в Брюсселе в результате прогнозируемого «полевения» Европарламента. Кроме того, экономические трудности заставят Брюссель искать наименее затратные форматы реализации программы «Восточное партнерство». Одной из таких возможностей станет привлечение к собственным инициативам российской стороны.

Такие прецеденты могут заложить основу для гармонизации внешнеполитических интересов России и Евросоюза на постсоветском пространстве и в регионе Восточной Европы.

В первую очередь наличие данной системы отразится на самих Восточных партнерах, которые перестанут быть разменными монетами в геополитическом «перетягивании каната» и получат возможность извлекать выгоду от интеграции и на Востоке, и на Западе. Именно в результате этого сценария в Восточной Европе вместо буферной зоны может появиться выгодный и для России, и для ЕС «геоэкономический шов», который свяжет два соседствующих интеграционных проекта — европейский и евразийский. При дальнейшем позитивном развитии данного сценария это открывает дорогу созданию Единого экономического пространства от Лиссабона до Владивостока, против чего и сейчас, в период послекрымских событий, не выступают наиболее прагматичные и дальновидные политики Европы и России.

Сценарий S_3 — это развитие событий в случае, если в Брюсселе и Латвии сменятся доминирующие политические силы, а экономическая ситуация в Европе окажется достаточно стабильной.

В этом случае даже без экономических стимулов вполне возможна смена вектора развития программы «Восточное партнерство». При таком развитии событий главной движущей силой изменений станет политическая воля по оси Брюссель — Рига. Левые и евроскептические

ские силы ЕС не будут сильно заинтересованы в развитии конфронтационной вильнюсской модели «Восточного партнерства».

При формировании правительства Латвии не сыграет своей роли фактор социального напряжения внутри страны, соответственно доминирующее положение «Центра согласия» в данном случае может быть и не столь твердым, как в случае сценария S_1 . Возможно формирование «широкой коалиции» или же формирование правительства, в котором ЦС будет выступать в роли младшего партнера. Тогда, безусловно, лоббистские усилия «модели Урбановича» программы «Восточное партнерство» будут несколько ограничены, но все же могут быть услышаны в Брюсселе в силу их созвучия общеевропейской политической конъюнктуры.

В таком случае (так же, как и в случае сценария S_1) вектор развития «Восточного партнерства» будет существенно скорректирован. Его конфликтная составляющая снижена. Появится возможность урегулирования политико-идеологических конфликтов между ЕС и Россией, в частности, украинского кризиса.

Таким образом, сценарии S_1 и S_3 представляют собой группу сценариев конструктивного развития международной ситуации в Европе. В этих сценариях появляется реальная возможность гармонизации интересов России и Евросоюза на постсоветском пространстве и в Восточной Европе, которые сейчас, скорее, являются источниками нестабильности в отношениях двух сторон. В стратегической перспективе данные сценарии содействуют продвижению европейского и евразийского проекта в сторону создания Единого экономического пространства «Большой Европы».

Однако реализация данного сценария существенно затруднена так называемым фактором «третьей силы» — США и их сателлиты в Центральной и Восточной Европе (в том числе и бывшие выходцы из советского блока). Именно для «третьей силы» создание, углубление и поддержание конфликтной ситуации на евразийском континенте, расширение зоны недоверия как между ЕС и Россией, так и внутри самого ЕС (что ведет к его ослаблению, закреплению модели «экономический гигант, но политический карлик»), является важным с геополитической точки зрения.

Вариант 2. «Пражское Восточное партнерство»

Сценарий S_2 — это развитие событий в случае, если нынешняя модель программы «Восточное партнерство» потеряет поддержку «ядра» ЕС, экономическая ситуация в Европе заметно ухудшится, но политическая ситуация в Латвии останется неизменной.

В данном случае для программы «Восточное партнерство» складывается весьма противоречивая ситуация. Экономическая ситуация в

Европе и рост влияния евроскептических настроений толкают Брюссель к отказу от нынешней конфронтационной модели «Восточного партнерства». Европейский бюджет не дает возможностей для усиления принципа «большее за большее», для компенсации убытков Восточных партнеров от разрыва связей с Россией, для расширения спектра программ сотрудничества с европейскими странами. Еврокомиссия и главные столицы Европы приходят к выводу о необходимости большей прагматизации программы и к активизации диалога с Россией по вопросам перспектив евроинтеграции Украины, Молдавии и Грузии.

Реализация данного переформатирования «Восточного партнерства» ложится именно на Латвию как председателя ЕС в 2015 году и страну, принимающую очередной саммит «Восточного партнерства». Однако в Латвии в результате осенних парламентских выборов у власти осталась полностью та же политическая элита, что действует и сейчас, и эта элита уже имеет свое видение будущего программы «Восточное партнерство», выраженное в «модели Ринкевича», которое придет в коренное противоречие с политической конъюнктурой в Брюсселе. Принцип «большее за большее» бумерангом вернется драйверам программы «Восточное партнерство»: чем больше новых членов будет втянуто в ЕС, тем больше денег понадобится на их содержание, следовательно — тем меньше средств останется для дотационных ныне стран Балтии.

Следует учитывать, что Латвия как член ЕС должна будет действовать при этом в рамках общей внешнеполитической стратегии союза и реализовывать курс на переформатирование «Восточного партнерства». Конфликтная составляющая программы в результате все же будет снижена, но полноценное переформатирование программы в соответствии с данным сценарием будет провалено. Это связано с тем, что Латвия, отказавшись от негативной повестки дня, не сможет предложить повестку позитивную ни России, ни участницам программы.

Как следствие, сама суть реализации программы будет выхолощена и вернется к уровню Пражского саммита 2009 года, когда цели и механизмы «Восточного партнерства» были сформулированы в первоначальной, пусть и нейтральной, но слишком неконкретной, расплывчатой форме.

Сценарий S_5 — это развитие событий при условии, что настроения в Западной Европе и общеевропейская экономическая обстановка остаются в той же ситуации, что и после Вильнюсского саммита, но в Латвии меняется правящая элита.

В данном случае на уровне Брюсселя не появляется политических инициатив по серьезному пересмотру программы «Восточное партнерство». К пересмотру не подталкивает и экономическая обстановка в ЕС. В таких условиях корректировка программы пойдет в направле-

нии «20 пунктов «Восточного партнерства» после Вильнюса» с актуализацией принципа «большее за большее», усилением информационного противостояния с Россией, усилением общественных связей в странах — участницах программы и содействием экономическому дистанцированию стран «Восточного партнерства» от других постсоветских стран (в первую очередь — России). В связи с этим конфронтационный градус европейской программы будет расти.

В случае прихода к власти в Латвии новой коалиции с заметным участием «Центра согласия» перед Ригой и Москвой откроются новые возможности по развитию диалога. Ослабление искусственных преград характера в российско-латвийских отношениях создаст условия для роста товарооборота, инвестиций, возникновения других элементов прагматических взаимоотношений, которые сказываются на уровне жизни каждого латвийца — неважно, гражданин он или «негражданин». В этом случае конфронтация с Россией для Латвии будет противоречить как государственным интересам, так и интересам правящей элиты.

Тем не менее латвийское руководство будет вынуждено выступить реализатором конфронтационной модели «Восточного партнерства», а значит — неминуемо возникновение противоречия между позициями Брюсселя и Риги. Однако в данном случае у «Центра согласия» появляется возможность выступить в качестве «медиатора» в отношениях между Россией и Европейским союзом. Подобное посредничество позволит снизить конфликтный потенциал «Восточного партнерства». Кроме того, в данном случае председательство Латвии будет освобождено от конфликтной риторики о «русской угрозе» и необходимости спасти Восточную Европу, как это было в случае с литовским полугодием.

Сценарий S₈ — это развитие событий при условии, что руководство ЕС отказывается от пересмотра принципов программы «Восточное партнерство», но в Европе углубляется кризис, а в Латвии к власти приходит нынешняя оппозиция.

В данном случае магистральное развитие «Восточного партнерства» сохраняется: под эгидой данной программы планируется создание большого количества диалоговых площадок различного уровня представительства, формируются экспертные планы по переключению Восточных партнеров на западное экономическое, энергетическое пространство, актуализируется принцип «большее за большее» и т.д. Однако в ЕС нарастают экономические трудности, что соответствующим образом сказывается на европейском бюджете и финансировании европейских программ. Многие планы, заложенные в «Восточное партнерство», остаются лишь на бумаге либо реализуются формально. В итоге серьезного продвижения на пути евроинтеграции стран-участниц не происходит.

В то же время в Латвии под влиянием общего ухудшения экономической обстановки к власти приходит оппозиция, «Центр согласия» занимает влиятельные позиции в правительстве страны, получая возможность лоббировать свое видение «Восточного партнерства». В условиях сокращения бюджета программы и фактического замедления ее реализации у «Центра согласия» появляются дополнительные возможности по продвижению «модели Урбановича» на общеевропейском уровне. Однако успешной реализации данной задачи мешает ряд обстоятельств: недостаточность лоббистского ресурса Латвии, неприятие Брюсселем идеи о привлечении России к реализации «Восточного партнерства».

Таким образом, как видно из представленного выше анализа, эти сценарии в отдельную группу выделяет нейтральность их реализации. В итоге Рижский саммит будет признан состоявшимся, но совершенно пустым. Никакого серьезного влияния на ситуацию в Европе его исход не окажет, к прогрессу в российско-европейских отношениях не приведет, как и к позитивным изменениям, даже в краткосрочной перспективе, в самих странах-участницах. Это будет дежурное, протокольное мероприятие без разрушительных, как в случае председательства Литвы, последствий. Вряд ли данный сценарий развития событий приведет к углублению конфликта между Россией и Европой, как то было в случае с Вильнюсским саммитом. Рижский саммит просто останется очередной рутинной встречей евробюрократов. Однако такие варианты развития события малоинтересны и для ЕС, и для стран «Восточного партнерства», и для России. Для Европы такая перспектива снова докажет уже продемонстрированное Вильнюсским саммитом — что достигнут предел развития восточной политики в прежнем виде и вовлечь страны постсоветского пространства в свою сферу влияния простым разговором о ценностях не удастся. Для самих Восточных партнеров данные сценарии невыгодны уже по той причине, что в этом случае программа перестает развиваться: «Восточное партнерство» вновь возвращается к позициям, условно говоря, Пражского саммита 2009 года, то есть становится довольно неопределенной программой с неясными целями, невнятным инструментарием по их достижению и слабым финансированием.

Вариант 3. «Вильнюсское Восточное партнерство»

Сценарий S_4 — это развитие событий после пересмотра сути программы «Восточное партнерство» в главных столицах ЕС, но без сильного влияния экономической ситуации в Европе и при сохранении у власти прежней политической элиты в Латвии.

В данном случае сохраняется противоречие между позицией Брюсселя и позицией Риги (за спиной которой стоят США) в вопросах про-

ведения восточной политики ЕС. Европа склоняется к более конструктивному и прагматичному выстраиванию данной политики, в том числе к активизации диалога с Россией. Однако в этом случае стремление Брюсселя к обновлению «Восточного партнерства» не будет бескомпромиссным, так как будет опираться не на экономическую, а лишь на политическую целесообразность.

У политической элиты Латвии, которая после выборов октября 2014 года лишь усилится в политической иерархии страны, появляется возможность пролоббировать «модель Ринкевича» по реформированию «Восточного партнерства». Манипуляция «российской угрозой» в очередной раз станет для Латвии, как и других балтийских республик, механизмом для извлечения ресурсов от отношений более сильных игроков и привлечения их внимания к своим локальным вопросам. На фоне провокаций и соответствующих ответов со стороны России Рига будет продвигать в Брюсселе свою конфронтационную повестку программы. При таком развитии событий Латвия может перенять у Литвы статус источника нестабильности на восточных рубежах Европейского союза.

Сценарий S_7 — это развитие ситуации в условиях, когда ядро ЕС не решится менять вектор «Восточного партнерства», в Латвии также у власти осталась прежняя элита, однако в ЕС разрастается экономический кризис.

В этом случае вертикаль Брюссель-Рига в отношении «Восточного партнерства» выстроена гармонично. Руководство ЕС, согласно сценарию, находится на консервативных позициях, а следовательно, программа «Восточного партнерства» будет изменяться лишь в сторону «20 пунктов...», что будет резко отрицательно оценено со стороны России, конфликтность реализации программы продолжит нарастать.

Усиливающаяся конфронтация найдет поддержку и в среде латвийской политической элиты, опирающейся на идеологию национализма, так как постепенное вытеснение России из региона Восточной Европы будет соответствовать представлениям этих политиков о стратегических интересах Латвии. В свою очередь, снижение «финансового предложения» со стороны ЕС непосредственно скажется на евроинтеграционных настроениях в самих странах «Восточного партнерства», которые предпочтут сбавить темпы своего движения в Европу.

В итоге к Рижскому саммиту Латвией будет получен весьма противоречивый результат проведения восточной политики. С одной стороны, в условиях экономических ограничений не будут реализованы важные элементы «Восточного партнерства», некоторые — так и останутся идеями на бумаге. С другой, на политическом уровне будут в очередной раз накалены отношения с Россией, причем как Латвии, так и всего ЕС.

Сценарий S_8 — это развитие ситуации в условиях, когда на дальнейшие события после Вильнюсского саммита не возымел действия ни один из выделенных выше факторов: в Брюсселе не произошло переосмысления «Восточного партнерства», в Латвии у власти остались прежние элиты, а экономическое положение ЕС остается как минимум стабильным.

В таком случае можно ожидать, что перед Рижским саммитом «Восточного партнерства» начнут реализовываться идеи, заложенные «20 пунктах...», которые потребуют дополнительных финансовых вливаний для подогрева интереса постсоветских республик к ускорению евроинтеграции по принципу «большее за большее». В таких условиях найдут понимание в Брюсселе и большинство идей, заложенных в «модель Ринкевича», кроме разве что преобразования программы в «Евроатлантическое Восточное партнерство».

Активная поддержка со стороны Европы переориентации вектора внешней политики постсоветских республик на Запад вызовет недовольство в Москве и соответствующее зеркальное противодействие, начиная с изменения условий энергопоставок соседним странам и заканчивая торговым эмбарго в отношении них. В результате проведения такой политики постсоветские страны «Восточного партнерства» в очередной раз будут поставлены перед выбором: Европа и евроинтеграция либо Россия и евразийская интеграция. При этом какой бы выбор ни был сделан, сами страны «Восточного партнерства» потеряют часть выгоды, возможной при гармоничном выстраивании отношений как с восточными, так и с западными партнерами. В подобных условиях Рижский саммит «Восточного партнерства» может стать заметным событием для Европы в целом, но лишь потому, что будет проходить на фоне очередного витка «геополитической игры» за право влияния в Восточной Европе, а значит, на фоне роста конфронтационности международной обстановки.

Таким образом, третья группа сценариев характеризуется высокой степенью их конфликтности. Эти сценарии окажутся реальностью, если при реализации «Восточного партнерства» будет преобладать существующая сейчас геополитическая логика принятия решений, базирующаяся на модели *winner takes all*. При таком развитии событий не будет достигнуто экономическое и политическое благополучие постсоветских республик, что является стратегической целью программы «ВП». Напротив, итогом повторения «Литовского Восточного партнерства» может стать появление кризисов по типу украинского в других странах. В глобальном же плане проведение восточной политики ЕС в логике геополитического противостояния неминуемо приведет к эскалации политико-дипломатического конфликта между Европой и Россией, подогреваемого провокационной риторикой Латвии и Литвы.

Результатом подобного положения дел станет раскол Европы на два противостоящих лагеря и поступательная реабилитация принципов «холодной войны» в международной политике. Внутри Латвии следует ожидать резкого роста политической напряженности, сопровождаемой претензиями в духе неомаккартизма к оппозиционным политическим силам, усугублением положения русскоязычных «неграждан», окончательным свертыванием работы русскоязычных СМИ, усилением влияния спецслужб на политический процесс и т.д. Кроме того, одним из последствий станет создание дополнительных серьезных угроз самой Латвии, которая уже сейчас, в силу многолетней дискриминации русскоязычных, живет в страхе «новой оккупации» со стороны России.

В таких условиях не удивительно, что у российской стороны растет недоверие к инициативам «ВП». Ряд экспертов полагает, что «продолжение Евросоюзом и его членами политики «ВП» может привести к нарастанию конфронтации с Кремлем не только в 2014 году, но и в последующие годы, особенно в контексте сближения позиции членов ЕС по России»³.

Латвии выпала особая роль как председателю Европейского союза в 2015 году и стране, принимающей у себя очередной саммит «Восточного партнерства». Изменение вектора развития данной программы может стать первым шагом к переходу от нынешнего противостояния к сотрудничеству различных частей Европы. Но для того, чтобы предпринять этот жизненно необходимый комплексный пересмотр и реформатирование данной программы, нужна недюжинная политическая смелость, подкрепленная пониманием стратегической важности и необходимости сближения России и Евросоюза.

³ Толксдорф Д. ЕС, Россия и Восточное партнерство: новая динамика отношений при новом правительстве Германии? // *Russie. Nei. Visions*. Февраль 2014. — URL: http://www.russiancouncil.ru/blogs/ifri/?id_4=987

Оливер МЕЙЕР (ФРГ)

ЯДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА

Пользуясь военным противоборством с применением обычных вооружений на Украине, Россия пытается привнести в этот конфликт ядерное измерение. Москва намерена с выгодой использовать свое ядерное оружие, используя ядерные угрозы и демонстрируя ядерные возможности в ходе учений и испытаний средств доставки, способных нести ядерные заряды. До сих пор НАТО открыто на такие шаги не реагировало. Однако попытки ядернизации конфликта уже отрицательно сказываются на европейской безопасности и контроле за вооружениями. Они свидетельствуют о необходимости мер по предотвращению кризиса и выработке доверия.

Ядерное позерство

Начиная с лета российские руководители увязывают предостережения против вмешательства Запада в украинский конфликт с заявлениями, имеющими отношение к ядерному статусу России. Так, 29 августа Президент РФ Владимир Путин во время беседы с делегатами Молодежного форума, отвечая на вопросы о вероятности агрессии против России, напомнил миру, что «Россия является одной из крупнейших в мире ядерных держав».

Вполне возможно, что новая военная доктрина России, которая будет обнародована к концу этого года, пересмотрит и основания для применения ядерных вооружений. Некоторые российские эксперты уверены, что нынешняя засекреченная ядерная доктрина содержит положения о допустимости избирательных ядерных ударов тактическими ядерными средствами для «деэскалации» региональных конфликтов. Когда российский генерал Юрий Якубов, кого Moscow Times представила как высокопоставленного сотрудника Министерства обороны, утверждал 3 сентября, что в новой военной доктрине «необходимо прояснить условия, в которых Россия могла бы нанести упреждающий удар силами российских ракетных войск стратегического

назначения», некоторые на Западе расценили это как анонс грядущих плохих событий.

Вдобавок примерно каждые четыре месяца после аннексии Крыма Россия проводила военные учения, где задействовались средства доставки, способные нести ядерные заряды. Неоднократно испытывала Москва и ракеты, способные иметь ядерные боеголовки, в том числе и межконтинентальные. Вполне вероятно, что некоторые из этих учений и испытаний имели бы место и без кризиса на Украине. И все же в сочетании с заявлениями ответственных руководителей и на фоне воинственного тона материалов российских СМИ они убедили кое-кого в НАТО в том, что Россия пытается оказать давление на Запад, поигрывая своими ядерными мускулами. Подобные впечатления были подкреплены заявлениями, что Россия ускорит реализацию программы модернизации своих ядерных сил, с тем чтобы завершить ее к 2020 году.

Молчание Альянса

В противоположность этим явным и публичным шагам ядерные обсуждения НАТО по-прежнему ведутся, как правило, за закрытыми дверями. Согласованное на саммите в Уэльсе 4–5 сентября коммюнике не меняет ядерной позиции или политики Альянса. Скорее, наоборот, саммит, как представляется, снизил важность ядерного сдерживания. Так, тактические ядерные вооружения упомянуты в документе всего один раз и только в контексте достижимой транспарентности и мер по выработке доверия, которые предстоит согласовать с Россией. Вместе с тем Соединенные Штаты предприняли попытку успокоить союзников, использовав свою позицию в ядерном вопросе, например, путем временного размещения в июне в Соединенном Королевстве бомбардировщиков Б-2 и Б-52.

В то время как Россия продолжает заявлять о неприемлемости для нее планов создания противоракетной обороны НАТО, коммюнике саммита в Уэльсе помещает Европейский поэтапный адаптивный подход исключительно в контексте распространения ракетных вооружений. Те члены НАТО, которые настаивают на ускорении осуществления планов противоракетной обороны в ответ на агрессию России против Украины, не сумели добиться единогласной поддержки для такой смены позиции Альянса. И все же, даже если консенсуса по изменению позиции НАТО в отношении сдерживания в ответ на политику России не существует, кое-кому из входящих в Альянс явно по нраву пришлось бы более твердые ответные шаги, в том числе и более сильный акцент на сдерживании.

Украинский кризис не стер различий среди союзников на значимость ядерного сдерживания в Европе, однако нажим России изменил

направленность обсуждений. До Украины НАТО рассматривало варианты ослабления опоры на ядерное оружие, теперь же обсуждается, в основном, следует ли Альянсу усилить опору на ядерное оружие. Прими Россия решение о размещении тактических ядерных вооружений поближе к НАТО, например, разместив такие системы в Калининграде, Беларуси или Крыму, это, скорее всего, окажет существенное воздействие на обсуждения в НАТО. Такое еще больше укрепило бы тех, кто отстаивает стратегию «око за око». Это могло бы включать в себя и пересмотр обещания, данного НАТО в 1997 году, не размещать ядерных вооружений на территории своих новых членов, что спровоцировало бы новую гонку ядерных вооружений и что никак не отвечает интересам НАТО или России.

Ущерб контролю за вооружениями

Ядернизация конфликта на Украине уже отрицательно сказывается на усилиях сократить ядерные вооружения и предотвратить их распространение. Россия явно нарушила свои обязательства по Будапештскому меморандуму: «воздерживаться от угрозы силой и ее применения против территориальной целостности и политической независимости Украины». Это умалило значимость любых гарантий безопасности, какие Москва могла бы предоставить в будущем. Остается лишь убедиться, окажется ли возможным считать и другие ядерные государства «виновными по соучастию», как уверяет Марк Фицпатрик.

В результате украинского кризиса еще сложнее стало браться за начало процесса транспарентности и выработки доверия в отношении размещенного в Европе тактического ядерного оружия. Россия прекратила все консультации по ядерным вопросам в рамках Совета НАТО–Россия в ноябре 2013 года. Украинский конфликт с тех пор уничтожил всякие еще остававшиеся надежды на возобновление диалога в скором будущем.

Утверждения США о том, что Россия не соблюдает Договор о РСМД, прозвучали до украинского кризиса. Однако публично Вашингтон заявил о своих обеспокоенностях только в июльском докладе Конгрессу 2014 года. Соединенные Штаты явно не желали обсуждать эти утверждения в контексте правомочной Специальной инспекционной комиссии, которая, согласно Договору, должна быть создана для выяснения подобных вопросов. В то же время в ответ на обеспокоенности США Москва отказалась предоставить сведения об испытании крылатой ракеты, которая, как предполагалось, нарушала запрет на ракеты средней дальности наземного базирования. Вместо этого Россия выступила с целым рядом обвинений по поводу точности следования США положениям Договора о РСМД и других договоренностей о

контроле за вооружениями. Если обе стороны хотят сохранить контроль за ядерными вооружениями как единую основу, на которой можно строить будущий стратегический диалог, им необходимо безотлагательно садиться и обсуждать эти вопросы с технической точки зрения, имея целью прояснения существующих обеспокоенностей.

Сокращение риска непреднамеренных последствий

Существуют различные объяснения, почему Россия пытается использовать свое ядерное оружие в украинском кризисе. Москва может пытаться удержать Запад от оказания Украине дополнительной поддержки. Возможно, она может пытаться и усилить расхождения внутри НАТО в отношении будущей роли ядерных вооружений в подходе НАТО к сдерживанию и обороне.

С обеих точек зрения, российская политика до сих пор была либо неэффективна, либо контрпродуктивна. На Западе ведутся оживленные споры о том, какого рода поддержку ЕС и НАТО могли бы или должны бы оказать Украине, однако российские ядерные поползновения не оказали никакого заметного влияния на эти споры. Скорее, наоборот, угрожающие меры России укрепили спаянность НАТО. Союзники по НАТО противоречиво толковали ядерную позицию Алянса в преддверии Лиссабонского саммита 2010 года и Чикагского саммита 2012 года. А уже накануне Уэльского саммита 2014 года никаких подобных споров не было.

Альтернативное объяснение российской политики исходит из того, что ядернизация украинского конфликта не есть продукт хорошо и глубоко продуманной стратегии и не результат взвешенного анализа российским руководством издержек и выгод. Согласно такому направлению мысли, впечатление о ядернизации является продуктом обособленных действий отдельных лиц, в том числе и российских руководителей. Возможно, лица эти действовали небрежно или, возможно, руководствовались собственной мотивацией, местническими интересами.

Такое отсутствие стратегии отнюдь не делает ядерные поползновения России менее опасными. В самом деле, один из наибольших рисков, связанных с усилением значимости ядерных вооружений в этом кризисе, возможно, связан не с намеренной эскалацией, а скорее, с неверной трактовкой мотивов и действий другой стороны. В течение двадцати пяти лет после падения Берлинской стены нам не хватало эффективных механизмов кризисного управления в отношениях между НАТО и Россией. Так, за пару последних месяцев имел место целый ряд близких схождений во время военных маневров в Черном море, а Соединенные Штаты, балтийские государства и скандинавские

страны неоднократно сообщали об усилившейся тенденции российских боевых самолетов, в том числе и бомбардировщиков, способных нести ядерные бомбы, устраивать проверку системам противовоздушной обороны. Такие примеры свидетельствуют о неотложной необходимости более совершенных линий коммуникации между Москвой и НАТО.

Обеим сторонам, таким образом, пошел бы на пользу совет срочно наладить диалог с целью (вос)создать как официальные, так и неофициальные каналы связи. В данном контексте у НАТО, возможно, появилось бы желание вернуться к своему решению начала апреля о сокращении численности представительств России в штаб-квартире НАТО. России следовало бы переосмыслить свое прошлогоднее решение прекратить все прямые обсуждения ядерных вопросов с Альянсом. Такие подвижки могли бы помочь проложить путь к диалогу во имя уменьшения риска непреднамеренной эскалации и повысить вероятность диалога, нацеленного на предотвращение конфликта.

Таким образом, механизм кризисного управления мог бы тогда стать той основой, на которой обе стороны попытались бы возобновить диалог по транспарентности и мерах по выработке доверия, связанных с ядерными вооружениями, размещенными в Европе. Обмены мнениями по ядерным доктринам, а также по поводу ядерных аварий и инцидентов, могут стать хорошими отправными точками. В прошлом по обеим этим тематикам НАТО и Россия вели плодотворные обсуждения и были связаны совместными обязательствами. Нынешний кризис на Украине не следует считать оправданием для прекращения подобных обменов, он, скорее, причина нарастить усилия для лучшего понимания друг друга.

Людмила ОЛЕЙНИК

ИЗРАИЛЬ И ГАЗА: ОНЛАЙН ВОЙНА НА ИСТОЩЕНИЕ

Бытует мнение, что на Ближнем Востоке время тянется медленно. Известный американский журналист Томас Фридман охарактеризовал это явление как принцип IBM — сокращение трех наиболее распространенных арабских слов: иншалла, букра, маалеш.

Здесь ничего не загадывают наперед, к каждой фразе прибавляя слово «иншалла» (*араб.* по воле Божьей, даст Бог). Нередко за этим следует пресловутое «букра» (*араб.* завтра). Не сегодня, так завтра по воле Божьей ваше дело, наконец, будет завершено. Ну а если в итоге ничего не получилось, то вас ждет утешительное «маалеш» — ничего страшного, ведь на все воля Божья, и тут, в кипящем регионе жизнь непредсказуема, и каждый день может повлечь за собой опасные изменения. В связи с этим обращает на себя внимание не только открытое противостояние, но и новые формы «закулисной» войны.

Средства массовой информации давно стали инструментом в руках политических игроков. Войны, конфликты преподносятся той или иной стороной совершенно по-разному. Теперь к ним присоединились и такие мощные площадки коммуникаций, как социальные сети. В то время как продолжаются обстрелы и сектора Газа, и городов Израиля, на страницах главных интернет-сообществ мир делится на два лагеря — пропалестинских активистов и сторонников израильской политики.

Любой пользователь Твиттер, Инстаграм, Фейсбук невольно отмечает появление бесчисленных хэштегов на тему ракетных ударов Газы и Израильских территорий за прошедший месяц. Стоит перечислить лишь некоторые из них, чтобы понять масштаб влияния этих порталов на формирование общественного мнения: #gazaunderAttack, #FreeGaza, #PrayforGaza, #Istandwithgaza, #freepalestine диктует пропаганда палестинских защитников, со страниц #israelunderfire, #israelunderattack, #istandwithisrael, #prayforisrael, #peace звучит поддержка в сторону Израиля. Все чаще слышны утверждения о том, что СМИ не показывают настоящую картину происходящего. Именно

поэтому новостным лентам в социальных сетях стали доверять чуть ли не больше, чем телевизионным каналам. А в сущности, есть ли разница между предвзятыми репортажами катарского телеканала «Аль-Джазира» или израильского «Аруц 2» и якобы объективными твитами независимых репортеров или непосредственных участников событий?

В первую очередь не стоит забывать, что Интернет-машина отбирает информацию лично для каждого, основываясь на количестве кликов на определенные страницы. Скажем, если в отношении конфликта вы симпатизируете сектору Газа, то со временем вам будут попадаться те статьи, заявления и комментарии, которые открыто поддерживают жителей сектора, защищают интересы палестинцев и призывают к освобождению «притесненного народа из лап сионистских агрессоров». Более того, вам предложат вступить в пропагандистские группы на Фейсбуке, где фотографии взорванных домов и окровавленных детей с подписями «Дело рук Израиля» еще более ожесточат вашу позицию. Проблема в том, что большая часть этих фотографий вовсе не относятся к нынешним событиям. По данным BBC Arabic, некоторые кадры взяты из архивов войны в Сирии, другие были запечатлены во время операции «облачный столп» в 2008 году. И если еще несколько лет назад именно Фейсбук и Твиттер были основными площадками для политических дискуссий, то теперь и Instagram вошел в эти ряды. Лента каждого популярного блоггера-мусульманина пестрит призывами бойкотировать Израиль, выходить на демонстрации в поддержку Газы и доказательствами жестокости сионистов. Известные актеры, музыканты, дизайнеры активно иницируют сбор средств на восстановление региона после военных действий. В свою очередь израильские активисты Инстаграма фотографируют себя на фоне израильской символики и кричат об односторонности освещения событий.

Делясь между собой ссылками на актуальные СМИ, пользователи социальных сетей многократно усиливают их эффект. Продвижение своей позиции в социальных сетях — это актуальный для современной ситуации политический ход. «Наша страна всего лишь отбивает атаки террористов «Хамас» и борется за справедливость» — вот самое распространенное объяснение любых жестких действий Израиля. Надо сказать, что израильские СМИ продвигают эту мысль упорно и настойчиво, обвиняя арабские, американские и европейские новостные агентства в искажении истины. С другой стороны, репортажи турецких каналов или прямые включения из Газы на «Аль-Джазире», где постоянно идет речь о колоссальных жертвах со стороны палестинцев, — это та же откровенная пропаганда.

«Вместо того чтобы проводить время с семьей на праздник Ид-аль-Фитр, люди вынуждены бежать из своих домов, спасаясь от бомбежек», — возбужденно говорит корреспондент «Аль-Джазиры», чье имя в

арабском мире стало нарицательным за прошедший месяц. Уаэль-эль Дахдхуш плачет в эфире, бьет себя в грудь и призывает весь мусульманский мир бороться с властями тех государств, которые поддерживают политику Израиля. Ни одного упоминания о террористах, пытавшихся проникнуть на территорию Израиля, никакого освещения систематических нарушений перемирия со стороны ХАМАС.

Тем не менее, некоторые факты преднамеренно остаются без внимания и израильских журналистов. Когда израильская ракета попала в школу, действовавшую под эгидой ООН в Рафахе, *The New York Times* опубликовала статью с названием «Воздушный обстрел школы ООН, 10 убитых», *CNN* охарактеризовала это событие как «возмутительный произвол». А израильские *Jerusalem Post* посвятили этому событию всего несколько строк, популярные сайты *Nana* и *Мако* и вовсе проигнорировали его. Единственным изданием, которое упомянуло об инциденте, был *Haaretz* — рупор левого либерального фронта израильской политики, чья аудитория составляет чуть более 10% населения страны.

Однако обсуждение этого события в Твиттере было бурным. Всем были интересны подробности и «правда», которой так не хватало в официальных СМИ. Иллюзия того, что в социальных сетях можно найти объективную картину происходящего, — это и есть главный фактор, который вовлекает людей во всемирную паутину. Наибольшее доверие у пользователей вызывают независимые фотографии и политические блоггеры, которые ведут свои репортажи непосредственно с места событий. Рассудили эти противоречивые сводки именно они — звезды блогосферы, твиты которых опубликовали у себя на страницах тысячи пользователей. Для пропалестинских активистов неоспоримым доказательством стала фотография блоггера Пола Мейсона, на которой он держит обломки ракеты, попавшей в школу. Израильцы в свою очередь ссылались на пост своего блоггера Яира Розенберга. Он опубликовал фотографию мирных жителей, покидающих местность якобы после предупреждения израильской армии о предстоящем обстреле. Каждая сторона в результате осталась при своем мнении, но создалось ощущение, что выбор участники дискуссии сделали сами.

Сегодня все желающие активно обсуждают проблемы, поддерживают или опровергают чужие мнения, и все это в режиме онлайн. Политический спектр состоит из множества разных точек зрения, война которых идет параллельно с реальными военными действиями. Последствия этого противостояния нуждаются в особом анализе. Ведь взаимное непонимание, агрессия и ненависть во Всемирной сети легко пересекает границы стран и континентов, перерастая во второй фронт.

Еще недавно поток информации в медиа-пространстве можно было контролировать. С появлением Интернета границы дозволенного стер-

лись, и возникло чувство обманчивой свободы. Казалось, что все наконец вольны выражать свое независимое мнение. Но именно эти дискуссионные площадки способны серьезно накалить ситуацию и подтолкнуть людей к разрушительным действиям. Арабские подростки во Франции идут поджигать синагогу, начитавшись призывов к уничтожению еврейского государства. Среди израильтян хорошим тоном становится публикация фотографий палестинских детей-террористов. Все более распространенными становятся расистские заявления от рядовых граждан с обеих сторон. Это новое средство ведения войны не носит локальный характер. Вспомним конфликты в Сирии, в Ираке и на Украине. Тем, кто ведет активную жизнь в социальных сетях, практически невозможно остаться в стороне от очередной битвы-дискуссии, где каждый вооружен до зубов суровыми словами.

Юлия СВЕШНИКОВА

МАЛАЙЗИЯ В КАПКАНЕ ИСЛАМИЗАЦИИ: СВОБОДА СОВЕСТИ В ОБМЕН НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРЕДИТ

На фоне агрессивной деятельности исламистов в Ираке и Сирии другие потенциально опасные участки распространения воинствующего исламизма на время остались в тени. К числу таких регионов, на которые следовало бы обратить внимание, относится Юго-Восточная Азия с ее традиционно мягким исламом, завезенным мусульманскими купцами через Малаккский пролив. В странах Малайского архипелага ислам всегда смешивался с доисламскими обычаями, женщины традиционно были активны, а буквализм в толковании религиозных текстов не приветствовался. Отсюда и сильная суфийская традиция, и большое разнообразие различных школ, не только внутри суннитской ветви — например, шииты и мусульмане секты Ахмадия тоже представлены в странах архипелага.

Представительство ислама в странах Малайского архипелага довольно разнообразно, и процессы исламизации рознятся по интенсивности, в зависимости от каждой отдельно взятой страны. В странах с преобладающим мусульманским населением, таких как Малайзия или Индонезия, умеренная исламизация отчасти имеет тенденцию рассматриваться как позитивное стремление выстроить социальные процессы в соответствии с нормами ислама.

В данной статье речь пойдет о Малайзии, которая в последнее время проявила себя в качестве локомотива исламизации науки и общественно-политической жизни, при этом сохраняя статус «азиатского тигра», и в целом динамично развивающейся многонациональной и многоконфессиональной страны. Действительно ли государству Малайзия удастся соблюсти баланс между традицией и модерном, который бы обеспечил мирное сосуществование столь разнообразного населения и положительный образ на внешней арене, который стратегически необходим для притока инвестиций? Судя по общественно-политическому дискурсу последних лет, борьба между традиционными элементами и модер-

ном становится все более заметной, а общество все менее сбалансированным.

Исламское или светское государство?

Население Малайзии оценивается в более, чем 30 млн жителей¹, из которых большинство составляют малайцы, преимущественно мусульмане — около 50%. Общая доля мусульман в стране — около 60%². В малазийском экспертном сообществе и политической элите присутствуют те, кто уже сейчас назвал бы Малайзию «исламским государством», как, например, в 2001 году о ней отозвался самый влиятельный за всю ее историю премьер-министр Махатир Мохамад. Поощрение этой концепции создало питательную почву для усиления радикалистских настроений, провоцирующих углубление межрелигиозных противоречий.

Волна «исламского пробуждения» настигла Малайзию в 1980-х годах, получив импульс от иранской революции 1979 года, и имела шанс прижиться в Малайзии, которая как постколониальное государство по-прежнему находилась в поиске национальной идентичности. «Стремление вернуться к „настоящему исламу“ в то время было очень сильно, — говорит директор Исламского фронта возрождения (Islamic Renaissance Front — IRF) доктор Ахмад Фарук Муса. — В то же время некоторые политические лидеры видели в распространении этих идей возможность усилить свое собственное влияние»³.

В результате стремления обуздать нарастающее влияние исламистских идей, упорядочить их и поставить на службу политической легитимности правящих элит были учреждены соответствующие государственные институты, такие как Малайзийский департамент исламского развития (Jabatan Kemajuan Islam Malaysia — JAKIM) и Исламский религиозный департамент штата Селангор (Jabatan Agama Islam Selangor — JAIS), уполномоченные издавать фетвы⁴. За время существования названных органов не раз появлялось предложение утвердить суннитскую ветвь власти (а иногда ее конкретный мазхаб — шафи-

¹ Department of Statistics Malaysia, official portal. — URL: <http://www.statistics.gov.my/portal/populationclockNEW/BI.php>

² Malaysia, The World Fact Book, Central Intelligence Agency, updated January 8, 2014. — URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/my.html>

³ Zakaria N. Ulama and theologians trying to control Islam, December 25, 2013. — URL: <http://www.theantdaily.com/news/2013/12/23/ulama-and-theologians-trying-control-islam>.

⁴ Предписания религиозно-правового характера, в данном случае обязательные к исполнению мусульманами.

итский) единственно приемлемой версией ислама в стране. Также было запрещено проповедовать ислам согласно шиитскому учению, в связи с чем на собрания мусульман-шиитов был проведен ряд рейдов.

На самом же деле утверждать, что Малайзия — исламское государство, противоречило бы конституции, из текста которой логически следует, что в стране осуществляется светское управление, а ислам как «религия государства» исключительно в церемониальных целях. Ст. 3 основного закона гарантирует каждому право мирно исповедовать свою религию. Исключение установлено ст. 11(4), которая позволяет ограничивать религиозную пропаганду среди мусульман на уровне законодательства отдельных штатов или на уровне федерации в целом. Так, решением Национального совета фетв от 5 мая 1996 года шиизм включен в список идейных течений, которые запрещено проповедовать, хотя и дозволено исповедовать.

В широком смысле все то, что на сегодняшний день не соответствует традиционно принятому в Малайзии шафиитскому мазхабу, может считаться в той или иной степени ересью, поскольку может нарушить единство малайцев⁵. Это создает дополнительные причины для создания напряженности в отношении христиан и мусульман-шиитов, которых обвиняют в попытках обратить мусульман-суннитов в другую религию. Проблема здесь не только в религиозном единстве, но и в национальном, которое, в первую очередь, относится к малайско-мусульманской части населения, отсюда и плотное переплетение малайского национализма и ислама⁶. Однако, если на заре независимости малайскими политиками использовался в большей степени националистический фактор, то с момента иранской революции и роста запроса на исламизацию общественной жизни стал преобладать религиозный компонент.

Демонизация религиозных меньшинств

В ноябре 2005 года в отчете о международной религиозной свободе Госдепартамента США было отмечено, что «правительство Малайзии выступает против интерпретаций ислама, которые оно сочло отклоняющимися от традиционных, утверждая, что эти взгляды угрожают национальной безопасности»⁷. Согласно вебсайту Малайзийского департамента исламского развития 56 учений были запрещены для пропове-

⁵ *Marchinkowski Ch.* Facets of Shi'ite Islam in Contemporary Southeast Asia (II): Malaysia and Singapore, Institute of Defence and Strategic Studies Singapore, № 121, December 29, 2006. — P. 11.

⁶ Согласно конституции Малайзии, даже национальная принадлежность определяется в том числе через конфессиональную ориентацию — чтобы считаться малайцем, необходимо быть мусульманином.

⁷ URL: <http://www.state.gov/j/drl/rls/irf/2005/51518.htm>

дования мусульманам. Тогда они включали шиизм и даже трансцендентальную медитацию среди других⁸. Параллельно правительство проводит мониторинг деятельности религиозных меньшинств.

Отчет Госдепа уже 2012 года подтвердил общий тренд ущемления прав религиозных меньшинств и показал, что одной из наиболее заметных целей нападок в последние годы оказались мусульмане⁹. Эти настроения имеют свои причины, не связанные с религиозной практикой меньшинства¹⁰ или с интенсивной проповеднической деятельностью шиитов среди суннитов. Атмосфера недоверия и даже ненависти создавалась постепенно через средства массовой информации, деятельность исламских организаций и с помощью высказываний некоторых политиков.

Например, министр внутренних дел Ахмад Захид Хамиди высказался о том, что последователи этого направления ислама представляют угрозу национальной безопасности, поэтому шиизм надо ограничить. В 2013 году Хамиди обвинил заместителя председателя Всемаалазийской исламской партии Мохаммада Сабу в принадлежности к шиизму¹¹. Дело было названо «вопросом веры» и поручено Департаменту исламского развития для расследования, но по сути подразумевало обвинение в угрозе национальной безопасности¹². Министр Хамиди прокомментировал это дело так: «Ислам ставит публичные интересы выше индивидуальных прав», подразумевая, что единство мусульманской уммы более важно прав отдельных меньшинств¹³. Заявления подобного рода поощрили практику превентивных действий в отношении предполагаемых угроз.

В июле 2013 года главный министр штата Кедах Мухриз Махатир, сын Махатира Мохаммада, повторил эдикт Национального совета фетв

⁸ Возможность задержания лиц, исповедующих запрещенные течения, предоставлял в течение долгого времени акт о внутренней безопасности, который предполагал возможность задержания без суда на срок до 60 дней, а в случае необходимости — до двух лет. Был отменен в 2012 году.

⁹ *Marchinkowski Ch.* Facets of Shi'ite Islam in Contemporary Southeast Asia (II): Malaysia and Singapore, Institute of Defence and Strategic Studies Singapore, № 121, December 29, 2006. — P. 19.

⁹ URL: <http://www.state.gov/j/drl/rls/irf/religiousfreedom/#wrapper>

¹⁰ Например, в Малайзии нет практики кровавого самоистязания в дни Ашуры, годовщины мученической смерти третьего шиитского имама — Хуссейна, как это можно иногда встретить, например, в Ираке.

¹¹ Minister: Shiism to be curbed to protect national security, Malaysiakini, December 13, 2013. — URL: <http://www.malaysiakini.com/news/249247>

¹² Jakim to get proof of Mat Sabu's Shia link, New Straits Times, December 16, 2013. — P. 4.

¹³ *Zurairi Ar.* In religious auction, ulama urge PAS to shun «liberals» // The Malaysian Online, November 21, 2013. — URL: <http://www.themalaymailonline.com/malaysia/article/in-religious-auction-ulama-urge-pas-to-shun-liberals>

и отметил, что основное беспокойство властей связано с опасностью обращения мусульман-суннитов в шиизм¹⁴, по сути апеллируя к религиозному единству малайского большинства как способу защиты публичного интереса.

Впрочем, шииты стали не единственным объектом нападков со стороны государственных институтов, политиков и исламских организаций из сторонников буквалистского толкования писаний. Летом 2011 года был произведен рейд на методистскую церковь в Петалинге по подозрению обращения в христианство присутствующих там мусульман. Доказательств означенной деятельности представлено не было, но исламистские организации незамедлительно призвали к «защите мусульманской веры в стране»¹⁵ и необходимости принять более строгие законы, карающие вероотступничество¹⁶.

Другой эпизод относится к 2008 году и касается изъятия 32 Библий у христиан, возвращающихся из Филиппин, — книги были конфискованы и переданы для инспекции в министерство внутренней безопасности¹⁷. А 2 января 2014 года сотни Библий были конфискованы из Библейского сообщества, на основании того, что накануне решением суда было запрещено использование слова «Аллах» и ряда других слов арабского происхождения не мусульманами в результате судебного разбирательства против католической газеты The Herald, начатого в 2007 году. В 2011 году кабинет принял Решение из 10 позиций, которое позволяло христианам Малайзии использовать коранические слова¹⁸, традиционно использовавшиеся на службах и для перевода религиозных текстов на малайский язык. Однако в июне 2014 года Высший суд подтвердил решение апелляционной инстанции октября 2013 года о запрете использовать слово «Аллах» и некоторые другие в публикациях и богослужениях¹⁹.

¹⁴ URL: <http://www.touristmy.com/%D8%AE%D8%A8%D8%B1-%D8%A7%D9%88%D9%84/7948-tourist-online-news-malaysia.html>

¹⁵ Tosatti M. Malaysia, Radical Islam on the rise, November 23, 2011. — URL: <http://www.vaticaninsider.lastampa.it/en/world-news/detail/articolo/malesia-malaysia-malasia-islam-diritti-delle-minoranze-derechos-de-las-minorias-minority-right>

¹⁶ Вероотступничество представляет собой еще одну долгоиграющую тему в малайзийском исламском дискурсе, в частности по вопросу: должно ли вероотступничество караться смертной казнью.

¹⁷ Bibles Confiscated at Airport, February 5, 2008. — URL: http://www.worldwatch-monitor.org/2008/02-February/newsarticle_5212.html

¹⁸ Does 10-point agreement still hold? S'gor to ASK Zahid for clarification on Malay Bible, January 7, 2014. — URL: http://www.malaysia-chronicle.com/index.php?option=com_k2&view=item&id=210411:does-it-still-hold?-sgor-to-ask-zahid-for-clarification-on-10-point-agreement-for-malay-bible&Itemid=2#axzz2qrdKWNnF

¹⁹ Hellmann M. Malaysia's Highest Court Upholds Ban on Christians Using the Word, June 23, 2014. — URL: <http://www.time.com/2910780/malaysias-highest-court-upholds-ban-on-christians-using-the-word-allah/>.

Гонка благочестия

Настроения защиты ислама и мусульман от распространения всевозможных идей, в частности относящихся к отличным течениям в исламе или абстрактным «западным ценностям», обусловлены внутри- и внешнеполитическими причинами, а отнюдь не реальной угрозой идейной целостности мусульманского большинства.

Распространение этих настроений, нарушающих гармонию многоконфессионального государства, стало возможным благодаря особому климату, созданному в процессе политической борьбы двух основных политических партий — Объединенной малайской национальной организации (ОМНО) и Всемалайзийской исламской партии (ПАС). Политическое противостояние этих двух партий — националистической, борющейся за права малайцев, и консервативно исламской, со временем стало напоминать «гонку благочестия». Для того чтобы привлечь голоса малайско-мусульманского большинства, члены партий стали использовать любую возможность, чтобы обвинить оппонента в недостаточной преданности исламским идеалам. Так, программа изначально более националистической ОМНО, бессменного лидера в системе парламентской монархии Малайзии, приобрела крен в религиозную сторону.

Согласно стратегии премьера Махатира, ОМНО изначально позиционировалась как единственная партия, способная гарантировать процветание малайцев и национальное единство. Со временем единство внутри малайской части мусульманской уммы также стало фактором политики партии. Доктор Фарук Муса замечает, что правительство, ведомое ОМНО, теперь «старается позиционировать себя как амир аль-муминин (лидер мусульман), а значит, все должны ему беспрекословно повиноваться»²⁰. Изначально же традиционалистская ПАС стала частью относительно либеральной оппозиции. В этом процессе шиитский вопрос и взаимные межрелигиозные подозрения также стали удобным инструментом для «разоблачения» оппонентов в отступлении от идеалов ислама.

Осенью 2013 года мусульманские НКО вместе с Малайзийским департаментом исламского развития заявили о глобальном заговоре против ислама, осуществляемом с помощью распространения идей либерализма, плюрализма, феминизма, социализма и других, о чем представитель департамента высказался в пятничной проповеди. В 2014 году попытка подавить интеллектуальный протест, выразив-

²⁰ *Zakaria H.* A PAS-Umno union not necessarily best for Islam, December 27, 2013. — URL: <http://www.theantdaily.com/news/2013/12/27/pas-umno-union-not-necessarily-best-islam>

шийся в некоторых публикациях в СМИ и выступлениях на публичных мероприятиях, встретила реакцию в виде привлечения преподавателей и социальных активистов к ответственности согласно Акту о мятеже (Akta Hasutan).

Организации крайнего толка, такие как, например, Организация исламской солидарности (Ikatan Muslimin Malaysia — ISMA), именно в последние годы стали особенно активны в продвижении шариата как единственной основы законодательства страны, вместо дуальной правовой системы, включающей также светское законодательство. По инициативе ПАС на публичное обсуждение было вынесено предложение о введении исламского уголовного права в штате Келантан с соответствующими традиционной интерпретации телесными наказаниями. Подобные обсуждения создают ряд ложных дихотомий, когда неискушенной публике предлагается выбрать между поддержкой инициатив исламистских сил и тем, чтобы считаться отступником от исламских ценностей. Это, в свою очередь, делает более интенсивным поиск внешних врагов²¹, раскольников в исламе и способствует распространению конспирологических теорий, что является удобным инструментом отвлечения публичного внимания от социально-экономических проблем.

Исламизация и внешнеполитические приоритеты

Внешняя политика Малайзии, особенно со времени премьерства Махатира Мохамеда (1981–2003), была также нацелена на решение в первую очередь внутриполитических задач. Расширение сотрудничества с Саудовской Аравией в эру Махатира помогло привлечь многомиллионные инвестиции на развитие инфраструктуры — строительство дорог, портов, больниц, а также удовлетворить некоторые религиозные потребности — обеспечить квоты на хадж, получить инвестиции в религиозное образование и проекты по распространению «правильного» ислама суннитского толка. С января 1985 года было даже запущено вещание совместной саудийско-малайзийской радиостанции Нида уль-ислам («Голос ислама»), прямо из Мекки, с контентом о событиях в мусульманском мире²².

²¹ В мае 2014 года в медиа разыгрался скандал в отношении компании «Кэддбери», в шоколаде которой якобы обнаружили производные свинины. Повторные тесты не подтвердили предположение, но неприятный осадок остался и, вероятно, был нанесен урон имиджу шоколадного гиганта.

²² *McDaniel D.O.* Broadcasting in the Malay World: Radio, Television, and Video in Brunei, Indonesia, Malaysia and Singapore, New Jersey: Ablex Publishing Company, 1994. — P. 121.

За время развития двусторонних отношений страны подписали ряд соглашений, в том числе об избежании двойного налогообложения в мае 2013 года, соглашения о сотрудничестве в сфере науки и технологии, в том числе последнее в декабре 2011 года. В 2013 году Малайзия открыла в Королевстве торговую миссию²³. Саудовская Аравия утвердилась на 19-м месте в списке торговых партнеров Малайзии, и на 16-м месте — по объемам импорта. В 2011 году государства подписали соглашение о сотрудничестве в области безопасности.

В попытке обеспечить соответствующий имидж мусульманской страны и сбалансировать организации, требующие большей исламизации общественной жизни, правительство запустило ряд инициатив, например, Международный исламский университет Малайзии, аффилированный с Организацией исламского сотрудничества (ОИС), Исламский фонд экономического развития, Организацию исламского банкинга и другие.

Параллельно ОМНО работала над созданием имиджа Малайзии как динамично развивающейся мусульманской страны, которая станет примером для мусульманской уммы, участвуя в обсуждении палестинского вопроса, решении вопросов мусульманских меньшинств в регионе. Эти достижения со временем стало возможным противопоставить ПАС, которая с 1979 года поддерживала активные контакты с новым иранским шиитским режимом²⁴ и рассматривала его в качестве успешной модели исламского государства. Противопоставить некоторую альтернативную политику ПАС оказалось важным для ориентации ОМНО на укрепление отношений с Саудовской Аравией, одним из главных беспокойств которой с 1979 года стало возможное распространение иранской революции в другие мусульманские страны.

С идеологической точки зрения ситуация тоже складывалась в пользу КСА. Если шиитское учение неоднократно называлось представляющим угрозу суннитско-шафиитскому единству, то экстремистские взгляды, вдохновленные ваххабизмом, который является основной идеологией Королевства, официального порицания в Малайзии так и не нашли²⁵.

В сумме с ростом числа задержаний иранских граждан по подозрению в контрабанде наркотиков и использовании иранцами Малайзии в

²³ *Fareed S.* Malaysia to expand trade ties with Saudi Arabia // Saudi Gazette. — URL: <http://www.saudigazette.com.sa/index.cfm?method=home.regcon&contentid=20130522166780>.

²⁴ *Idris A.* Malaysia's Relations with Saudi Arabia Under Tun Dr. Mahathir Era, 1981–2003 // University Utara Malaysia, Perpustakaan Sultanah Bahiyah. — URL: <http://www.repo.uum.edu.my/3171/1/S7.pdf> <http://repo.uum.edu.my/3171/1/S7.pdf>

²⁵ *Musa M.F.* Malaysian Shi'ites Lonely Struggle. World Public Forum «Dialogue of Civilizations». — P. 12. — URL: http://www.wpfdc.org/images/docs/Mohd_Faizal_Musa_The_Malaysian_Shiites_Lonely_Struggle_web.pdf

качестве перевалочного пункта для нелегальной миграции в Австралию, а также повышением напряженности в отношении Ирана со стороны КСА в связи с перспективой американо-иранского потепления, Малайзия также заняла более жесткую позицию в отношении шиитского меньшинства и иранских мигрантов. В том числе для иранцев был сокращен до двух недель безвизовый въезд на 90 дней, по официальному заявлению — в связи с попыткой предотвратить нелегальную миграцию. Параллельно с ужесточением визового режима и удлинением процесса рассмотрения заявлений, ограничились возможности трудоустройства иранцев в Малайзии и, скорее всего, в дальнейшем негласное ограничение коснется приема иранских студентов в университеты, по причине защиты национальной безопасности на идеологическом уровне.

В сентябре 2013 года в результате продолжительной кампании против мусульман-шиитов исламистские группы направили министру иностранных дел просьбу прекратить дипломатические отношения с Ираном. На что, однако, министр заявил, что проблемы распространения шиизма в Малайзии являются внутренними и не касаются отношений государства с Ираном²⁶.

В целом, пример Малайзии соответствует теории о прочной взаимосвязи внешней и внутренней политики постколониальных стран, где внешняя политика строго ориентирована на удовлетворение внутриполитических нужд. Национальная идентичность также отчасти определяется через внешнюю политику, что для Малайзии отражается в стремлении выступать прогрессивным лидером мусульманского мира с одновременным акцентом на исламских ценностях в их местной интерпретации и попытками исламизации различных сфер жизни, порой в ущерб интересам этно-конфессиональных меньшинств и единству многомиллионной нации.

Ислам на этом пути послужил правящей элите как в качестве исходной базы для выстраивания внешней и внутренней политики, так и инструментом для балансирования в борьбе с оппонентами и выполнения внешнеполитических задач, в частности привлечения инвестиций со стороны суннитских покровителей и партнеров.

Использование ислама в качестве такого инструмента задействовало и прием поиска внешнего и внутреннего врага, на роль которого в том числе успешно подошли мусульмане-шииты — внутренний враг внешнего происхождения. Внутри страны борьба с девиантными течениями позволяет повысить легитимность действующей власти и сплотить мусульманское большинство вокруг правительства, вовне — соз-

²⁶ <http://www.touristmy.com/زلزلہ-ام-رابخ/8226-tourist-online-news-malaysia.html>

дать образ прогрессивного суннитского государства, следующего правильным канонам ислама. В этом смысле восприятие «шиитской угрозы» сближает Малайзию с суннитскими монархиями Персидского залива. В то же время отношение к буквалистскому толкованию священных писаний в духе ваххабитской идеологии более лояльное, а местами большая строгость в подходе к ритуальной стороне ислама может восприниматься как знак большей духовности, то есть в позитивном ключе, несмотря на включение таких организаций, как Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ), в список террористических организаций.

В долгосрочной перспективе стремление к большей исламизации встретит активное сопротивление этно-конфессиональных меньшинств и прогрессивно настроенных элементов внутри мусульманского большинства. Консервативные группы постараются определить последних как внутреннего врага, выполняющего замысел внешних сил. С другой стороны, прогрессивные силы в самом политическом истеблишменте предпримут попытки сгладить этот тренд путем предложения новых инициатив и вынесения их на публичное обсуждение, как, например, теперь на различных уровнях обсуждается пакет законопроектов о национальном единстве, имеющий небольшие шансы на принятие в ближайшем будущем.

Эльдар КАСАЕВ

О НЕФТЯНЫХ ПРОЕКТАХ РОССИИ В ИРАКЕ

Несмотря на захват боевиками северных и западных территорий Ирака, российские нефтяные компании все активнее заявляют о себе на юге этой страны, реализуя ряд серьезных проектов. Энергетическое бизнес-сотрудничество двух стран эффективно поддерживается на высоком государственном уровне. Взглянем ретроспективно.

В 2012–2013 годах в Москву приезжал премьер-министр Ирака Нури аль-Малики. Проведя переговоры с российскими политическими лидерами и представителями крупного бизнеса, он отметил значительный прогресс в нефтегазовом партнерстве.

В частности, иракский министр нефти Абдул Карим Луаиби заявил, что в последнее время в Ираке разведано 10 новых нефтяных месторождений, на разработку которых требуются солидные иностранные инвестиции, в том числе и из России.

В прошлом году с официальным визитом Россию также посетила курдская делегация во главе с президентом Иракского Курдистана Масудом Барзани, которая попыталась сместить российский внешне-экономический крен в сторону Эрбиля (столица Иракского Курдистана), призвав Москву не замыкаться на сделках с Багдадом.

Минувшей зимой состоялся визит министра иностранных дел России Сергея Лаврова в Багдад. В ходе прошедших переговоров с Нури аль-Малики и министром иностранных дел Ирака Хошияром Зебари было отмечено, что в последнее время российские игроки активизировали свою деятельность на нефтяном поле Ирака.

Весной 2014 года президент «Лукойла» Вагит Алекперов встретился в Багдаде с иракским вице-премьером по вопросам энергетики Хусейном Шахристани. Стороны обсудили ход реализации проектов разработки месторождения Западная Курна-2 и геологоразведки Блока-10, а также другие перспективные проекты в Ираке, в которых российская компания может принять участие.

Одним из перспективных проектов является создание совместной компании с иракским министерством нефти, которая будет заниматься разведкой нефтегазовых месторождений.

Как сообщили в администрации вице-премьера, стороны обсудили инвестиционный проект российской компании в нефтехимической области в провинции Басра и строительство нефтеперерабатывающего завода в Эн-Насирие. Одобрение иракской стороны получили и планы «Лукойла» организовать добычу попутного газа на месторождении Западная Курна-2. Добыча нефти здесь начата в марте текущего года. Развитие проекта осуществляется в три этапа. Первая фаза — «Ранняя нефть формации Мишриф» — предусматривает начало промышленной добычи на месторождении в объеме 120 тыс. баррелей нефти в сутки, с последующим увеличением объема добычи до 400 тыс. баррелей в сутки. Вторая фаза — проект «Полное развитие Мишриф» — за счет полномасштабной разработки формации Мишриф позволит повысить добычу еще на 150 тыс. баррелей в сутки — до 550 тыс. баррелей в сутки. Третья фаза, проект «Ямама» — это разработка более глубокой формации Ямама, которая даст еще 650 тыс. баррелей в сутки.

Вице-президент «Лукойла» Леонид Федун заявил, что в 2014 г. компания ожидает возвращения 50% понесенных затрат на разработку месторождения. В прошлом году концерн сократил план инвестиций в Западную Курну-2 на следующие 10 лет с 33 до 26 млрд долл.

По предварительным оценкам компании, инвестиции в Западную Курну-2 до 2014 года включительно составили около 4 млрд долл. Речь идет о расконсервации существующих скважин, бурении нескольких сот новых эксплуатационных, разведочных, оценочных и нагнетательных скважин, создании водозабора на Персидском заливе, водовода и системы поддержания пластового давления, строительстве вахтового поселка, подъездных путей, объектов энергоснабжения, промысловых и внешних трубопроводов, а также нефтеотгрузочного терминала Туба.

Кроме того, российская компания обсуждает с китайскими Sinopec и CNPC возможность поставок нефти с Западной Курны-2. Соответствующий контракт может быть заключен сроком на год с последующей пролонгацией.

Стоит напомнить, что месторождение Западная Курна-2, расположенное в 65 км северо-западнее крупного портового города Басра, является одним из крупнейших неразработанных месторождений в мире с извлекаемыми запасами нефти около 14 млрд баррелей нефти.

В 2013 году подписано дополнительное соглашение к контракту, в котором зафиксированы целевой уровень добычи по проекту 1,2 млн баррелей нефти в сутки (ожидается в 2017 году) в течение 19,5 лет и продление общего срока действия контракта до 25 лет.

В июне этого года было подписано еще одно дополнительное соглашение к контракту, предусматривающее внесение в перечень работ строительство трубопровода Туба-Фао, а также изменение порядка возмещения инвесторам затрат по проекту. Что позволит инвесторам проекта получать возмещение в ускоренном режиме в том же году, в котором были понесены соответствующие затраты.

Проект «Туба-Фао» предусматривает строительство двух ниток трубопровода, протяженностью до 120 км каждая, от действующего резервуарного парка Туба до находящегося на побережье Персидского залива резервуарного парка Фао, являющегося основным экспортным хабом Ирака. Новый трубопровод, по словам Алекперова, позволит осуществлять экспорт иракской нефти в размере 3 млн баррелей в день (сопоставимо с объемом всей нынешней добычи Ирака. — *Прим. авт.*).

Что касается схемы компенсации, то иракская сторона возмещает подрядчику произведенные расходы и вознаграждение за добытую нефть. Также подлежат возмещению дополнительные затраты, напрямую не связанные с нефтегазовыми операциями, но о которых Ирак может попросить подрядчика (например, разминирование, строительство трубопровода, улучшение инфраструктуры). Такие затраты, в отличие от расходов на нефтегазовые операции, выплачиваются с аплифтом (согласованная между государством и инвестором процентная ставка, на которую повышаются возмещаемые затраты, не погашенные в предшествующем году).

По условиям сервисного договора все полученное сырье принадлежит правительству Ирака, которое выплачивает российской компании сервисную премию в размере 1,15 долл. за баррель и возмещает себестоимость добытой нефти (3 долл. за баррель). Однако после достижения определенного уровня добычи подрядчик будет получать часть добытой нефти в качестве вознаграждения.

В презентации «Лукойла» к финансовой отчетности за первый квартал прошлого года отмечалось, что первую компенсацию компания получит уже в 2014 году. При этом указывался размер вознаграждения: 70 млн баррелей в зависимости от цены нефти.

Российская компания имеет еще один проект в Ираке. Контракт по Блоку-10, расположенному в 120 км к западу от Басры, подписан в ноябре 2012 года. Работы на блоке ведет консорциум в составе «Лукойл Оверсиз» (60%) и японской INPEX Corporation (40%). На контрактной территории блока проводится разминирование.

Президент «Лукойл Оверсиз» Андрей Кузьев заявил, что Блок-10 расположен всего в 100 км от проекта Западная Курна-2, и это соседство, несомненно, придаст синергический эффект (другими словами, возрастание эффективности деятельности в результате слияния

отдельных частей в единую систему. — *Прим. авт.)* при использовании инфраструктуры, привлечении техники и специалистов.

Разработка Блока-10 сопровождается весьма высокими рисками. Вследствие выхода норвежской компании Statoil из проекта Западная Курна-2 российский игрок, отказавшийся от поиска партнера до начала добычи нефти на этом месторождении, самостоятельно ведет активную фазу его разработки и, как следствие, берет на себя все риски и капитальные затраты.

С одной стороны, Блок-10 находится в непосредственной близости от Западной Курны-2, что позволяет лукойловцам рассчитывать на успешную геологоразведку. Однако с другой — новый участок не имеет доказанных залежей, а согласно положениям сервисного контракта, даже если разведка даст положительный результат, Ирак имеет право не признать месторождение коммерческим, если извлекаемые запасы участка не превысят 200 млн баррелей, и по истечении разведочного периода контракт прекращается. При этом Ирак компенсирует подрядчику лишь дополнительные затраты, а геологоразведка отдельно не оплачивается.

Даже если Багдад признает коммерческое открытие месторождения, он может принять решение отложить начало добычи на 7 лет, как закреплено в тендерном законодательстве. Если подрядчик не хочет ждать возобновления работ, то он может получить возмещение своих расходов, без каких-либо добавочных выплат, и выйти из проекта.

В перспективе нельзя исключать этого сценария для «Лукойл Оверсиз», ведь Ирак вполне может прикрыться обязательствами перед Организацией стран — экспортеров нефти (ОПЕК), а также нехваткой соответствующей инфраструктуры внутри страны и «заморозить» работу по проекту на несколько лет. В этом случае российской компании останется терпеливо ждать и терять упущенную выгоду. Если же концерн сочтет нужным покинуть проект, то его место вполне может занять новый подрядчик, пришедший на все готовое.

Следует особо подчеркнуть, что американские и европейские тяжеловесы до сих пор остаются в тени российских и азиатских компаний, активно работающих в Ираке. Это отнюдь не случайно. Быстро развивающиеся экономики стран Азии требуют постоянно растущих объемов энергоносителей, для получения которых азиаты готовы рисковать на различных энергетических полях.

В свою очередь нефтегазовый бизнес США и многих других западных стран рационально распределяет силы и умело огибает острые углы: зачем ввязываться в сложные багдадские перипетии, когда можно эффективно сотрудничать с курдами на севере страны, при этом затрачивая меньше сил и получая большие дивиденды? Тем не менее

не следует считать, что теперь западные игроки остались за бортом по нескольким причинам.

Запад серьезно приложил руку к нынешней расстановке политических сил в Ираке. Американские и европейские юристы являлись советниками при разработке тендерного законодательства, которое учитывает преимущественно интересы Ирака.

Следовательно, в перспективе Багдад вполне способен начать лоббировать вхождение на местный рынок западных концернов.

Во избежание подобной негативной картины российским нефтяникам и политическим фигурам необходимо продолжать укреплять тесные контакты с иракской властью, а также дополнительно обсуждать с Багдадом детальные условия соглашения по Блоку-10.

Кроме того, целесообразно минимизировать высокие правовые риски, которые обусловлены отсутствием рамочного закона об углеводородах, который с 2007 года до сих пор не принят в Ираке.

Помимо «Лукойл Оверсиз», в Ираке успешно ведет свою деятельность российская компания «Газпром нефть», которая начала промышленную добычу «черного золота» на месторождении Бадра в мае 2014 года. Оно расположено на территории провинции Вассит на Востоке Ирака. По предварительным оценкам, геологические запасы месторождения составляют 3 млрд баррелей нефти. Контракт с правительством Ирака был подписан в 2010 году по итогам прошедшего в декабре 2009 года тендера, победителем которого признан консорциум в составе «Газпром нефти», Kogas (Корея), Petronas (Малайзия), ТРАО (Турция).

Доля участия «Газпром нефти» в проекте составляет 30%, Kogas — 22,5%, Petronas — 15%, ТРАО — 7,5%. Доля иракского правительства, которое представлено в проекте Геологоразведочной компанией (Oil Exploration Company, ОЕС), — 25%. «Газпром нефть» является оператором проекта.

Проект разработки месторождения рассчитан на 20 лет с возможной пролонгацией на 5 лет. Начало добычи на месторождении запланировано на текущий год, а к 2017 году объем производства должен достичь 170 тыс. баррелей нефти в сутки (порядка 8,5 млн т в год) и сохраняться на этом уровне в течение 7 лет. Всего на месторождении предполагается пробурить 17 эксплуатационных и 5 нагнетательных скважин.

«Газпром нефть» также реализует три проекта на территории Иракского Курдистана. Однако, по информации компании, там пока ведется лишь подготовка к добыче.

Участки Гармиан и Шакал находятся на конечной стадии геологоразведки. На участке Халабджа ведется планирование, а территория блока изучается на наличие мин и неразорвавшихся объектов, химических отравляющих веществ.

По заявлению генерального директора «Газпром нефти» Александра Дюкова, в перспективе компания планирует поставлять добытую в Ираке нефть на рынки Европы и Азии.

Выступая в июне 2014 года на российско-иракском бизнес-форуме в Москве, президент федерации торговых палат Ирака Джаафар аль-Хамдани особо отметил вклад компаний из России в увеличение нефтедобычи в Ираке.

Заявление иракца позволяет рассчитывать на благоприятные перспективы не только названных игроков, но и других российских компаний, которые уже имеют проекты в Ираке или могут начать деятельность на нефтяном поле страны в будущем.

Еще одной российской компанией, которая получила право на разработку нефтяных проектов в этом арабском государстве, является «Башнефть». Она планирует в текущем году приступить к поисково-разведочным работам на Блоке-12. Об этом сообщил вице-президент «Башнефти» Михаил Ставский осенью минувшего года.

Компания занимается разработкой Блока-12 в составе консорциума с Premier Oil. Ее доля в консорциуме достигает 70%. Консорциум уже подписал контракт на геологоразведку, разработку и добычу с иракской стороной.

Согласно контракту, консорциум должен выплатить бонус в размере 15 млн долл. пропорционально долям участия: 10,5 млн долл. — «Башнефть», 4,5 млн долл. — Premier Oil.

Инвестиции в программу геологоразведочных работ на Блоке-12 составляют 120 млн долл. в течение 5 лет. «Башнефть» уже предоставила дочерней Bashneft International заем на 110 млн долл. под геологоразведку в Ираке. Блок расположен в провинциях Наджаф и Мутанна и является частью Западной пустыни — неразведанного региона с самым большим нефтяным потенциалом в Ираке.

По имеющимся данным, помимо «Лукойл Оверсиз» и «Газпром нефти», «Роснефть» и «Зарубежнефть» рассматривают перспективу вхождения в иракские проекты. В начале этого года Вагит Алекперов подтвердил, что лукойловцы не исключают возможного участия в иракском проекте «Насирия», в том числе путем создания консорциума как с российскими, так и с международными компаниями.

По информации министерства нефти Ирака, «Лукойл», «Роснефть» и «Зарубежнефть» уже прошли квалификацию для участия в тендере по проекту освоения названного месторождения. Президент «Роснефти» Игорь Сечин заявил, что компания может принять участие в нефтедобывающих проектах в Ираке, но проект «Насирия» обсуждать пока рано. Запасы месторождения составляют 4 млрд баррелей, мощность нефтеперерабатывающего завода, который необходимо построить подрядчикам в рамках реализации проекта, должна составить 300 тыс. баррелей в сутки.

Результат от новых сделок с Ираком (если они будут) не станет быстрым, поскольку арабские чиновники и предприниматели, как правило, настороженно относятся к зарубежным инвесторам, которые стремятся получить прибыль в кратчайшие сроки. Иракцы охотнее сотрудничают с тем, кто нацелен на длительную реализацию проекта, причем с привлечением новейших технологий и предоставлением большого количества рабочих мест представителям местного населения.

Таким образом, несмотря на множество экономических и политических рисков, российские игроки продолжают зарабатывать авторитет на иракском рынке. Однако крайне нестабильная ситуация в государстве способна внести серьезные коррективы в планы отечественных компаний. Юг страны со своими внушительными углеводородными запасами, пока еще подконтрольный федеральной власти, вполне может оказаться в руках исламистов.

Борис СИДОРОВ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Сегодня наиболее остро стоит вопрос не столько ускоренного осуществления интеграционного процесса на территории СНГ, сколько поиска качественных «точек соприкосновения», которые позволят более объективно оценить перспективы развития. Эта тенденция все более четко проявляется и в регионе Центральной Азии (ЦА).

Надо прямо признать, что на этапе обретения политической независимости, оформления государственности, самостоятельного вхождения в мировое сообщество, международные финансовые организации, создания собственных финансово-экономических систем — бюджетных, налогово-таможенных служб, валютной и т.д., Россия в рамках СНГ не смогла в должной степени сохранить и развить на новой основе отвечающую интересам постсоветских стран политическую, экономическую и социальную общность. Центробежные тенденции возымели первостепенную роль, а интеграционные задачи отошли на второй план.

Из-за допущенных просчетов те же страны ЦА, для которых в 1990-е годы было крайне важно восстановить и обновить свое хозяйство, смягчить геополитические и трансформационные шоки, начали свой, не всегда взвешенный курс на многостороннюю поддержку Запада, исламского, тюркоязычного мира и др., при сохранении существенных масштабов взаимодействия с Россией. Но в экономическом плане он не выходит за пределы маломасштабных инвестиционных проектов и внешнеторгового сотрудничества.

На настоящий момент для геополитических интересов России куда больший вызов представляет китайская кредитная экспансия в ЦА. Предоставляя льготные, но связанные кредиты странам региона в рамках ШОС или на двусторонней основе, Китай активно продвигает свою

продукцию на рынки этих стран, приобретает активы в горнодобывающих и топливно-энергетических отраслях промышленности, формирует транспортно-коммуникационную инфраструктуру, обеспечивающую экономическую экспансию на континенте Евразии в целом.

Расширение присутствия КНР в регионе ЦА во многом стало возможно из-за фиаско ранее предпринятых попыток (моделей) «регионализации» ЦА. На тот момент страны региона опасались стремления России сохранить политический и военный контроль над ними, что в условиях глубокой экономической рецессии низводило заявленные высокие интеграционные задачи до наиболее приемлемой формы сотрудничества для всех государств — двусторонних соглашений об установлении режимов свободной торговли. Это и определило их внешнеполитические ориентиры.

Разрыв геополитического пространства, где доминировал СССР, задел и ЦА. Поэтому, несмотря на декларируемое рядом стран региона стремления к углублению взаимодействия в рамках ТС, ЕЭП будет сопряжено с большими сложностями. И эти сложности будут определяться стремлением максимально полно использовать потенциал давления на РФ в целях получения не всегда обоснованных преференций торгово-экономического характера, доступа к инвестиционным ресурсам, технологиям, что крайне важно для них в силу низкой конкурентоспособности их экономик, дефицитности бюджетов, огромной долговой нагрузки и т.п.

Такая позиция, как это заметно на примере Киргизии, будет определяться следующими представлениями:

во-первых, украинский кризис, попытки международной изоляции России в обозримой перспективе не предполагают возврата к прежней модели отношений с Западом;

во-вторых, Россия, стремящаяся стать одним из мировых центров притяжения, конкурирующих с США, ЕС, не может достичь этого только с опорой на собственные политические, воспроизводственные, финансовые и технологические ресурсы;

в-третьих, Россия в современном геополитическом пространстве, конфигурация которого уже достаточно устойчива, обречена на действия по нормам и правилам, установленным без нее, что не предполагает переговоров на равноправной основе. При этом совершенно очевидно, что ни США, ни ЕС не готовы к какой-либо приемлемой форме содействовать этому;

в-четвертых, Россия, решая свои геостратегические задачи, не может не озаботиться поиском партнеров для более тесной кооперации в не западном мире, ибо современный мир требует объединения усилий, расширения масштаба и рынка, и сферы применения общих правил;

в-пятых, Россия в своих возможностях служить полюсом притяжения ограничена, но еще сохраняет солидный вес на всем постсоветском пространстве, являясь спонсором и гарантом безопасности, а также привлекающей трудовую миграцию.

Крайне важно, что перед Россией и странами ЦА стоят схожие задачи по развитию, модернизации экономик, и одним из источников такого роста они видят региональную интеграцию, которая позволит в полной мере задействовать такие факторы, как более емкий региональный рынок, взаимодополняемость экономик, устойчивые кооперационные технологические цепочки.

С позиции теории экономического роста важно создать более широкий и емкий рынок, который может повысить устойчивость участвующих в нем стран к внешним шокам, а также способствовать развитию производств с высокой добавленной стоимостью. В этом плане огромные возможности для наращивания потенциала регионального сотрудничества имеет реализуемая Россией программа инновационной модернизации экономики.

В этой связи весьма перспективной выглядит идея согласованной модернизации национальных экономик и формирования в рамках ЕЭП, а впоследствии ЕАС, евразийского инновационного региона с целью достижения мирового технологического лидерства в некоторых инновационных сегментах.

Постепенное формирование такого региона с сохранением сырьевой роли стран-участниц в мировой экономике может обеспечить устойчивые темпы их развития при определяющей роли РФ. В конечном счете, это даст России возможность сохранить за собой важную роль в мировой политике, говорить от имени группы государств, решивших создать общее экономическое пространство и проводить согласованную политику в сфере безопасности и внешнеэкономических связей.

Эффективная экономическая интеграция в евроазиатском регионе имела бы следствием:

- ускорение темпов взаимной торговли, экономического роста и сокращение транзакционных издержек;
- повышение конкурентоспособности товаров, фирм и национальных экономик, рост инновационного потенциала в результате усиления конкуренции на внутренних рынках государств;
- увеличение притока иностранных инвестиций, как из стран-участниц интеграционного объединения, так и из третьих стран;
- сглаживание межстрановых различий в уровне и качестве жизни населения.

Расширение и углубление интеграционных процессов в рамках единого экономического пространства (ЕЭП), а также Евроазиатского экономического союза (ЕврАзЭС), также значимо для России и в связи с

нарастающей конкуренцией интеграционных проектов для региона ЦА, лоббируемых США, ЕЭС, Китаем, которые экономически перевешивают Россию. Евразийский же союз, где ключевая роль принадлежит России, со временем может стать серьезным региональным игроком, объединяющим производственные мощности российской и белорусской экономик с природными ресурсами и транзитными возможностями государств ЦА.

В этом случае ЕврАзЭС стал бы также важным экономическим субъектом, связывающим Китай и ЮВА, которые становятся одним из главных локомотивов мирового развития с ЕС. Идея подобного проекта не вызывает отторжения у государств региона. Создание этого союза крайне и наиболее важно в смысле усиления позиций во взаимодействии с Китаем в рамках проектов и организаций, где Россия и страны ЦА с ним непосредственно пересекаются (ШОС).

Другое направление — это резко расширяющаяся база для сочетания проекта ЕврАзЭС и китайского начинания «экономического пояса нового шелкового пути», что дает дополнительные преимущества и для государств ЦА.

Однако, реализуя такой амбициозный интеграционный проект, как ЕврАзЭС, следует изначально быть готовыми к одновременному вовлечению в разрешение проблем внутри регионального сотрудничества, сегодня сдерживаемых наличием множества очагов напряженности в межгосударственных отношениях, наличием неразрешенных пограничных вопросов, противоречивых геополитических ориентиров и неспособности найти разрешение водно-энергетических споров.

Напряженность в отношениях между странами имеет также и экономический характер. Казахстан, например, не оставляет попыток экономически «придушить» Киргизию и перенаправить торговые потоки из Китая. С другой стороны, Узбекистан систематически препятствует континентальной торговле, чтобы ослабить Таджикистан и заблокировать его стремления стать экспортером энергии в Афганистан и Пакистан.

Сегодня в странах ЦА реализуются настолько разнонаправленные экономические стратегии, что даже таким масштабным интеграционным проектам, как формирование ЕЭП, ЕврАзЭС, не разрешить всех сложных и многогранных проблем региона. Тем более, что объемы внутрирегионального торгово-экономического сотрудничества ЦА остаются на минимальных уровнях.

Поэтому правомерно заключить, что до последнего времени в ЦА отсутствует воля к образованию целостного региона, их представления о региональной интеграции, внешней политике и политической культуре зачастую не совпадают с коллективными интересами, а иногда могут и напрямую противоречить им.

Отмечаемое на геополитическом уровне множество противоречий определяет расходящиеся экономические и геостратегические модели, подрывающие эффективность и сотрудничество региональных организаций. На настоящий момент большинство региональных организаций ЦА являются лишь площадками для общения. Итоговые документы, принятые на саммитах, как правило, имеют характер заявлений о намерениях, лишенных каких-либо механизмов реализации. Поэтому их деятельность не оказывает влияния на местную нормативную культуру.

Отсутствие механизмов реализации особенно губительно для региональных организаций, суть существования которых обусловлена экономическими соображениями. Наиболее показательным в этом плане является вопрос управления водными ресурсами, подрывающий отношения между странами ЦА.

С распадом СССР обмен энергией между республиками резко сократился и до сих пор не вернулся на советский уровень. Хотя, в принципе, государства региона ЦА хорошо дополняют друг друга (три государства являются нефтегазодобывающими, а два — производят гидроэнергию), сотрудничество по вопросам энергетики так и не вышло на конструктивный уровень. Переговоры по обмену воды на нефть и газ регулярно терпят неудачу. Более того, вопросы распределения водных ресурсов преобразовались в геополитическое оружие, и Киргизия, и Таджикистан надеются укрепить свои позиции по отношению к Узбекистану, так как сегодня они разочарованно наблюдают, что ни Россия, ни Китай в открытую не поддерживают их позицию.

Подрывает экономические интеграционные проекты и геополитическое соперничество. Судьба амбициозного проекта ТРАСЕКА в этом плане наиболее показательна. Несмотря на значительную заинтересованность сторон, в рамках проекта так и не получилось перенаправить грузопотоки по маршруту «Восток — Запад», даже при существенной модернизации соответствующей региональной транспортно-логистической сети.

Небезосновательны опасения лидеров ряда стран ЦА, что некоторые внешние факторы используют лозунги интеграции для продвижения собственных геополитических интересов. Следовательно, крайне важно вместо призывов к интеграции сосредоточиться на реализации скоординированных проектов, которые более концентрированы, управляемы, устойчивы и актуальны.

Что самое важное, несмотря на баланс сил, который сложился не в их пользу, государства ЦА способны реализовать такие стратегии, которые заставляют региональные факторы и мировые державы конкурировать между собой, могут ограничивать воздействие внешних сил.

Ни Россия, ни Китай, ни США не могут в одностороннем порядке навязывать свои правила игры в Центральной Азии, и ни одна из этих держав не застрахована от внезапной потери влияния в регионе. Кроме того, на региональной сцене появилось много других действующих лиц — таких, как ЕС, Япония, Южная Корея, Турция, Индия. Каждый из этих участников стремится стать образцом для развития.

Основная конкуренция — реальная или мнимая — происходит между Западом и Россией-Китаем и между Россией и Китаем.

Конкуренция между Западом и Россией-Китаем. Необходимо исходить из понимания, что стратегическое конкурирование часто присутствует в виде потенциала, а не фактической реальности; конкурирование больше всего заметно в участии России и США в делах региона.

Несмотря на трудности, с которыми столкнулся Запад при формировании региональных институтов, равных тем, которые формируются Россией и Китаем, в Центральной Азии все же присутствует стратегический треугольник между Россией, Китаем и США. Каждая держава хочет добиться привилегированных отношений с двумя другими державами, поскольку любой союз между двумя из трех ослабляет позиции третьей державы.

Таким образом, Вашингтон не хочет видеть появления никакого глубокого стратегического альянса между Москвой и Пекином, а Москва озабочена растущей взаимозависимостью экономик Китая и США. Пекин был насторожен в период намечавшегося сближения между США и Россией.

Например, по крупным международным вопросам — таким, как Иран и Северная Корея, Россия озабочена китайско-американским сближением и растущей экономической и финансовой взаимозависимостью между двумя странами — возникновением фактора, который, возможно, сделает XXI век китайско-американским, в котором Москве достанется лишь роль второстепенного плана.

США склонны воспринимать Россию как своего главного конкурента с точки зрения влияния в Центральной Азии. Китай по-прежнему в основном не присутствует в качестве фактора в центральноазиатской политике Вашингтона, так как свои энергетические интересы рассматривает с точки зрения конкуренции между Западом и Россией, между Россией и Китаем, а не с точки зрения модели конкуренции между Западом и Китаем.

Поэтому многие американские эксперты рады тому, что Россия потеряла монополию на углеводороды Центральной Азии благодаря строительству китайских трубопроводов, и касаются проблемы конкуренции за ресурсы между Западом и Китаем мимоходом.

Россия также придерживается модели, делающей упор на сдерживание Америки, игнорируя распространение китайского влияния.

Пекин, в свою очередь, предпочитает, чтобы контроль над Центральной Азией принадлежал России, а не США, но и не может не радоваться тому, что Россия и Америка заняты нейтрализацией друг друга, что развязывает руки Китаю для его торговой и инвестиционной политики.

Конкуренция между Россией и Китаем. Россия и Китай, будучи основными внешними факторами в Центральной Азии, демонстрируют двойственную политику как сотрудничества, так и конкурирования. ШОС воплощает в себе их хорошие отношения и воспринимается обеими странами как полезный механизм для переговоров. С российской точки зрения, ШОС обязывает Китай разыгрывать карту многосторонности и позволяет Москве сдерживать амбиции Пекина в Центральной Азии без прямой конфронтации с ним. С точки зрения Китая, ШОС открыла возможность для легализации и институционализации присутствия Пекина в регионе.

Теперь Китай может играть на противоречиях между государствами-членами и группами влияния, избегая обвинений в экспансионистской политике. С другой стороны, ШОС выступает в качестве буфера, способствующего разрешению споров мирным путем, и может направлять конкуренцию между двумя доминирующими государствами для достижения более выгодных решений.

Тем не менее китайско-российское партнерство в Центральной Азии имеет двойственный, неоднозначный характер. По существу, это альянс по расчету, который проистекает из взаимной поддержки действующих режимов во имя стабильности и сдерживания западного влияния.

В сфере безопасности Китай позиционирует себя как второй номер в связке с Россией и негласно признает Центральную Азию как регион, находящийся в сфере влияния России. Военное присутствие России в регионе не представляет никакой проблемы для Китая, который на самом деле нуждается в поддержке Кремля как для того, чтобы пресечь свои внутренние сепаратистские движения, так и для того, чтобы сдерживать влияние Запада в рамках растущей конкуренции с США.

Таким образом, Пекин хочет сохранить стратегическое российское доминирование, предпочитая, чтобы Москва несла на себе бремя расходов по обеспечению военной безопасности и гарантированию выживания нестабильных режимов, в то время как Китай сосредоточивается на экономической активности. В стратегическом плане из конкурентной борьбы с Китаем Россия выходит явным победителем.

Для России же ситуация более сложная. С 2002 года Китай выступает за преобразование ШОС в крупнейшую зону свободной торговли, которая даст институциональную и многостороннюю платформу для своей внешнеэкономической экспансии в регионе. Тем не менее идея

ШОС в качестве свободного рынка, в пользу которой выступает Китай, не находит поддержки со стороны государств ЦА. Они опасаются, что бурно растущий рынок поставит их под китайский экономический протекторат, отдавая предпочтение сотрудничеству в энергетическом секторе и китайским инвестиционным возможностям.

Создание транспортного коридора между Китаем и Европой через Россию и Центральную Азию, экспортные соглашения по электроэнергии и транзиту углеводородов составляют интерес для всех государств-членов. Прочие же предложения, выдвигаемые Китаем, воспринимаются с большой настороженностью.

Это явно проявилось в отношении попыток создания деловых советов и межбанковских ассоциаций для координирования региональных инвестиций и учреждении Регионального банка развития под эгидой ШОС. Инициатива по ТС и ЕЭП, по крайней мере, частично, является ответом на растущую экспансию Китая на рынках ЦА.

В настоящее время, когда украинский кризис и последующая неадекватно резкая реакция Запада изменили на долгие годы весь фон мировой политики, от России требуется осуществить интенсивное наращивание усилий по формированию собственной устойчивой зоны воздействия на основе широкого политического и экономического сотрудничества.

Конечно, для этого потребуется повысить собственную привлекательность относительно доминирующих конкурирующих мировых полюсов — ЕС, США и Китая. Сейчас совершенно ясно, что Россия вряд ли способна в новых условиях самостоятельно предложить конкурентоспособную, альтернативную модель экономического развития, стать еще одним центром, мировым полюсом притяжения.

Следовательно, необходимо проявить гибкость в данном вопросе, пойдя на равноправное сотрудничество с тем же Китаем, используя потенциал ШОС и возможности сочетания проектов Евразийского экономического сотрудничества и Китайского «Экономического пояса Нового шелкового пути».

Последнее необходимо для России как по причине возможности расширения своего поля нормативного воздействия на другие страны, их объединения, так и в силу невозможности не считаться с национальными, экономическими интересами стран региона, уже состоявшимся значительным экономическим присутствием Китая в регионе ЦА.

Китай уже стал самым крупным торговым партнером Казахстана, Туркменистана, вторым для Узбекистана и Киргизии, третьим для Таджикистана. Общий объем торговли Китая с государствами ЦА превысил рубеж 50 млрд долл. США.

Следует принять во внимание, что таким образом во взаимодействии с Китаем, куда с большей вероятностью успеха, удастся реали-

зовать (и в собственных, и в общих интересах всех вовлеченных стран) уникальные возможности объединения политических и экономических ресурсов для обеспечения позитивного баланса в ходе происходящих геополитических сдвигов.

Вообще говоря, ШОС должна стать возможной площадкой для строительства «Экономического пояса Шелкового пути», что существенно повысит ее роль в защите региональной безопасности и стимулировании экономического развития, позволит создать транспортную сеть, объединяющую Восточную, Западную и Южную Азию на базе сотрудничества Китая, России и стран ЦА, а радиально распространится на жизненно важные транспортные магистрали более 30 государств.

С учетом этих стратегических перспектив внешняя политика России в отношении стран ЦА и Китая должна исходить из необходимости скорейшего «запуска» ЕврАзЭС, обеспечивающего усиление переговорных позиций организации в рамках ШОС, а самой ШОС — на Евразийском континенте.

Конечно, для балансирования интересов в рамках неизбежного пополнения круга государств-членов ШОС за счет присоединения Монголии, Индии, Пакистана, Ирана (в случае отмены санкций ООН) РФ должна тонко использовать все возможные варианты блокирования, искать новые способы взаимодействия с конкурирующими проектами государств, дружественных в геополитическом отношении. В интересах России, в частности, поддерживать в определенных пределах Китай в его нарастающем соперничестве с США и Японией в Восточной Азии.

Относительно другого конкурирующего интеграционного проекта — проекта «Нового шелкового пути», патронируемого США, — представляется возможным однозначно заключить о его неприемлемости для РФ и государств ЕврАзЭС. И хотя он содержит «позитивную» составляющую, ибо предназначен для направления инвестиций для преобразования Афганистана в региональный узел и связующее звено между Южной и ЦА, его главная геополитическая составляющая заключается в формировании системы транспортных коридоров широтной конфигурации по направлению «Восток — Запад» и, следовательно, перенаправлению грузопотоков по маршрутам, отсекающим ЦА от РФ. Это противоречит фундаментальному принципу ШОС, где безопасность и экономика неизменно рассматриваются как два краеугольных камня организации в обеспечении его гарантий.

В заключение хотелось бы еще отметить: «Экономический пояс Шелкового пути» наиболее предпочтителен как для России, так и для ЕврАзЭС. Это не единичный, а огромный системный проект, предполагающий наращивание и усиление политических контактов, строительство единой дорожной сети, торговых связей, валютных потоков и

народную поддержку. Каждое из этих направлений является независимым, имеющим собственные цели и задачи развития, и, одновременно, дополняет друг друга, формируя органичное целое.

Одной из форм консолидации государств ЦА, в том числе и в рамках ЕврАзЭС, должна стать активизация приграничного сотрудничества. Межрегиональное и приграничное сотрудничество становится одним из главных катализаторов интегрирующей роли России с сопредельными государствами.

Имеются все предпосылки для того, чтобы межрегиональное приграничное сотрудничество стало одним из главных катализаторов интеграции в сообществе. Этот путь отличается высокой экономической эффективностью, и здесь не требуется никаких крупных инвестиций. За счет этого, по экспертным оценкам, объем ВВП в этих странах может увеличиться не менее чем на 30–50%.

Кроме того, выход регионов на рынки стран-участниц позволит полнее использовать возможности зоны свободной торговли. Демократизация общественной жизни, экономические реформы также создают в государствах СНГ объективные предпосылки для более активного участия регионов в международных внешнеэкономических связях.

При этом развитие дружеских, добрососедских связей между Россией и Китаем, между ними и республиками ЦА закладывает прочный фундамент стратегического взаимодействия при реализации масштабных интеграционных проектов создания ЕврАзЭС и «Экономического пояса Шелкового пути», что обеспечивает заметный рост воздействия сопричастных стран на развитие мировой экономики и формирования на просторах ЦА не конфронтационной конкуренции, а зоны сотрудничества, опорной базы для торгово-экономических связей Евразии.

Любовь ЯРОШЕНКО

СОДЕЙСТВИЕ РАЗВИТИЮ: «СДЕЛАНО В РОССИИ»

В 2005 году Россия с легкой руки ОЭСР, одного из флагманов в области формирования политики содействия международному развитию, перестала быть страной — получателем донорской помощи. Для государства, когда-то обладавшего мощным инструментарием невоенного воздействия на мир вокруг, это оказалось возвращением на знакомый, но в какой-то момент потерянный в силу политических обстоятельств 1990-х годов уровень международной «игры».

Формат игры, ее правила, даже основные игроки с их ресурсным потенциалом, каналами воздействия и целевой аудиторией были хорошо известны. Главный вопрос заключался в том, какое место займет Россия на основе своих возможностей предоставления финансовой и иной помощи, сможет ли она сделать эту помощь эффективной для «других» и для «себя» и увеличить степень отдачи от государств-реципиентов. На горизонте маячили риски нецелевого использования средств или некомпетентного выбора адресатов. С момента «возвращения» России в систему содействия международному развитию прошло десять лет. Это достаточно долгий срок, чтобы «набить шишки» и сделать выводы, тем не менее термины «правильное формирование адресной аудитории», «эффективность», «отдача» по-прежнему остаются ключевыми в соответствующих документах и риторике государственных чиновников, ответственных за данное направление.

От философии к действию

Первые шаги России в сфере содействия международному развитию были довольно мягкими и осторожными. 2005 год хотя и провел определенный водораздел, но в то же время обозначил больше вопросов, чем ответов: «Где взять кадры?», «Кто может стать партнером государства в реализации содействия международному развитию?», «Каковы форматы нашего участия?». Невозможно сказать, что эти вопросы исчезли

с повестки дня сегодня, но в 2000-х годах они звучали практически в первый раз. Ранняя российская архитектура содействия международному развитию демонстрировала наличие амбиций, а не готовность проявлять полную самостоятельность и независимость от других, брать на себя ответственность.

В 2006 году Россия представила инициативы в этой сфере в рамках своего председательства в «большой восьмерке», а в 2007 году была утверждена и опубликована «Концепция участия РФ в содействии международному развитию». Современная оценка этого документа со стороны экспертов или политиков очень часто сводится к слову «революционный».

Появление собственных принципов реализации политики в данной области, выделение ответственных участников — МИД РФ и Минфин РФ, определенные попытки сформулировать механизм реализации — скорее, это были не «революционные», а вполне закономерные шаги любого государства, обозначившего себя в качестве ответственного донора на международной арене. Было положено начало, которое на практике вылилось в участие России в проектах, подготовленных многосторонними и финансовыми институтами или в удовлетворение штучных запросов со стороны отдельных государств или международных организаций.

Россия фактически шла по поступательному пути эволюции своей концепции СМР: от полноправного участия в решении глобальных проблем современности, затрагивающих вопросы социально-экономического развития, преодоления бедности и последствий кризисных ситуаций в рамках многосторонних форматов к системным адресным проектам в отношении отдельных стран.

Именно поэтому нельзя однозначно сказать, что вклад России в такие крупные проекты, как финансирование Фонда ускоренной поддержки социальных программ Всемирного банка в размере 50 млн долл. или взнос в Программу содействия образованию в целях развития в размере 32 млн долл. — это всего лишь обезличенная помощь под флагом международного института¹.

Действительно, главными адресатами этих программ были страны, достаточно далекие от сферы первостепенных внешнеполитических интересов России, в первом случае — страны Африки южнее Сахары, во втором — Ангола, Эфиопия, Мозамбик, Замбия, Вьетнам, Киргизия и Таджикистан². Тем не менее подобные форматы позволяли России влиять на консолидацию и гармонизацию глобальной повестки сквозь призму собственных целей и приоритетов. Отказ от любого канала

¹ «Никто не признается, что за донорством стоят национальные интересы». Глава Россотрудничества о новой российской стратегии содействия международному развитию. 25.04.2014. — URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2459978>

² Там же.

влияния через членство в этих форумах чреват более стратегическими последствиями, чем разовая потеря крупных средств, которые могли бы быть предоставлены, например, тем же партнерам по Евразийскому экономическому союзу.

Мировая система развития, сложившаяся на протяжении второй половины XX века, — огромный конгломерат игроков, занимающих в рамках СМР свою локальную и глобальную нишу, присутствие на одном уровне не должно означать уход с другого, тем более для государства, позиционирующего себя как одного из ведущих архитекторов международной политической системы и системы безопасности.

В итоге в настоящее время баланс между двусторонней и многосторонней (взносы в международные организации) российской помощи развитию присутствует в соотношении 40 к 60%³. Основными адресатами остаются страны бывшего СССР (прежде всего, Таджикистан, Кыргызстан), а также государства Африки, Латинской Америки и Юго-Восточной Азии. Магистральными линиями содействия развитию выступают — образование, здравоохранение, продовольственная безопасность.

Выбор в пользу данных направлений является далеко не случайным. Во-первых, он вполне соответствует потребностям обозначенных стран. Во-вторых, позиционируя себя в качестве менее политизированного игрока по сравнению с тем же USAID или UK Department for International Development (UK DFID), крупнейших мировых государственных агентств по развитию, Россия сознательно обходит все, что может касаться прямой трансформации государственных институтов. С одной стороны, это позволяет обеспечить «лояльность» действующей политической элиты, с другой, оставаясь ярой противницей любого внешнего вмешательства в такую чувствительную область, как функционирование политического режима, Россия совершенно четко проводит отличительную черту между собой и тем же USAID или UK DFID.

«Ценностные ориентиры» государственной элиты, где внутреннему государственному суверенитету отводится едва ли не первое место, частично отражаются и в принципах российской архитектуры содействия международному развитию, окончательно оформившейся в 2014 году.

«Новое вино» в старых мехах?

2014 год ознаменовал совершенно новый этап в подходе России к содействию международному развитию. Независимость, двусторонность и отдача — три ключевых элемента должны стать «лейтмоти-

³ Стоянов С. Содействие международному развитию в новых экономических условиях. 2 ноября 2012. — URL: http://www.russiancouncil.ru/inner/?id_4=962#top

вом» этого направления на ближайшие годы, и если с независимостью и двусторонностью все более или менее понятно, то необходимость отдачи оставляет много вопросов. Новая концепция государственной политики РФ в сфере содействия международному развитию одновременно расплывчато и конкретно обозначила российский подход: «Системная реализация настоящей Концепции будет способствовать продвижению национальных интересов России в этой области путем достижения максимальной отдачи от оказываемой помощи»⁴.

Можно ли измерить отдачу, говоря об образе России за рубежом? «Образ» России, впрочем, как и любой другой страны, «имидж» или очень популярное на сегодняшний день словосочетание «мягкая сила» — это достаточно неосязаемые понятия.

И все же будет ли отдача измеряться такими количественными показателями (строго для ведомственной отчетности), как учет и контроль проведенных мероприятий или количества людей, принявших участие в той или иной программе? И, главное, кто будет тем независимым органом, который обозначит критерии оценки и проанализирует степень отдачи? Будет ли это одно ведомство — проводник содействия международного развития или условный независимый «аудитор» проделанной работы?

Вопросов действительно много, и по мере развития российской философии содействия международному развитию их не становится меньше.

Пока очевидно лишь, что Россия, активно участвовавшая во множестве международных инициатив, посвященных развитию — от «Группы восьми», «Группы двадцати», БРИКС до популярных программ Всемирного банка или ООН, — сделала выбор в пользу прагматичного подхода, требовавшего адресности. Отказ от «филантропии» был далеко не случайным и по времени совпал с внутривнутриполитическими дискуссиями о необходимости развития инструментов российской «мягкой силы» и продвижения объективного образа России за рубежом. Сыграл свою роль и внешнеполитический контекст. Последние события на Украине еще раз подтвердили, что отсутствие системной проектной работы, направленной на выявление и формирование условных «агентов влияния» на постсоветском пространстве, чревато потерей этого пространства на долгосрочную перспективу.

Выполнять системную проектную работу с максимальной отдачей и учетом российских национальных интересов, согласно новой Концеп-

⁴ Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию. Утверждена Указом Президента РФ от 20 апреля 2014 года № 259 // МИД РФ. — URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/00cc9154529e1c7fc32575bc002c6bb51OpenDocument>

ции, предстоит известному профильному ведомству: Россотрудничеству, созданному в 2008 году. Финансовые границы любых творческих инициатив в этой области также имеют вполне конкретную цифру — от 4–5 млрд долл.

Адресность должны обеспечить Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года и Концепция внешней политики Российской Федерации.

Казалось бы, все достаточно просто: бюджет, хотя и маленький по сравнению с вечным соперником USAID, есть; с адресностью все так же более или менее прозрачно: согласно новой Концепции «первоочередную помощь в сфере содействия международному развитию Россия будет оказывать государствам — участникам СНГ, а также Абхазии, Южной Осетии и другим странам, проводящим курс на добрососедство и союзничество с Россией, и отдельным государствам, являющимся наряду с РФ участниками международных объединений и организаций на евразийском пространстве»⁵. В целом на сайте Россотрудничества уже опубликован пилотный адресный проект в сфере СМР: Двусторонняя Программа партнерства Российской Федерации и Киргизской Республики в сфере СМР⁶. Россия не скрывает ни своих целей, ни ценностных установок, рассматривая «донорство» как канал продвижения национальных интересов без смены режимов в странах — реципиентах помощи.

Однако «практики», судя по программе для Киргизской Республики, остаются прежними: работа через Российские центры науки и культуры (РЦНК), реализация программы «Новое поколение» (краткосрочные ознакомительные поездки в РФ молодых представителей политических, общественных, научных и деловых кругов иностранных государств) и, наконец, работа по реализации квот, выделяемых Министерством образования и науки РФ на обучение иностранных граждан и соотечественников из Киргизской Республики в российских вузах за счет федерального бюджета. Дадут ли «старые практики» новый эффект?

Здесь возможны несколько объяснений: первое — пессимистичное. Пока по итогам подписания новой Концепции РФ в сфере содействия международному развитию мы имеем «старое вино» в «старых мехах». Была объявлена магистральная линия, но практическая разработка и реализация новых проектов на местах отсутствует или запаздывает.

Второе объяснение — из серии «теории заговоров». Россотрудничество пока не готово раскрывать всех своих секретов, опасаясь, что публичность навредит борьбе за «умы и сердца» постсоветского пространства.

⁵ Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию.

⁶ Двусторонняя Программа партнерства Российской Федерации и Киргизской Республики в сфере СМР. — URL: <http://www.rs.gov.ru/node/1024>

Наконец, последнее, оптимистическое. Окончательно выбрав магистральную линию, Россия движется по ней продуманными, но осторожными и маленькими шагами, слишком много брешей необходимо закрыть. Пока сформирована только структура самого Управления содействия международному развитию. Наличие и названия 4 отделов уже говорят об определенном стратегическом видении того, на что стоит обращать внимание помимо фактической реализации программ. Работа Отдела реализации программ СМР дополняется деятельностью Отдела информационного сопровождения СМР, Отдела планирования и согласования программ СМР и, наконец, Отдела контроля и оценки программ СМР. Но и в этой, казалось бы, осмысленной картине может быть заложена мина замедленного действия. Можно ли обеспечить прозрачность и эффективность, делая подразделение контроля и оценки в одной из структурных единиц самого Управления содействия международному развитию?

Интересен и полезен в данном случае опыт известного UK DFID, оценка его деятельности проводится Independent Commission for Aid Impact (ICAI), независимой комиссией по анализу влияния оказываемой помощи на реципиентов. Наличие подобного внешнего ревизора усиливает общую независимость механизма контроля; с другой стороны, позволяет дать видение процесса реализации СМР «вне системы», обозначив не столько возможные ошибки, сколько неожиданные решения обозначенных целей и задач.

Более того, если изначально российское Управление содействия международному развитию позиционируется как мини-USAID, причем как государственными чиновниками, так и экспертами-международниками, давайте же будем этим агентством в лучшем смысле данного слова.

И загвоздка здесь не в бюджете (4–5 млрд долл. на длительный срок — действительно трудно сравнивать с 23 млрд долл. на год). Ключевой вопрос — обеспечим ли мы прозрачность деятельности Управления СМР? Ответить на него предстоит в самом ближайшем будущем. Готовы ли мы публиковать открытые финансовые отчеты, в соответствии с международными стандартами отчетности, проведенные независимым аудитором, о том, в каком объеме и на какие статьи были распределены средства? Готовы ли мы составлять сводную таблицу о поставщиках услуг и самых крупных контрактах, отданных НКО, частным компаниям или государственно-частным партнерствам при реализации программ СМР за каждый месяц? Готовы ли мы объявлять тендеры при реализации программ СМР, привлекая внешних консультантов и экспертов?

У USAID, которое в российском сознании совершенно четко ассоциируется с мелким шпионажем или продвижением американских

национальных интересов, что недалеко от истины, нет вопросов с прозрачностью, получением статистических данных, доступностью информации. Хотелось бы, чтобы такие вопросы не возникали и по отношению к Управлению СМР Россотрудничества. Нам нет необходимости изобретать велосипед, когда это средство передвижения уже существует, скорее, есть необходимость, усовершенствуя модель, не упустить опыт «противников».

* * *

Современная архитектура содействия международному развитию, которая формировалась на протяжении всего XX века, постоянно претерпевает изменения. Этот процесс неизбежен в силу укрепления экономического могущества одних игроков, таких, как страны БРИКС (особенно Китай и Индия), их стремления использовать донорство в качестве инструмента внешней политики, и кризиса других традиционных доноров (таких, как государства еврозоны).

Многообразие игроков — от государственных агентств развития традиционных и новых стран-доноров, структур ООН до частных и корпоративных фондов, общественных, религиозных организаций — одновременно создает поле для конкуренции и пространство для творческого маневра в плане разработки новых форматов и механизмов оказания помощи.

Потеряться в потоке, особенно при маленьком бюджете, достаточно легко, именно поэтому опыт «традиционных» доноров по разработке многолетних региональных стратегий, содержащих в себе целевые ориентиры, планы мероприятий, механизмы оценки эффективности программ и проектов, нельзя игнорировать. Ключевым фактором в данном случае будет время и способность специалистов, непосредственно занимающихся вопросами СМР и работающих «в полях», анализировать, оценивать и выбирать «лучшие практики», а главное — лоббировать наиболее оптимальные решения в огромной государственной машине.

Валерий ПАУЛЬМАН

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС В УСЛОВИЯХ НАРАСТАЮЩЕЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

Шестнадцатый глобальный экономический кризис, начавшийся в 2007 году в США, седьмой год подряд терзает все страны мира. Он отличается от предыдущих кризисов не только своей продолжительностью, но и совокупностью факторов, его породивших и постоянно подпитывающих его динамику, а также теми условиями, в которых он протекает. Сегодня есть все основания утверждать, что мы имеем дело с новым типом экономического кризиса. Как точно выразился журналист Иван Ткачёв в статье «Кризис поставил крест на классической теории экономики»¹, текущий кризис «...переломил хребет экономической парадигме, господствовавшей в умах ученых и политиков все последние десятилетия... Правда, пока лишь немногие решаются заявить, что вместе с „пузырем“ американских финансов лопнула и экономическая теория, которая не смогла заметить приближающуюся катастрофу, а теперь не может предложить действенных рецептов по выходу из кризиса... Идеализированные эконометрические модели, за которые выдавались Нобелевские премии, как выяснилось, слишком расходились с экономической и финансовой реальностью, которая драматически усложнилась в последние пару десятилетий».

Мировая экономическая система (учитывая многогранность процесса) вошла в качественно новую фазу развития — фазу перманентного кризиса. Системы регулирования, которые государствами и их ассоциациями применялись для регулирования экономики в XX веке, уже не справляются с нарастающими противоречиями XXI века.

В предыдущих статьях была дана характеристика четырех этапов развития нынешнего кризиса. А пока он уже длительное время находится на пятом этапе, который характеризуется тем, что все негатив-

¹ URL: <http://www.top.rbc.ru/economics/06/02/2012/636381.shtml>

ные факторы, порожденные на предыдущих стадиях кризиса, во многих секторах экономики действуют одновременно, углубляются, усиливая друг друга.

Перечислим эти основные факторы:

- 1) неустойчивость главных мировых валют — доллара, евро, фунта стерлинга и иены;
- 2) отрицательная динамика суверенных фондов;
- 3) рост государственных долгов;
- 4) растущее влияние на экономические процессы гиперспекулятивных сделок валютой, деривативами, недвижимостью, сырьем, продовольствием;
- 5) ненадежность многих банков.

В разных странах мира кризис проявляется неодинаково, но в целом комплекс его последствий, как правило, повсюду имеет негативную тенденцию, что подтверждается статистикой органов ООН, ОЭСР и Евросоюза.

Согласно статистике ОЭСР², в целом по всем странам этой могучей организации уровень государственного долга по отношению к ВВП возрос с 79,9% в 2008 году до 109,5% в 2013 году, причем в 9 государствах он превысил объем ВВП (в США — на 4,3%, в Японии же — на рекордную величину — на 124,6%). Согласно прогнозам, в 2014 и 2015 годах уровень государственного долга по всем странам ОЭСР превысит 111%.

По-прежнему высоким остается уровень безработицы. По данным ОЭСР³, уровень безработицы в Европе уже длительное время превышает отметку в 10%. А в США этот показатель уже четвертый год подряд колеблется в пределах 6–7%. Причем следует иметь в виду, что официальные данные по безработице значительно занижены. В странах с развитой экономикой около 35% всех безработных молодых людей оставались без работы в течение шести месяцев или дольше по сравнению с 28,5% в 2007 году. «Это растрата жизни молодых людей и их таланта, а также чрезвычайно разрушительная ситуация для них и общества», — полагает глава МОТ Гай Райдер⁴.

Эпицентром глобального кризиса, безусловно, является в настоящее время Евросоюз. По данным Федерального управления статистики Германии Destatis, в апреле-июне 2014 года ВВП ФРГ сократился на 0,2%. В первом квартале, напомним, был мизерный рост в 0,7% (величина в пределах статистической ошибки). Экономисты ожидают, что по итогам года все же будет рост, но они признаются, что не учитывают дей-

² URL: http://www.oecd-ilibrary.org/economics/government-debt_gov-debt-table-en

³ URL: <http://www.stats.oecd.org/Index.aspx?usercontext=sourceoecd>

⁴ URL: <http://www.expert.ru/2013/01/23/raboty-vse-menshe>

ствия ответных российских санкций, последствия которых для Германии могут быть особенно серьезными. Падает уверенность немецких инвесторов. Индекс ожиданий ZEW в августе опустился до самой низкой за последние 20 месяцев отметки: 8,6 пункта с 27,1 в июле. Он, кстати, снижается уже восьмой месяц кряду. Франция «погрязла» в стагнации, а ВВП Италии упал до уровня 15-летней давности, когда единая валюта только была введена. Так как эти три страны отвечают за две трети ВВП еврозоны, экономический рост в таких государствах, как Испания или Нидерланды, не сможет восполнить их потери.

То, что началось более четырех лет назад как банковский и долговой кризис, превратилось в кризис экономического роста, охвативший три крупнейшие экономики еврозоны. В третьем квартале 2014 года еврозона снова сталкивалась с трудностями, частично из-за санкций Запада против России. Есть и другие причины: нехватка политических лидеров, готовых на структурные реформы, отсутствие в обществе убежденности в необходимости радикальных изменений, а также сложности, связанные с их реализацией.

В 2014 году существенно изменились условия, в которых протекает пятая фаза глобального кризиса. Во-первых, экономические процессы испытывают мощное воздействие нарастающей день ото дня общей геополитической напряженности и многочисленных конфликтов. Конечно, 2007 год не был таким конфликтным, каким является год нынешний, 2014-й. Однако тенденция просматривается четко: по мере развития экономического кризиса число конфликтов в мире нарастало из года в год. Очаги вооруженных столкновений запылали в Северной Африке, на Ближнем Востоке, Аравийском полуострове, в Африке, на Кавказе, на Украине. Бурлит Ирак и Афганистан. Возросла напряженность между Китаем, Японией и США, между Ираном и Западом. Началась торговая война между Западом и Россией из-за Украины.

Что касается событий на Украине, то у Евросоюза и стоящих за ними Соединенных Штатов вполне определенная цель — предотвратить интеграционный процесс на территории бывшего СССР и ослабить одного из сильных конкурентов на мировом пространстве — Россию. США вложили более 5 млрд долл., готовя неофашистов Украины для борьбы с Россией. Свою лепту внес и Евросоюз, втягивая Украину в свою орбиту. Конфликт не ограничился лишь информационной войной, борьбой дипломатов на многочисленных встречах, запретами на передвижение определенного круга лиц, но захватил и сферу экономических отношений, обретая форму многочисленных санкций, сокращающих объемы товарооборота, инвестиций, влияющих отрицательно на объемы производства товаров и услуг, а также снижающих уровень жизни населения.

С марта 2014 года в отношении России было введено несколько пакетов санкций, сначала точечных, направленных против отдельных лиц, а затем и более широких, затрагивающих целые секторы экономики. 29 июля Минфин США объявил о введении санкций против Банка Москвы, ВТБ и Россельхозбанка, а также Объединенной судостроительной корпорации РФ.

В качестве ответных мер Россия ограничила импорт продуктов из стран, присоединившихся к пакету санкций против нее. Под запрет попали говядина, свинина, рыба, овощи, фрукты, молочная продукция и ряд других продуктов из США, Канады, Австралии, Норвегии и стран ЕС.

12 сентября 2014 года Евросоюзом был введен новый пакет санкций, куда вошли три топливно-энергетические компании России — «Роснефть», «Транснефть» и «Газпром нефть». ЕС ввел запрет на торги облигациями этих компаний со сроком обращения свыше 30 дней и участие в организации выпусков таких бумаг. Также были приняты ограничения на предоставление займов и инвестиционных услуг для пяти российских банков — Сбербанк, ВТБ, Газпромбанк, ВЭБ и Россельхозбанк. «По самым скромным оценкам, совокупный ущерб только экономике России может составить 100 млрд руб. Под ударом окажутся целые сектора нашей промышленности и АПК», — сказал 26 августа 2014 года Путин на встрече глав государств ТС с президентом Украины и представителей ЕС.

Санкции Запада — это палка о двух концах. Трудно сказать, кто в конечном итоге понесет большие потери. Но то, что они углубят глобальный кризис в результате сокращения товарооборота и замедления инвестиционного процесса у противоборствующих сторон, — это очевидно. Если весь объем экспорта в Россию останется в Европе, это может привести к обвалу цен и банкротству большого числа аграрных хозяйств. Их общий ущерб, по оценкам разных экспертов, варьируется от 5 до 12 млрд евро. А на компенсации власти ЕС выделяют только 400 млн евро. От российской границы в страны ЕС вернулись уже тысячи грузовиков, множество железнодорожных составов и судов.

К настоящему времени в мире четко обозначился формирующийся единый фронт против гегемонии США в глобальной экономике и на мировой политической арене, провозглашенной доктриной «Поддержка глобального лидерства США: приоритеты для XXI века», которая была опубликована в начале 2012 года, а также вновь подтверждена Бараком Обамой 23 сентября 2014 года.

Реакция на гегемонистскую политику США и их союзников не заставила себя долго ждать. Одной из важных тем для БРИКС накануне саммита Путин назвал выработку системы мер, которые не позволили бы допускать травлю стран с помощью санкций. Страны БРИКС

строят мировую экономику открытого типа, заявляет также лидер Китая. В выступлении председателя КНР Си Цзиньпина — вполне четкие сигналы конкретным адресатам. «Нужно предотвратить негативное воздействие политики ведущих экономик на страны БРИКС», — заявил он.

На саммите стран БРИКС, прошедшем в Бразилии, были приняты исторические решения об образовании своего банка и резервного фонда. Формируется Евразийский экономический союз. В рамках ЕАЭС предполагается унифицировать подходы к налогообложению налоговых резидентов граждан государств — членов ЕАЭС; обеспечить снижение цен на товары благодаря уменьшению издержек перевозки необходимого сырья и готового товара; нарастить производство благодаря увеличению спроса на товары; повысить окупаемость новых технологий и товаров. Эти и другие мероприятия позволят увеличить объем ВВП стран ЕАЭС минимум на 25%, уменьшив зависимость от Запада. На повестке дня расширение числа членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Статус полноправных участников ШОС могут получить Индия и Пакистан. Стать членом ШОС хочет и Иран: он дважды подавал заявки, однако их не рассматривали, поскольку в организацию не берут страны, находящиеся под санкциями.

Следует отметить еще три геополитических условия, существенно влияющих на течение кризиса. Они состоят, во-первых, в углублении макроэкономического дисбаланса между экономикой развитых стран и стран так называемой периферии. Как показывают расчеты, страны «золотого миллиарда» различными способами изымают из беднейших стран примерно 760 млрд долл. в год.

Во-вторых, в нарастающем несовпадении национальных интересов различных стран. Фактически КНР и другие страны (Япония, Бразилия, Малайзия, Перу, Колумбия, Сингапур) вступили на тропу валютной войны, используя снижение стоимости национальных валют как проверенный инструмент протекционизма, что содержит в себе угрозу дальнейшей дестабилизации системы мировых финансов.

И, конечно же, боевые действия на валютном рынке возглавляет ФРС США. Выпуск в обращение массы дополнительных «зеленых» и казначейских билетов показывает, что вся внешняя политика США от начала и до конца основана на лицемерии и демагогии. Как можно эмиссию долларовой массы увязать с обязательством, которое США приняли на себя, подписывая итоговую декларацию «двадцатки» на саммите в Сеуле, в которой они клятвенно заверили в очередной раз весь мир о том, что не допустят чрезмерной волатильности валютных курсов и будут воздерживаться от конкурентной девальвации валют? Двуличной является политика и других стран «двадцатки», которые вновь дали пустопорожнее клятвенное обещание, что ни в коем разе не

допустят проведения политики протекционизма во внешней торговле. Как ни говори, а принцип «своя рубашка ближе к телу» остается преобладающим в жесточайшей конкурентной борьбе за выживание в мировой экономической системе.

И, наконец, в-третьих, любопытную мысль недавно высказал американский журнал TIME. Глобализация мировой экономики — если понимать ее как свободное движение товаров, людей и денег между странами — находится под угрозой. Она не просто остановится и останется как есть — ей на смену грянет обратный процесс, и с этим, похоже, ничего не поделаешь. Речь идет о замедлении мировой торговли, в чем виноваты не только недавнее ухудшение отношений и ограничения на движение товаров и капиталов между Россией и ЕС с США, а также рядом других стран. На самом деле уже два года рост международной торговли отстает от роста глобального ВВП (впервые после Второй мировой!), а значит, мировая экономика достигла поворотной точки. Хотим мы того или нет, но это отразится на странах, компаниях и потребителях. Тому, что глобальная торговля снижает темпы, есть несколько причин, считает TIME, но главная в том, что США перестали быть «гигантской губкой», которая впитывала излишки товаров и услуг, производимых в мире. Торговый дефицит США нынче постепенно тает. Это происходит отчасти потому, что Штаты стали больше использовать собственные нефть и газ, отчасти из-за того, что зарплаты в стране не растут и потребителям нечего тратить. Соответственно, и американская экономика не покупает столько, сколько раньше, и другие экономики не взяли на себя эту роль. В свете всего этого многие эксперты заговорили о новой эре деглобализации, в которую страны (и компании) обратятся либо к внутренним, либо к региональным рынкам. «Не всем будет одинаково легко подняться на волне новой эры, — предупреждает TIME. — Экономический рельеф, как и политический, станет более уязвимым и менее предсказуемым. Готовьтесь к тернистому пути»⁵.

Названные выше обстоятельства в условиях разбушевавшейся стихии глобального рынка сводят практически на нет все попытки стран мирового сообщества прийти к общему знаменателю в решении глобальных проблем и выхода из кризиса.

⁵ URL: <http://www.news.mail.ru/economics/17579444/?frommail=1>

Сергей ЛУЦЕНКО

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ЗАПРОС НА ОЖИДАНИЕ

Государственно-частное партнерство — один из важнейших аспектов развития отечественной экономики. Применение его механизмов предоставляет ряд преимуществ как для государства (публичного участника), так и для бизнеса. Для частного предпринимательства открываются новые инвестиционные возможности и новые источники доходов, возможность участия в крупных проектах. Кроме того, государственно-частное партнерство подразумевает использование материального (финансового) и интеллектуального потенциала частного бизнеса в сферах, которые традиционно относятся к ответственности государства.

В Российской Федерации на законодательном уровне определена фактически единственная форма государственно-частного партнерства (далее ГЧП) — концессионные соглашения, представленные в Федеральном законе от 21 июля 2005 года № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (далее Закон о концессионных соглашениях). Специального федерального закона, который регулировал бы особенности (формы реализации, модели) ГЧП на сегодняшний день нет (проект Федерального закона № 238827-6 «Об основах государственно-частного партнерства в Российской Федерации» был принят в первом чтении 26 апреля 2013 года). Правовые основы для реализации данного законопроекта уже сформировались. В большинстве субъектов Российской Федерации приняты специальные законы о государственно-частном партнерстве. На федеральном уровне действует Закон о концессионных соглашениях. Специфические особенности взаимоотношений между заинтересованными участниками в рамках ГЧП регулируются Гражданским кодексом Российской Федерации.

Как отмечает правоприменитель, по смыслу определения концессия (статья 3 Закона о концессионных соглашениях) — это вид государст-

венно-частного партнерства, по которому частный инвестор обязуется построить или реконструировать определенный объект, являющийся собственностью публичного образования. При этом он получает право коммерческой эксплуатации данного объекта на определенный период времени. Государство или муниципальное образование может частично участвовать в финансировании такого проекта, осуществлять контрольные функции (например, по вопросам ценообразования). Объектами концессионного соглашения являются объекты, имеющие особое значение для обеспечения жизнедеятельности населения, с одной стороны, и требующие существенных затрат на их содержание, с другой. Причем в своем решении суд при определении правовой природы ГЧП руководствуется Гражданским кодексом РФ и специальным законом — Законом о концессионных соглашениях (Постановление ФАС Центрального округа от 25 декабря 2012 года по делу № А62-3685/2012).

В международной практике отсутствует четкое определение понятия ГЧП. В целом, суть ГЧП определяется как «взаимовыгодное сотрудничество государства и частного сектора в отраслях (сферах), традиционно относящихся к сфере ответственности государства на условиях равноправия сторон, соблюдения прав и законных интересов, консолидации финансовых, материальных и организационных ресурсов сторон, разделения ответственности (компетентности), рисков и достигнутых результатов, а также прозрачности деятельности в рамках ГЧП». Причем участие со стороны публичного партнера (государства) может осуществляться в следующих формах:

- предоставление частному партнеру в аренду земельных участков, находящихся в собственности публичного партнера;
- предоставление частному партнеру в доверительное управление, владение или пользование иного недвижимого или движимого имущества, находящегося в собственности публичного партнера;
- предоставление налоговых преференций;
- заключение договора аутсорсинга при реализации политики в области энергетической эффективности, энергосбережения, реализации мер по энергетическому менеджменту;
- предоставление субсидий частному партнеру в соответствии с действующим законодательством;
- предоставление бюджетных инвестиций, государственных гарантий частному партнеру;
- долевое участие в уставных (складочных) капиталах юридических лиц, создаваемых для реализации проекта на основе государственно-частного партнерства.

Концессия, определенная как вид ГЧП, предполагает участие публичного партнера, в том числе в форме предоставления частному парт-

неру в безвозмездное пользование земельных участков. Конечной целью ГЧП является привлечение инвестиций в экономику Российской Федерации, обеспечение эффективного использования имущества, находящегося в государственной или муниципальной собственности, на условиях концессионных соглашений, повышение качества товаров, работ, услуг, предоставляемых потребителям.

Тем не менее, проект Федерального закона № 238827-6 «Об основах государственно-частного партнерства в Российской Федерации», на мой взгляд, является недостаточно проработанным.

В частности, в законопроекте необходимо проработать ряд вопросов, связанных с проведением обязательного анализа инвестиционных предложений по определению схем реализации (в том числе, по механизму ГЧП), спектра моделей и форм ГЧП, порядку и методике оценки социальной, экономической и бюджетной эффективности проекта ГЧП, системы конкурсного отбора потенциального частного проекта ГЧП.

В законопроекте № 238827-6 можно было бы расширить формы ГЧП — по аналогии с практикой Европейского союза (ЕС). В частности, ЕС в соответствии с Зеленой книгой (Green Paper) «О государственно-частном партнерстве и законодательстве ЕС о государственных контрактах и концессиях» определяет ГЧП как форму сотрудничества между государственными органами и бизнесом, которая призвана обеспечивать финансирование, строительство, реабилитацию, управление или содержание инфраструктуры, а также предоставление услуг.

Выделяются две формы ГЧП — институциональная и контрактная.

Контрактное ГЧП относится к партнерству, основанному исключительно на контрактных отношениях между участниками проекта.

Институциональное ГЧП предполагает создание совместного предприятия с участием государства и частного партнера, целью которого является выполнение работ и услуг в пользу государства. Партнерство между государством и частным сектором может относиться к институциональному ГЧП в двух случаях: создание нового совместного предприятия с участием государства и частного партнера. При создании совместной компании государством и частным сектором нормы закона о государственных контрактах (государственных закупках) и концессиях не применяются, но деятельность в рамках такого предприятия должна соответствовать нормам и принципам ГЧП. Передача частному партнеру части государственных обязательств (включая частичную приватизацию). При этом процедура продажи доли компании частному партнеру основана на конкурсной основе с последующим заключением договора на основе механизмов ГЧП и будет соответствовать признакам институционального ГЧП.

Для реализации крупномасштабных инвестиционных проектов с использованием механизма концессии может потребоваться финансовое обеспечение, позволяющее привлечь дополнительные инвестиции. Решением данного вопроса может стать положительная международная практика использования инструмента проектного финансирования.

Под проектным финансированием понимается метод финансирования, при котором кредитор рассматривает будущие доходы от финансируемого проекта в качестве основного источника возврата задолженности и обеспечения выдаваемого кредита.

Представленная модель реализации ГЧП будет способствовать реализации финансирования значимых проектов для государства.

Данная модель предполагает, что частный партнер проектирует, строит, финансирует и эксплуатирует объект. В рамках данной модели государственный сектор не владеет активами (такими активами могут быть больницы или школы), но производит в пользу частного партнера ряд согласованных выплат за пользование объектами в течение срока действия контракта. По истечении срока действия контракта право собственности на активы либо остается у частного партнера, либо возвращается к государственному партнеру — в зависимости от условий контракта (представленная модель широко представлена в Великобритании).

Кроме того, представленная модель будет направлена на:

- минимизацию рисков, защиту и усиление прав экономических интересов кредиторов (инвесторов);
- снижение юридической неопределенности при реализации данного проекта и как следствие — повышение прозрачности и его привлекательности.

Ожидаемый экономический эффект:

- привлечение инвестиций, улучшение национального инвестиционного климата;
- реализация значимых проектов не приведет к росту государственного долга, так как финансирование проектов будет осуществляться под будущие денежные потоки от самого проекта.

Модели ГЧП с использованием проектного финансирования используются в российских регионах. В частности, в Белгородской области Правительство выделяет модель проектного финансирования при сотрудничестве между субъектом Федерации и бизнесом в рамках ГЧП (при реализации проектов в сфере здравоохранения). В частности, в Постановлении Правительства Белгородской области от 16 декабря 2013 года № 524-пп «Об утверждении государственной программы Белгородской области «Развитие здравоохранения Белгородской области на 2014–2020 годы» отмечается, что в результате следует ожидать

расширения спектра применяемых моделей ГЧП. В том числе модели частной финансовой инициативы, когда контракты по государственным услугам и работам финансируются частным сектором, но услуги оплачиваются не потребителями, а государственной организацией. При этом право собственности и содержания остается у частной стороны. В конце срока контракта государственная организация может продлить контракт.

Модели проектного финансирования, позволяющие привлечь дополнительные инвестиции при реализации крупномасштабных инвестиционных проектов с использованием механизма концессии, в силу своей гибкости являются особенно эффективным инструментом привлечения средств в условиях нестабильной экономики. Особенность данной модели финансирования заключается в оценке способности проекта стабильно генерировать текущие и будущие денежные потоки, именно эти потоки, которые становятся источником средств для обслуживания и возврата долга и выплаты дохода на капитал, инвестированных в проект. В лице бизнес-партнера может выступать специальная финансовая компания (например, ОАО «Корпорация «Развитие» Белгородской области).

Кроме использования проектного финансирования при реализации значимых долгосрочных проектов в рамках ГЧП широко используются так называемые модели контрактов «строительство — передача — аренда» (BTL) и «строительство — передача — эксплуатация» (BTO).

Контракт «строительство — передача — аренда» (BTL) — это способ привлечения частных инвестиций, в рамках которого частный партнер проектирует, строит и эксплуатирует инфраструктурные сооружения, а публичный партнер осуществляет ему платежи. Частный партнер использует свои собственные фонды для строительства инфраструктурных сооружений и передает их во владение государству. Публичный партнер в свою очередь предоставляет компании «права по управлению и эксплуатации объектом». Государство осуществляет выплаты за услуги, оказываемые частным партнером, что позволяет последнему вернуть свои инвестиционные и эксплуатационные расходы. Контракт BTL используется государством для строительства социальной инфраструктуры (школы, больницы, библиотеки).

В соответствии с контрактом «строительство — передача — эксплуатация» (BTO) частный партнер возводит инфраструктурные объекты, передает во владение публичному партнеру после завершения строительства и эксплуатирует объект для возврата своих инвестиций. Данный контракт используется в проектах, связанных с реализацией природоохранных мероприятий, строительством автомобильных и железных дорог. Представленная модель ГЧП (контрактов BTL и BTO) широко используется в Южной Корее.

Модели ГЧП с использованием контрактов ВТЛ и ВТО используются и в российских регионах. На территории Калужской области (Постановление Правительства Калужской области от 31 декабря 2013 года № 758 «Об утверждении государственной программы Калужской области «Развитие здравоохранения в Калужской области») реализуются, в числе прочих, модели ГЧП — ВТЛ (строительство — передача — аренда) и ВТО (строительство — передача — эксплуатация).

Модель ВТО предполагает создание специальной компании на территории региона, акционером которой становится частный инвестор. За счет средств уставного капитала специальная компания строит объект недвижимости и регистрирует его на себя. Калужская область рефинансирует затраты инвестора на создание объекта с учетом доходов от эксплуатации объекта путем выкупа акций компании. По окончании проекта контроль над компанией переходит полностью к Калужской области.

Еще одним вопросом в рамках качественного законодательства в сфере ГЧП является система конкурсного отбора потенциального проекта.

В международной практике перед реализацией определенного инфраструктурного проекта проводится предварительный сравнительный анализ возможности реализации проектов за счет средств частного бизнеса или за счет средств государственного бюджета для выявления оптимальной модели реализации проекта, при котором цена проекта будет соответствовать качеству проекта.

Международный опыт проведения конкурсов за право реализации проектов ГЧП позволяет выделить в процессе конкурсного отбора ряд этапов:

- предварительный отбор участников конкурса;
- оценка технических параметров конкурсных предложений;
- оценка финансовых параметров конкурсных предложений.

Проекты ГЧП подлежат обязательной оценке на предмет:

- проблемы текущего состояния отрасли;
- соответствия целей проекта решению существующих проблем в отрасли;
- альтернативных вариантов реализации проекта исходя из принципа обеспечения сбалансированности интересов заинтересованных участников;
- ситуации в отрасли в случаях реализации проекта и отсутствия такой реализации;
- распределения выгод от реализации проекта;
- предполагаемого мультипликативного эффекта от реализации инфраструктурного проекта на смежные отрасли экономики.

В рамках первого этапа организатор конкурса просит участников конкурса предложить собственные варианты удовлетворения его кон-

кретных потребностей в области управления и развития инфраструктуры. На данном этапе представленные участниками решения основываются на предложенной организатором конкурса инженерно-конструкторской концепции или эксплуатационных показателях без указания финансовых характеристик (предполагаемые цены или уровень вознаграждения).

На втором этапе организатор конкурса окончательно определяет параметры инфраструктурного проекта на основе переговоров, проведенных на первом этапе, и выбирает победителя конкурса на основе оценки финансовых параметров, указанных в конкурсных предложениях. Участник торгов должен письменно согласиться с обязательным характером всех технических особенностей, предъявляемых организатором проекта, так как технические предложения уже не подаются.

Кроме того, необходимо обратить внимание на то, что при отборе тех или иных проектов необходимо выработать порядок и методику их оценки на предмет социальной, экономической и бюджетной эффективности, а также на основании данных показателей — расчет интегрального показателя эффективности проекта. Возможно проведение дифференциации проектов по степени приоритетности.

Например, первый уровень приоритетности — наиболее значимые для публичного партнера направления: капитальное строительство или перепрофилирование объектов в следующих сферах — здравоохранение, социальная сфера, образование, оборона;

второй уровень приоритетности — присваивается инвестиционным проектам, в рамках которых осуществляется капитальное строительство, перепрофилирование объектов в следующих сферах — дорожное хозяйство, теплоснабжение, водоснабжение, электроснабжение;

третий уровень приоритетности — присваивается инвестиционным проектам, в рамках которых осуществляется капитальное строительство, перепрофилирование объектов в следующих сферах: культура, искусство, спорт.

В заключение представленной работы хотелось бы обратить внимание на следующие аспекты. В основу качественного законодательства в сфере ГЧП (в том числе принятие на законодательном уровне специального Федерального закона «Об основах государственно-частного партнерства в Российской Федерации») должны быть положены современные методики (модели и формы) взаимовыгодного сотрудничества между государством и бизнесом.

Проработка вопросов, связанных с перечнем объектов, которые не подлежат передаче в концессию, расширения моделей сотрудничества в рамках ГЧП (мер, связанных с возмещением не только инвестиционных, но и эксплуатационных расходов), методик оценки проектов, а также сама процедура проведения конкурсного отбора, позволит госу-

дарству привлечь частных партнеров для финансирования наиболее значимых инфраструктурных объектов. Развитие механизма ГЧП позволит реализовать и развивать потенциал частных партнеров, привлечь средства институциональных инвесторов и сохранить функции государства в социально значимых секторах экономики.

Государственно-частное партнерство способствует и будет способствовать привлечению органами государственной власти на конкурсной основе организаций для проектирования, создания, реконструкции и (или) эксплуатации объектов общественной инфраструктуры, то есть для эффективного и качественного исполнения задач, относящихся к государственному сектору, на условиях компенсации затрат, распределения рисков, обязательств и полномочий.

ДУХОВНОСТЬ И СОВРЕМЕННЫЙ СПОР ЦИВИЛИЗАЦИЙ

В обсуждении принимают участие доктор философских наук, профессор, академик РАО *Л.П. Бueva*, доктор философских наук *Э.М. Спирова*.

Ведет «круглый стол» доктор философских наук, профессор *П.С. Гуревич*.

Гуревич П. 250 лет назад на земли, которые принадлежат нынче США, высадились европейские колонизаторы. На территории в то время разгуливали бизоны и жили индейцы. Европейцы загнали аборигенов в резервации, поскольку считали их не цивилизованными людьми, а дикарями. Они были убеждены в том, что на свете немало народов, которых не коснулась цивилизация. Для прибывших поселенцев индейцы оказывались конкурентами в борьбе за новые земли. Церковь считала аборигенов людьми, которые почему-то сбились с истинного пути и нуждаются в христианской вере. Многочисленные индейские войны привели к созданию новых резерваций и насильственному переселению в них племен. По коллективным сообществам разных этносов был нанесен мощный удар. Позже, спустя десятилетия, американцы заговорили об «индейском возрождении». Однако целые поколения индейцев не смогли заново привыкнуть к жизни в резервации или обосноваться в новом обществе. Таковы издержки соприкосновения цивилизаций.

Спор цивилизаций, давних и современных, отсталых и развитых, — давняя тема социальной философии. В связи с этим историческим примером хотелось бы обсудить следующие вопросы:

1. Изменилось ли представление о цивилизации за эти столетия?
2. Как отражается на судьбе цивилизаций процесс глобализации?
3. Можно ли говорить о конфликте цивилизаций сегодня?

Изменилось ли представление о цивилизации за эти столетия?

Бueva Л. Мне кажется, что слово «цивилизация» сохранило свой основной смысл. В этом отношении мало что изменилось. Конечно, само это понятие многозначно. Я думаю, что можно назвать три основных значения этого слова. Сначала оно имело то интеллектуальное содержание, на которое вы уже указали. Просветители XVIII в. так обозначали общество, которое развито в культурном отношении, основано на государственно-правовых, разумных и справедливых началах. Такой тип социума противопоставлялся патриархальным, родоплеменным отношениям других народов, в основном древ-

них, которые жили на землях, обнаруженных европейцами в XVI–XVIII веках. В XIX веке, как мне кажется, это слово сохранило свое первоначальное значение, хотя и приобрело дополнительный смысл. Американский этнограф Л.Г. Морган в книге «Древнее общество» попытался создать некую периодизацию древней человеческой истории. А цивилизацию он считал третьей, завершающей стадией развития общества. Первая называлась дикостью, вторая варварством. Так ведь? И, наконец, со второй половины названного столетия слово «цивилизация» стало применяться во множественном числе. Им начали обозначать региональные и локальные типы культурных сообществ.

Спирова Э. Вы абсолютно правы, Людмила Пантелеевна, если остановиться на формально-культурологическом значении слова «цивилизации». Но как раз в содержательном смысле многое изменилось. Разве кто-нибудь разделяет сегодня просветительское представление о том, что древние племена были дикарями, едва покинувшими животное царство? Изучая давнее общество, современные исследователи пришли к выводу, что многие стороны социальной жизни были организованы в нем гораздо целесообразнее и даже цивилизованнее, чем в современном социуме. Скажем, современное общество страдает от избыточности производства и потребления. Мы расточительно относимся к недрам и богатствам земли, производим товаров больше, чем необходимо, не скупимся на военные расходы. Эта растратность вызывает серьезные опасения у экспертов. Между тем в архаическом обществе производство было подчинено непроизводительным разрушениям. Может быть, это и есть показатель неразвитости, нецивилизованности? Или, напротив, признак громадного духовного опыта, который подсказывал племенам, как избежать ловушки нерационального прогресса?

Гуревич П. Современные французские философы склоняются к последнему мнению. Они не усматривают в древних обычаях ни парадокса, ни абсурда. Скажем, Жорж Батай пишет о том, что человечество производственной эпохи, то есть пребывающее, как мы считаем, в стадии высшей цивилизованности, кажется более отсталым в этом отношении от давних, будто бы варварских традиций. Вычерпать все ресурсы из земли, выбросить на продажу массу ненужных вещей, растратничить национальное богатство, внедрить в общественное сознание идеологию непомерно растущих потребностей и ожиданий — разве это не дикость? Создав материальное довольство, современное общество утратило, как писал Батай, нечто драгоценное — сокровенность. Оно, по его словам, пытается вернуть эту сокровенность, но уже не может. Сделавшись индивидом, приравненным к автономной вещи, человек предельно отделился от самого себя. И это можно назвать цивилизованностью? Уже Шекспир вложил в уста Гамлета пронизательные слова:

*Так в годы внешнего благополучья
Довольство наше настигает смерть
От внутреннего кровоизлиянья.*

Буюва Л. Да, Эльвира Маратовна писала о весьма интересных работах французских философов. Могу согласиться с тем, что такая переоценка древнего общества характерна не только для французских постмодернистов. Вам известно, что американский профессор Карлос Кастанеда после защиты докторской диссертации по антропологии отправился к аборигенам Центральной

Америки. Он был убежден в том, что получит в свое распоряжение массу конкретных примеров «цивилизационной отсталости» этих племен. И тут он обнаружил, что древнемексиканские индейцы, жрецы древней цивилизации Мезоамерики, располагают такими достижениями в области мышления и постижения реальности, каким европейцы могут только позавидовать. К. Кастанеда был вынужден пройти ученичество у индейского мудреца-мага. Все это хорошо известные факты и социологические выкладки. Однако разве современные люди готовы жить, как индейцы, описанные Кастанедой? Может быть, надо взглянуть на ситуацию трезвее? И Батай, и Кастанеда, очаровав нас рассказами о древнем обществе, остались все-таки в нашем цивилизованном обществе, а не перекочевали в вигвамы.

Спирова Э. Сказано у поэта: «Времена не выбирают, в них живут и умирают». Людмила Пантелеевна, согласитесь, тот, кто изучает чужую культуру, не обязан непременно покинуть свой обжитой мир. Но есть и такие примеры. В начале минувшего столетия такой поступок совершил французский поэт Виктор Сегален. Он не только писал стихи, проникнутые буддистскими мотивами. Но уехал в Индию, а потом в Китай. В 70-е годы XX века на Западе стали говорить о массовом распространении дауншифтинга, особой жизненной позиции, при которой успешные люди отказываются от приобретенных жизненных благ, материальной гонки, карьерного роста в пользу спокойной жизни вдали от очагов цивилизации. Мы живем в благоустроенном обществе, но разговор о цивилизации заставляет нас думать, так ли уж идеален современный уклад жизни? Тем более, что и сегодня есть народы, которые в значительной мере выломились из идеального, как нам кажется, современного цивилизационного уклада.

Гуревич П. Согласен. В некорректном понимании чужой культуры — очевидная угроза. В диалоге культур исчезают ценностные миры. Патагония до 1881 года не принадлежала какому-либо государству. До колонизации эту территорию населяли индейцы, но из-за тяжелых природных условий они существенно отстали в развитии не только от европейцев, но и от других индейцев Америки. В течение XVI–XVIII веков коренное население (теуэльче и др.) было покорено арауканами и перешло на язык мапудунгун (этот процесс получил известность как арауканизация). С Патагонией, как с частным примером, связан фантазм исчезновения культур. Вымирание индейцев, стирание целой культуры и целого ландшафта в неразличимости мрака и льдов. Французские постмодернисты предлагают слово «патагонистика» как ключ к исследованию утрачиваемых культурных миров.

Буева Л. Я не отрицаю, что есть примеры, когда рядом с нами существуют другие миры, отнюдь не варварские. Долину реки Хунза (граница Индии и Пакистана) называют «оазисом молодости». Продолжительность жизни обитателей этой долины — 110–120 лет. Они почти никогда не болеют и выглядят молодо. Представители племени Хунза, в отличие от соседних народностей, внешне даже похожи на европейцев. Один из жителей страны ввел в смятение европейские таможенные службы, предъявив паспорт, который свидетельствовал, что его обладателю 160 лет. Возможно, такой уклад жизни приближается к идеальному. Ведь в цивилизованной Европе люди стареют к 40–50 годам. Но ведь речь идет лишь об отдельных аспектах образа жизни людей.

Разве эти примеры устраняют различие между цивилизацией и древним обществом?

Спирова Э. В XX веке путешествия в экзотические страны, попытка понять другие миры породили сложные философские проблемы. Действительно ли другие цивилизации чужеродны? Еще точнее — как разгадать эту чужеродность? И тотчас же рождается философское остережение. Не станет ли поиск экзотики в иной культуре искажением ее мира, принуждением ее к экстравагантной непостижимости? Многочисленные турне буквально всасывают в себя разного рода культурные и цивилизационные различия. Возникает диктат тривиальнейшей экзотики. Встреча цивилизаций стирает особенности разных культур. Все чаще мелькает догадка о бессмысленности путешествий. Мир катится к однообразию.

Гуревич П. Стигматы стирания культурных различий можно обнаружить не только на локальных культурах. Африка — древняя родина негров, материк прекрасный и горестный. У берегов этого континента впервые лязгнули ржавые цепи кораблей, увозивших невольников в другие части света. Между отдельными государствами материка пролегли пространства пустынь и саванн, вершины гор и тропические джунгли. Упоминание о древнем африканском континенте вызывало в памяти известные картины: бич, обвившийся вокруг тела черного человека; корабли с невольниками; раб у ног непобедимого владыки. Поэты, слагавшие песни, поэмы, завершали свои произведения традиционным рефреном: «О, скорбный голос Африки моей!» Буйно зеленеющие тропические леса. Знойные ветры Сахары. Белесые туманы, гуляющие утрами по стране. А что случилось сегодня с этими древними странами, когда США стали принуждать их к демократии и другим европейским ценностям? Еще пример. Возьмем маленькое государство Бутан. У жителей этой страны нет мобильных телефонов, Интернета. Но извлечь эту страну из лона цивилизации в широком смысле слова невозможно. Люди живут здесь по-своему, считая свою жизнь полнокровной и полноценной. Это поистине удивительная страна без голода и преступности, где люди пребывают в радости, не зная войн и нищеты. А находится страна между Китаем и Индией. Как можно не покуситься на блага, которыми пользуются люди в этих крупных странах? По каким меркам можно считать жизнь без сотового телефона варварской, дикой или просто отсталой?

Буева Л. Я согласна с тем, что в практике древних обществ обнаружены ценные идеи и достижения, которые в значительной мере наносят удар европоцентризму. Но, простите, разве эта культурологическая установка утратила свою силу? Мир сегодня не движется в сторону тольтеков или в направлении индейцев северо-западной Америки, у которых так называемый потлач занимал главное место в социальной жизни. Как бы то ни было, эти культурологические изыски не меняют вектор глобализации. Мир все равно устремлен к единой мировой цивилизации по европейскому образцу.

Спирова Э. Но мы пока и не обсуждаем ход истории. Мы говорим лишь о том, что европейское представление о цивилизованности претерпело существенные коррективы. Да, человечество метнулось в русло глобализации. Это очевидный факт. Но ведь тема нашего обсуждения — духовность и судьба цивилизаций в эпоху глобализации. Если ограничиться только вашей констатацией, то нечего и обсуждать. Между тем критика европоцентризма — вовсе

не боковой сюжет нашей дискуссии. Востоковеды говорят: любой центризм — не что иное, как система, в которой центр неопознаваем. Он выведен за пределы обозрения. Чтобы разглядеть суть любой системы, ее направленность, надо сойти с этой точки. Но европоцентристы, о чем бы ни толковали, остаются в этой центристской точке. Действительно, в известном смысле мало что изменилось со времен Гегеля. Образ Востока используется только для того, чтобы проиллюстрировать идею самоутверждения и самоизоляции.

Гуревич П. Мы, вероятно, еще коснемся темы европоцентризма. Справедливости ради все же отметим, что критика этого центризма содержится в европейском сознании. Вот, например, немецкий ученый Готфрид Лейбниц писал о китайской философии: «Было бы чересчур опрометчиво со стороны нашего брата... едва-едва еще вышедшего из состояния варварства, позволить себе осуждать столь древнее учение, поскольку оно, на наш взгляд, не соответствует сразу же нашим привычным схоластическим понятиям». Что же говорить про критику европоцентризма после работ Николая Яковлевича Данилевского или Освальда Шпенглера. Данилевский, как известно, считал, что в мире одновременно существует множество разнородных культур, или культурно-исторических типов, то есть особых культур, которые раскрывают свои возможности в конкретные исторические периоды.

Бueva Л. Но я полагаю, что нет оснований отказываться от того смысла понятия «цивилизация», который содержится в исторической поступи. Зачем обсуждать проблему цивилизации, если мы оспариваем некий исторический маршрут человечества от дикости и варварства к цивилизации? Вот вы упомянули феномен жертвенности, который практиковался в древних обществах. Много ли гуманности в том, что невинные люди идут под нож или сгорают в кострах? Этнографические изыскания постмодернистов обладают неоспоримой ценностью. Но есть ли потребность в том, чтобы отказаться от всех историософских схем и уравнивать, к примеру, язычество и христианство, вождизм и демократию? Идею цивилизованной гуманной жизни человечество буквально выстрадало. Или это не так?

Спирова Э. Но я еще раз вынуждена подчеркнуть, что мы пока вообще не обсуждаем вопрос о том, когда людям жить лучше — в условиях дикости или в современной цивилизации. Речь идет только о том, что понятие цивилизации изменилось содержательно. Оно сегодня освобождается от романтических восторгов, от умозрительного восхваления. У Нелли Васильевны Мотрошиловой в книге «Цивилизация и варварство в современную эпоху», изданной четыре года назад, представлен более трезвый взгляд на феномен цивилизации. Кстати, свои идеи на этот счет она излагала и в нашем издании — «Вестнике аналитики». Само название работы не ставит понятия «варварства» и «цивилизации» в исторический ряд: варварство не исчезло. В этой работе выявлены противоречия цивилизации, в том числе те, которые порождают мощные выбросы варварства. Особое внимание уделено рассмотрению варварства как оборотной стороны современной цивилизации. В свете этой концепции проанализированы те проблемы современной России, которые связаны с ее цивилизационной отсталостью.

Гуревич П. Причем обратите внимание, Нелли Мотрошилова вовсе не идеализирует, скажем, варварство или дикость. Сама схема исторической поступи

не оспаривается. Напротив, ее тревожит вторжение варварства в современную цивилизацию. Ее экспертиза впечатляет. И что же это означает? Ничего, кроме трезвого взгляда на само понятие, на сам феномен. Понятие цивилизации сохраняет свой когнитивный, социально-философский смысл. Но содержательно оно меняется. Мы называем это слово вовсе не для того, чтобы засвидетельствовать: в современном обществе торжествует гуманизм, исчезли войны, прекратилось политическое интриганство или исчезло социальное расслоение.

Буева Л. Но Нелли Мотрошилова все же стремится исследовать надбиологические программы индивидуальной жизнедеятельности, а также внеиндивидуальные бытийные формы, механизмы, благодаря которым цивилизация выполняет свои главные функции — сохранение, преемственность, развитие человеческого рода. Никто не оспаривает главенствующей роли цивилизации. А варварство рассматривается как «наследственный код» цивилизации, как оборотная сторона цивилизации.

Спирова Э. Об этом и речь. Философы, к примеру, догадывались, что после появления христианства язычество не исчезло. Оно нередко оказывалось, говоря вашими словами, оборотной стороной христианства. Но осознание этой «смеси» и воспринималось как некое открытие, как новое слово о христианстве. Сегодня об этом пишет С.А. Королёв, рассматривая христианизацию Руси как центральный момент самой первой российской псевдоморфозы и показывая, что православие — это оболочка, в которой веками выживало и развивалось множество самых разнородных компонентов дохристианской, автохтонной культуры. Итак, можно говорить о том, что понятие цивилизации сегодня претерпело содержательное преобразование. После того как в гуманитарном сознании возникли науки о культуре — социальная антропология, культурная антропология, — представление о цивилизации радикально изменилось. Не случайно многие исследователи, представляя локальные культуры, говорят именно об особом укладе жизни и необычном духовном опыте. Рождается новая исследовательская ситуация. С одной стороны, мы называем цивилизациями крупные социальные образования, ареал и итог распространения конкретной мировой этической религии и сопряженной с ней культуры. А с другой, столкнувшись с непривычным для нас образом мышления и жизни, готовы присвоить ему название цивилизации. Более того, даже отдельные периоды европейской истории, скажем, средневековье, рассматриваются историками как необычный цивилизационный уклад. Понятное дело, что так, к сожалению, можно додуматься и до «цивилизации соседнего двора». Понятие множится, и здесь нужна некая упорядоченность анализа. Я полагаю, что трактовка цивилизации, скажем, у французского историка Ф. Гизо и нынешняя цивилизационная реальность — это не одно и то же.

Гуревич П. В современных исследованиях то и дело обнаруживается убеждение, что доминирующие цивилизации, опираясь на гордыню своей исключительности, подмяли под себя или просто истребили другие, не вполне прозрачные для них жизненные уклады. Вполне возможно, что даже не разгадали смысла того бытия, которое не совпадало с уже привычным и укоренившимся бытованием. Не случайно же сегодня говорят о доминирующих

и локальных цивилизациях. Эксперты называют разное число цивилизаций, которые имеют право на это наименование. И это, разумеется, свидетельствует о том, что само понятие цивилизации подвижно и за последнее время обрело новые содержательные смыслы.

Буева Л. Но разве этот процесс обладает новизной? Разное представление о том, что такое цивилизация, утвердилось одновременно с попыткой его духовного анализа. Николай Яковлевич Данилевский называл культурно-историческими типами целостные совокупности специфических элементов духовной и материальной жизни общества этноса, которые проявляются в религиозном, социально-экономическом, политическом и других отношениях. Всего философ насчитывал десять цивилизаций: египетская, индийская, иранская, еврейская, греческая, римская, новосемитская (аравийская), германо-романская (европейская). К этим несомненным, по Н.Я. Данилевскому, «естественным» группам он причислял два «сомнительных» типа цивилизаций: американскую и перуанскую (индейскую), погибших насильственной смертью и не успевших совершить своего развития. Что касается групп новой Америки (современных США), то их значение еще не было ему ясным. Он колебался, признать ли их особым культурно-историческим типом.

Спирова Э. Вопрос в том и заключается: можем ли мы считать экспертизу Данилевского окончательной? Английский историк Арнольд Тойнби «виноват», очевидно, в том, что ввел понятие локальных цивилизаций. Он начинал свое исследование с тезиса о том, что истинной областью исторического анализа должны быть общества, имеющие как во времени, так и в пространстве протяженность большую, чем национальные государства.

Он, как известно, рассматривал двадцать три развившихся цивилизации: западную, две православных (русскую и византийскую), иранскую, арабскую, индийскую, две дальневосточных, античную, сирийскую, цивилизацию Инда, китайскую, минойскую, шумерскую, хеттскую, вавилонскую, андскую, мексиканскую, юкатанскую, майя, египетскую; четыре остановившиеся в своем развитии (эскимосскую, номадическую, оттоманскую и спартанскую) и пять мертворожденных.

Гуревич П. Невозможно отвлечься от того, что признаки, по которым обозначается та или иная локальная цивилизация, не остаются неизменными. Поэтому сегодня общее число цивилизаций остается более или менее произвольным. Приходится, в частности, учитывать тот факт, что отдельные цивилизации уже исчезли. Но действительно ли эти социальные общности были самостоятельными цивилизациями? Данилевский считал, что у европейской цивилизации уже остался позади период «плодоношения». И в целом надо говорить не «культура», а «культуры», не «цивилизация», а цивилизации. Освальд Шпенглер возвестил конец западной цивилизации в целом. Причем именно западной, а не только европейской. Русские переводчики допустили здесь вольность, устранив из диагноза Соединенные Штаты Америки. Американские исследователи были даже готовы к обозначению особой цивилизации в Новом Свете. Однако биржевой крах 1929 года и надвинувшееся вымирание «белого человека» показали, что речь у Шпенглера идет не только о Европе. Эту «оплошность» русских переводчиков «исправил» видный американский консерватор Патрик Бьюкенен, предложив иное название своей

книги «Смерть Запада». Но здесь невозможно обойти некий парадокс. Закат, как говорится, закатом, а евроатлантическая цивилизация распространяет свое влияние на все регионы земли. Как совместить этот современный расклад с выводами проницательных мыслителей двух минувших столетий?

Буева Л. Мы знаем сегодня, что не только европейская культура, но и вся западная цивилизация, обретшая планетарные формы (ее обычно называют техногенной, т.е. порожденной техническими достижениями европейцев), мчится к собственным пределам. У этой цивилизации, рожденной фаустовским духом, нет будущего. На смену ей должна прийти цивилизация антропогенная, т.е. «скроенная по меркам» человека, а не машины. Однако никто не знает, как выцветший дух европейской культуры может явить чудо преображенья...

Спирова Э. Мне кажется, что нуждается в корректировке известное положение о том, что цивилизация есть агония культуры. Николай Бердяев писал: «Цивилизация, в отличие от культуры, не борется со смертью, не хочет вечности. Она не только мирится со смертоносной властью времени, но и на этой смертоносности временного потока устраивается на кладбищах, забыв о покойниках». По мнению русского философа, любая цивилизация означает апофеоз общего, повторяющегося однообразия, превалирования материального над идеальным, методов и орудий над духом и душой, стандарта — над оригинальностью и неповторимостью. Вновь и вновь сегодня возникают вопросы: Всегда ли культура сохраняет свой потенциал? Не увядает ли она? Отчего мощный взлет духа сменяется порой духовным и художественным спадом? Эти вопросы всегда интересовали исследователей культуры. Наблюдая за судьбой отдельных культур, они видели, что процесс наращивания новых ценностей в культуре не продолжается вечно. Наступают какие-то длительные паузы, а иногда культура словно окостеневает и уже не дает больше плодотворных всходов. Тогда мы имеем возможность говорить о цивилизации.

Гуревич П. Однако не все социальные мыслители считают цивилизацию выдохшейся культурой. Французский философ Жак Маритен дал оригинальную трактовку проблеме соотношения культа и культуры. Маритен отмечает, что слово «культура», обозначающее процесс развития человеческого разума в целом, вполне заменимо словом «цивилизация», которое также обозначает процесс развития, но уже с одной, частной, стороны — как рождение городов и гражданской жизни. Таким образом, Маритен отвергает идею Шпенглера, противопоставившего науку цивилизации. Маритен полагает, что культура и цивилизация не только материальны, но и духовны. Английский историк, философ и социолог Арнольд Тойнби рассматривал цивилизацию как единицу исторического процесса. По Тойнби, каждая цивилизация проходит в своем развитии ряд стадий: возникновение, рост, надлом и разложение, после чего уступает место другим цивилизациям.

Буева Л. Стало быть, цивилизации, как и культуры, развиваются через стадии разломов и кризисов. Причем цивилизация в условиях собственной подорванности может обрести неожиданную помощь. Она способна перехватить черты иной цивилизации и адаптировать их. Рим вошел в стадию перелома, угасания. Но христианство, возникшее в недрах античности, придало этой угасающей цивилизации новое дыхание. То же самое случилось, судя по

всему, и с современным Китаем. Отгородившись от всего мира, эта страна утратила динамизм. Теперь же она получила прививку от европейской цивилизации и добилась неожиданных, впечатляющих успехов.

Спирова Э. Арнольд Тойнби объясняет, почему некоторые цивилизации оказались мертворожденными или остановились в своем росте. Он отмечал, что из тридцати цивилизаций только четыре или пять оказались мертворожденными, из двадцати шести остальных не менее шестнадцати прекратили свое существование (египетская, андская, китайская, минойская, шумерская, античная, вавилонская, мексиканская, арабская, юкатанская, спартанская и османская). Из десяти оставшихся в живых полинезийская и кочевническая переживают агонию, а семь из восьми оставшихся находятся под угрозой уничтожения или ассимиляции с западной цивилизацией. Ему казалось, что большинство цивилизаций обречено на гибель. В европейской цивилизации он тоже видел симптомы надлома и разложения. Выходит, ни про одну цивилизацию, в том числе и евроатлантическую, нельзя сказать, что она умерла безвозвратно. Мир пришел в динамичную полосу. В процессе глобализации мира, казалось бы, обреченные на патриархальность, неожиданно обгоняют другие страны на крутом вираже.

Как отражается на судьбе цивилизаций процесс глобализации?

Гуревич П. Когда я был студентом, считалось, что такие великие азиатские страны, как Китай и Индия, чуть ли не безнадежно отстали от Европы. Но обе эти страны сегодня оказались лидерами экономического развития. Вместе с тем в Китае сильны традиции конфуцианства, а в Индии вообще произошел разлом традиций. Одни кастовые группы включились в развитие экономики, а другие начали интенсивно укоренять Упанишады в европейскую культуру. Разумеется, опора на духовные традиции ни в коем случае не может свидетельствовать о нецивилизованности. Известный культуролог Григорий Померанц отмечал, что Индия и Китай не знали запустения и варваризации. Конечно, варвары прорывались сквозь их границы, но масса носителей местных традиций ассимилировала их. Он подчеркивал, что в Средиземноморье варвары «освоили» обломки римской цивилизации, а в Азии процесс пошел в обратном направлении: через два-три поколения князья вторгшегося народа заказывали родословные, изготовленные брахманами, и становились еще одной кастой в варне кшатриев. То же самое и в Китае. Князья сдавали экзамены и становились китайскими мандаринами.

Буева Л. В процессе глобализации культуры мира постепенно сближаются друг с другом. Втягиваясь в общий планетарный процесс, цивилизации нередко утрачивают те или иные элементы своей идентичности. Скажем, индийская цивилизация пронизана трепетным отношением к жизни. Индусы боятся невольно лишить жизни какого-нибудь жучка. Четверть века назад невозможно было представить, что в этой стране свершатся акты жестокого насилия и виновные получают смертные приговоры. С точки зрения глобализации, статус француза ничем не выше статуса чилийца. Однако с позиции культуры принадлежность именно к этой, а не другой нации имеет настолько существенное значение, что люди готовы умирать или убивать из-за нее.

Парадокс заключается в том, что схождение культур в единое цивилизационное русло происходит не путем радостного слияния, а в результате спора цивилизаций.

Спирова Э. В процесс глобализации втянуты все страны. Но сегодня судьбы мира в значительной мере определяют лишь четыре культуры, имеющие мировой статус: евроатлантическая, китайская, мусульманская и индийская. С одной стороны, это особые культурные космосы, но, с другой, они втянуты в процесс экономической глобализации. Несмотря на культурные и цивилизационные различия, доминирует унификация технологии. Однако глобализация охватывает не только экономику, но все сферы жизни общества. В этом контексте культура остается последним бастионом, который закрепляет и сохраняет различия отдельных цивилизаций. Поэтому особую актуальность приобретает вопрос о соотношении культуры и цивилизации.

Гуревич П. В этом вопросе, как мне кажется, тоже заметны значительные модификации. Латинский корень слова «культура» имеет подвижное содержание — от «культивировать» и «населять» до «боготворить» и «защищать». В первоначальном значении культура соотносилась с «воспитанностью», а затем в XVIII в. начала восприниматься как синоним «цивилизации». Это слово знаменует всеобщее интеллектуальное, духовное и материальное совершенствование. И вот мы опять можем проследить определенную подвижность понятий, без которой трудно обратиться к процессу глобализации. Во французском варианте цивилизация включала в себя политическую, экономическую и техническую реальность. А в немецком варианте она имеет обуженное значение — религиозное, художественное и интеллектуальное.

Буева Л. Это сопоставление мне понятно. Вот какой парадокс — слово «цивилизация» сглаживает национальные различия, а «культура», наоборот, их акцентирует. И дело вовсе не в том, что в этом сопоставлении обнаруживается соперничество Франции и Германии. Уже в XIX веке синонимичность культуры и цивилизации утрачивается. Они оказываются противоположными по содержанию. И в этом, не правда ли, коллеги, зерно нынешних дискуссий. Мы можем употреблять слово «цивилизации» без оценочного подчеркивания. Мы говорим «цивилизация инков», «цивилизация Античности». Это может иметь описательный или нормативный смысл. Когда мы говорим «цивилизация», то имеем в виду тот образ жизни, который мы не только знаем, мы просто существуем в нем. Подразумевается, что такой образ жизни превосходит варварство. Я именно на этом и настаивала в нашем споре.

Спирова Э. В наши дни культура и цивилизация — две разбегающиеся галактики. Слово «цивилизация» получило хождение среди представителей европейского доиндустриального среднего класса. Цивилизованность в общем сводилась к способности вести себя в соответствии с принятыми стандартами, уметь общаться, демонстрировать изящные манеры, не допускать агрессии. Запросы, которые были связаны с культурой, требовали более серьезных вызовов. Векторы культуры и цивилизации далеко не всегда совпадали. Известный британский литературовед и культуролог Терри Иглтон иллюстрирует эту мысль таким примером. С точки зрения производства, появление заводов и фабрик свидетельствует о росте цивилизованности. Однако молодые чистильщики труб часто страдали раком мошонки. Этот факт труд-

но считать культурным достижением, равным роману Вальтера Скотта или Реймскому собору.

Гуревич П. К концу XIX века понятие цивилизации обрело еще и империалистический привкус. Чем более поврежденной и плотоядной становилась цивилизация, тем больше выглядела дистанция между нею и культурой. В европейском сознании усиливалась культурфилософская тенденция. Все труднее становилось без усмешки воспринимать известный факт, согласно которому культура считалась союзницей торговли. Завершилось это, как известно, идеями Данилевского, Шпенглера, Бердяева. Николай Яковлевич Данилевский пришел к выводу, что слово «культура» может употребляться во множественном числе. Конкретная культура — несомненное благо, но, увы, она не может существовать вечно и поэтому ее гибель принимает облик цивилизации. Цивилизация тоже продукт человеческой деятельности, но его уже нельзя отнести к культуре, потому что это завершение культуры, ее окостенение, это утрата ее внутреннего потенциала, утрата неиссякаемого творческого духа в культуре. Культура, исчерпав себя, создает цивилизацию, т.е. находит свое воплощение в машинах, механизмах и других продуктах человеческой деятельности.

Будева Л. Тогда можно отметить еще один парадокс. С конца XIX в. начинается мощное изучение образа жизни разных племен. Возникает социальная и культурная антропология. Казалось бы, при изучении чужой, неевропейской жизни в первую очередь можно обратить внимание на элементы цивилизованности — быт, труд, игры, празднества. Но антропологи используют именно слово «культура» там, где как будто можно говорить о цивилизации. Также и наоборот. Вроде бы абсурдно, но отныне благодаря этой традиции слово «культура» в большей степени раскрывает особенности существования аборигенов, дикарей, нежели цивилизованных людей. Туземцы оказываются культурными, а вот народы, которые вошли в заключительную стадию развития, — нет. Эту ситуацию можно определить так — культура ополчилась против самой себя.

Спирова Э. Именно так. Ведь Данилевский утверждал, что лишь немногие народы смогли создать великие цивилизации и стать культурно-историческими типами. Он отмечал, что начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип сам вырабатывает ее для себя при большем или меньшем влиянии чуждых ему предшествовавших или современных цивилизаций. Такое влияние Н.Я. Данилевский допускал лишь в смысле «почвенного удобрения». Всякое же образовательное воздействие чуждых духовных начал он абсолютно отвергал. Все культурно-исторические типы одинаково самобытны и из себя самих черпают содержание своей исторической жизни. Но не все реализуют свое содержание с одинаковой полнотой и многосторонностью. Некоторые народы так и остаются этнографическим материалом. И вот в условиях универсального перехода к новой, глобальной стадии цивилизации возникает опасность, что выжить могут не все цивилизации. Вероятно, придется пройти через серьезную и беспощадную экспертизу.

Гуревич П. Ирония истории состоит в том, что глобальное развитие осуществляется как экспансия западной цивилизации. Но одновременно Европа

утрачивает доминирование, которое длилось более трех столетий. В то же время западная цивилизация все в большей мере оказывается агонизирующей стадией культуры. Для истории это не новость. Шпенглер назвал всего восемь великих культур: египетскую, вавилонскую, индийскую, китайскую, классическую или аполлоновскую (греко-римскую), арабскую или магическую, мексиканскую и западную или фаустовскую (возникшую около 1000 лет назад). Он указал на возможность появления русской великой культуры. Из этих культур мексиканская погибла насильственной смертью, арабская и русская претерпели на ранней стадии развития частичное подавление и разрушение.

Буева Л. Экспансия европейской культуры происходит в условиях полной разгерметизации. Она действительно становится цивилизацией. Но, пожалуй, здесь тоже есть определенное искажение смысла этого понятия. Николай Александрович Бердяев, к примеру, писал о том, что цивилизация становится машинной, бездушной. Однако ни он, ни Шпенглер не утверждали, что она станет еще и безнравственной, жестокой, беспощадной. Сегодня во всем мире западную цивилизацию связывают с бездуховностью, утратой веры, цинизмом, нигилизмом. Иначе говоря, в клубке этих инвектив растворяется смысл понятия «цивилизованности». Мы уже говорили о том вирусе варварства, который приводит к порче современной цивилизации.

Спирова Э. Однако это вовсе не означает, что в противовес цивилизации слово «культура» обретает высокий статус. Здесь тоже фиксируется процесс неслыханной девальвации. Каждая культура — особая зона творчества. Мы, например, с большим интересом осмысливаем особенности культуры северных народов. Но дробление культуры как ценностного ареала — скорее печальный, чем продуктивный процесс. Мы употребляем такие сочетания, как «сексуальная культура», «пожарная культура», «культура рекламы». В социальной практике европейских народов существовало, скажем, разнообразие пыток. Но никто не связывал с этим множеством суть культуры как феномена. Под напором цивилизации и в борьбе с нею культура становится саморазрушительной. Она перестает быть самоупоенной игрой духа. Она отныне даже финансируется цивилизацией.

Гуревич П. Постмодернизм, утверждая значимость различий вообще, вероятно, тоже усилил процесс дробления культуры. Джеффри Хартман в книге «Судьбоносный вопрос культуры» отмечает, что у нас есть теперь «культура фотоаппарата, культура пистолета, культура обслуживания, футбольная культура... культура зависимости, культура боли, культура амнезии...». При этом культура утрачивает свою консолидирующую функцию. Но может быть, все эти локусы культуры образуют нечто единое, гомогенное? Ничего похожего. Люди, живущие в одном пространстве, могут не иметь между собой ничего общего. Самоотждественность культуры в наши дни проверяется ее локальностью. Рождается множество идентичностей — национальная, сексуальная, этническая, региональная. Цивилизация проникла в недра культуры и отравила ее своими стандартами.

Буева Л. С одной стороны, понятия «культура» «цивилизация» сохранили свой категориальный статус. Это, несомненно. Но с другой, во многом изменился характер их взаимоотношений. Стало быть, содержательно эти поня-

тия все-таки испытали преображение. Мне припоминается такой факт. Однажды Махатму Ганди спросили, что он думает о британской цивилизации. Поскольку Британия держала Индию как колонию, навязывала свой образ жизни в этой стране, можно было рассчитывать на некий изобличительный ответ. Но Ганди ответил так: «Думаю, это была бы неплохая идея». В теории одно, на практике — иное. Многие понятия могут быть оценены как неплохие идеи. Но история вносит в них такие смыслы, которые нередко искажают первоначальный смысл.

Спирова Э. Учтем, что глобализм обладает не только унифицирующей мощью. В современном мире заявляет себя и антиглобализм. Апологеты общепланетарной цивилизации менее всего рассчитывали на неожиданное возрождение религиозных и этнических тенденций в мировом пространстве. На протяжении столетий роль национальных мотивов шла на спад. Создание Вестфальской системы, крушение Османской империи, невезение панславизма и панарабизма создали иллюзии утраты национальных чувств и корней. Однако в наши дни заявили о себе этнические амбиции, зачастую конструирующие новые социальные общности. Шотландия не сумела обрести самостоятельность в ходе референдума. Но напряжение осталось. Причем и в других регионах Земли. Нации и этносы, не располагающие в своей истории древними истоками, настаивают на собственной уникальности и отыскивают свою почву и судьбу. Эти тенденции усложняют картину мира. Возникает угроза неожиданных конфликтов. Не остается в стороне от этой магистрали и Россия. Актуальные мысли о судьбе цивилизаций мы находим, к примеру, в наследии русского философа Константина Николаевича Леонтьева. Впервые в социальной философии он разработал идею цикличности развития государств, народов, культур. Проследившая массу неповторимых исторических событий, он усматривает некий алгоритм в жизни этносов и культур.

Гуревич П. Процесс глобализации вовсе не предполагает равенства культур. Само собой понятно, что речь идет не о федерации отдельных цивилизаций, а об общем планетарном потоке, который нуждается в поводе. Идея доминирования одной цивилизации на Земле обладает скрытой деструктивностью. Можно представить себе венок культур, который охватывает многочисленные образы, понятия, идеи и законы. Ни одна из этих культур не является разрушительной, поскольку они находятся друг с другом в диалоге и гармоническом устремлении. Но в данном случае есть и опасность злокачественной раковой опухоли. Причем опасность грозит не только поглощенным цивилизациям, но и самой владычице. Какая цивилизация могла бы доминировать на Земле? Индийская цивилизация по самому своему духу, ясное дело, не может претендовать на эту роль. Ее мировоззрение пронизано уходом от реальности. Созерцание буддиста уводит его от страстей и многоликих желаний. В безмолвии он слышит глубинный шепот. Это отвлекает его от реальности. Он воспринимает болезнь и страдание как процессы физической и психологической трансформации. Буддисту непонятно, почему европейцы живут в мучительной суе и добиваются жизненных благ и комфорта. Индийский народ миролюбив. Буддизм и индуизм имеют общие корни. Возможно, эта цивилизация так и останется в стороне от всемирной цивилизации. Материальные факторы не играют в этой культуре решающей роли. Может быть, и на

самом деле в Индии, в стране высочайшей культуры, когда-то произошел атомный взрыв. В «Махабхарате» приводится много описаний военных действий с применением «оружия богов». Мы не можем сейчас сказать, была ли это война богов или война людей. Но миролюбие индийского народа — несомненный духовный приоритет. Однако в Индии происходят сегодня радикальные сдвиги. Кастовая структура общества, о которой мы говорили на круглом столе, посвященном социальному расслоению, по сути дела, неистребима и несовместима с европейской идеей демократии.

Буева Л. В связи с нынешними событиями можно, вероятно, напомнить идею К.Н. Леонтьева о «русско-восточном» альянсе православных и мусульманских народов. Эти экспертизы основывались на духовной близости России к мусульманским народам. Он писал о том, что восточный, «туранский» компонент вошел в целостность великорусского национального характера. По его мнению, многие этнические особенности русских гораздо больше напоминают «турок, татар и других азиатцев... чем южных и западных славян». Многие исследователи сегодня пишут о том, что России не следует стремиться к Европе, где ее не только не ждут, но в наши дни встречают враждебностью и санкциями. Лидер нашего государства ищет возможности союза с Востоком.

Спирова Э. Людей нашего века поражает стремительное возвышение Китая и конфуцианства. Китай и Индия не знали прежде бурной социальной динамики. Им не были свойственны резкие повороты, стремительность цивилизационного разбега. Китайская цивилизация исповедовала послушание и приспособление к миру. Индия и Китай сохранили свою архаику и вместе с тем углубили ее духовный пласт, создав такую культуру, которая оказалась способной поглотить варварские нашествия. Но в наши дни китайская цивилизация, несомненно, бросает вызов евроатлантической цивилизации. Китай неудержимо устраняет техническую и экономическую отсталость, становясь второй самой мощной в экономическом отношении державой мира. У этой страны есть и духовное преимущество перед Западом. Конфуцианская система ценностей не утратила здесь своего значения. Распространенный в этой цивилизации дух коллективизма противостоит европейскому индивидуализму. Восточный деспотизм обнаруживает свою полную несовместимость с западным либерализмом. Это означает, что гражданские свободы и права человека, проблема возвышения личности не имеют значения для современного Китая.

Гуревич П. Вектор сближения с Востоком в российской политике понятен. Однако важно подчеркнуть, что не только евроатлантическая цивилизация, но и исламская стремятся к господству над миром. Это очевидно. Собственно, именно появление ислама знаменовало начало борьбы между цивилизациями. Эта мировая религия обладает избыточной энергией — пассионарностью. «Исламское государство Ирака и Леванта» — разновидность фанатичного сознания, нацеленного на борьбу с иноверцами. Исламисты не испытывают страха перед смертью. Боевикам этого государства удалось стереть границу между Сирией и Ираком и создать на захваченных территориях халифат, существующий по законам шариата. Нельзя не учитывать, что в контексте геополитики рациональные экономические аргументы утрачивают свою неоспоримость. Эксперты утверждают, что неожиданные потрясения на

Ближнем Востоке разожгли арабское воображение и изменили реальность. Арабский мир сам по себе не обладает устойчивостью. Но Запад хотел бы переделывать его по европейским лекалам, чтобы было проще управлять им. Жесткие исламские режимы не способны организовать успешную национальную экономику. Это на руку Западу, который стремится получать сверхприбыли из этих регионов.

Буева Л. Нет оснований недооценивать исламскую угрозу. Но в русле нашей темы важно подчеркнуть, что к мировому господству стремятся далеко не все исламисты. Можно, разумеется, увеличить число своих приверженцев, отрубая руки за кражу, сажать в тюрьму за опоздание на молитву, насильственно подвергать обрезанию около четырех миллионов девочек и женщин. Но разве возможно навязать эти традиции многомиллионному человечеству? Взрывать башни и дороги — устрашающая процедура. Строительство мирового порядка — совсем другое занятие. Исламская цивилизация стремится продемонстрировать предельно воинственный характер. Но ее влияние не распространяется на те страны, в которых преобладает светское сознание. Там, где господствуют другие религии, ислам не получает особых преимуществ. Пожалуй, истощение месторождений нефти тоже ослабит мощь мусульманских государств. В то же время сам процесс исламизации и африканизации в современном мире происходит молниеносно. Около 60% африканских нелегалов бегут в Западную Европу, от 25 до 28 % — в Северную Америку, чуть больше 12% — в страны Персидского залива. Какова в этой ситуации судьба «белого человека» в Европе? Прежде с нелегалами боролись светские диктатуры североафриканского побережья. Но «арабская весна» устранила их.

Спирова Э. Нынешняя система цивилизационных миров сложилась не в результате фанатизма и смертельной розни. Да, Индия и Китай считали себя противниками. Враждовали христианство и ислам. Соперничество цивилизаций совместимо с процессом глобализации. А ожесточенная ненависть и война — плохие спутники глобализма. У православной цивилизации нет плодотворной заявки на цивилизационное господство. Она не располагает ни военными, ни экономическими ресурсами для реализации этой цели. К тому же вопрос о выделении особой, православной цивилизации тоже является спорным. Можно ли считать, к примеру, ее образующим фактором самодержавие и тоталитаризм? Известно, что приметой мусульманской цивилизации служит ее теократический характер. Религиозное сознание определяет весь спектр духовной жизни людей этой цивилизации. Христианство, к примеру, оказывает влияние на духовность, а в мусульманстве контролируется и материальная жизнь, человеческая жизнь целиком. Светское государство в этой цивилизации не имеет захватывающих традиций. Не случайно фундаментализм и религиозный фанатизм определяют существование ряда исламских государств. Невозможно также сбросить со счетов процесс модернизации, который невольно расшатывает основы религиозного воспитания.

Гуревич П. Среди претендентов на мировое господство остается, судя по всему, евроатлантическая цивилизация. У нее огромные ресурсы, военная мощь и непреклонное стремление к динамизму. Ее одушевляет дух Фауста — вывести у природы ее тайны, поставить их себе на службу, создать мир ком-

форта и предложить его другим народам. Да еще соблазнить эти народы призраком свободы. Современному предпринимателю все равно, во что облачен работник его фирмы — в сари или шелковую вьетнамскую пижаму. Главное, чтобы он приносил прибыль. Всемирный рынок по существу безразличен к национальным особенностям. Он стремится нивелировать эти различия. Те же функции выполняет и массовая культура. Однако процесс глобализации то и дело натывается на непреодолимые преграды, которые пугают своей странностью и чужеродностью. И речь идет вовсе не о туристических путешествиях, которые выносят на поверхность диалогов самые понятные и преодолимые оттенки культурного своеобразия.

Буева Л. Но это вовсе не означает, что евроатлантическая цивилизация имеет все шансы на универсальность. Она нацелена не преобразование мира, стремится к динамизму, вычерпывая сырьевые и энергетические запасы Земли. Эта цивилизация выбрасывает на рынок огромное множество товаров, стремится расширить диапазон человеческих потребностей. Без этих усилий она мгновенно погибнет. Поэтому в нашей цивилизации возникает стремление подключить к евроатлантической цивилизации другие народы, способные к потреблению и готовые стать опорой данного уклада жизни.

Спирова Э. Уже сегодня понятно, что идеологам глобализма не удалось предвидеть многие реальные тенденции глобального развития. В процессе цивилизационного диалога можно фиксировать также такой феномен, как скрытая заразительность иного культурного уклада. В свое время Римская империя расширяла свои владения в полном убеждении, что она несет идеалы свободы в переднеазиатские и вавилоно-египетские области. Однако в конечном итоге в ее собственный аппарат управления стали проникать восточные тенденции несвободы. Можно задаться также вопросом: каким образом вихри ориентального менталитета испытали вторжение иных, в данном случае европейских нравов, абсолютно чуждых индийской культуре?

Гуревич П. Со времени написания Н.Я. Данилевским книги «Россия и Европа» прошло 146 лет. Однако ее основные идеи и сегодня актуальны. Он размышлял о том, почему Европа не признает нас своими. Почему она видит в России и славянах вообще нечто ей чуждое? Русский философ не считал, что следует рассматривать Запад как полюс прогресса, а Азию как полюс застоя и косности. Он правомерно предлагал различать степени развития от типов развития. Он искал возможности для развития цивилизации как самобытного культурно-исторического типа. Внутри евроатлантической цивилизации возникают серьезные конфликты. Стало быть, есть почва для духовного спора и внутри этого цивилизационного космоса.

Можно ли говорить о конфликте цивилизаций сегодня?

Буева Л. Концепцию «конфликта цивилизаций» выдвинул профессор Самуэль Хантингтон. Он возвестил появление новой фазы, в которую вступает современная мировая политика. Он полагал, что отныне источником конфликтов в мире будет уже не идеология и экономика, а культура. Именно она, по мнению ученого, будет определять важнейшие границы, разделяющие человечество и преобладающие источники конфликтов. По его словам, наибо-

лее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться не между нациями-государствами, а между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям.

Спирова Э. Вообще эта работа появилась едва ли не сразу после взрыва башен-близнецов в Америке. По официальной версии, арабские террористы-смертники захватили четыре пассажирских лайнера и использовали их в качестве орудий убийства. Погибли около трех тысяч человек. Многие исследователи и политики писали тогда, что в новом тысячелетии началось перестроение мира. Если следовать логике событий, то действительно можно говорить о войне цивилизаций. Уже через несколько часов власти США назвали главного виновника происшествия. Он получил титул мирового злодея. Затем случилось вторжение США в Афганистан, Ирак, затем произошли так называемые «арабские революции». Специалист по геометрии сказал бы: «что и требовалось доказать». Но по истечении десятилетий многое оценивается иначе.

Гуревич П. Мне кажется, что предложенная концепция в значительной степени тенденциозна и не отражает современную мировую ситуацию. Разумеется, нет оснований отбрасывать данную концепцию целиком. Хантингтон не утверждал, что нация-государство перестанет быть главным действующим лицом в международных делах. Но, по его словам, как отметила Людмила Пантелеевна, наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям. Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Он писал, что «линии разлома между цивилизациями — это и есть линии будущих фронтов».

Буева Л. Действительно ли грядущий конфликт между цивилизациями — завершающая стадия той эволюции, которую претерпели глобальные конфликты в современном мире? На протяжении полутора веков после Вестфальского мира, который оформил современную международную систему, в западном ареале конфликты разворачивались главным образом между государствами-королями, императорами, абсолютными конституционными монархами, стремящимися расширить свой бюрократический аппарат, увеличить армии, укрепить экономическую мощь, а главное — присоединить новые земли к своим владениям. Этот процесс породил нации-государства. Начиная с Французской революции основные линии конфликта стали пролегать не столько между правителями, сколько между нациями. В исторических констатациях Хантингтон, судя по всему, корректен и точен. Он полагал, что данная модель сохранялась в течение всего XIX в. Конец ей положила Первая мировая война. А затем в результате русской революции и ответной реакции на нее конфликт уступил место конфликту идеологий. Сторонами такого конфликта в соответствии с его концепцией были вначале коммунизм, нацизм и либеральная демократия. Во время «холодной войны» этот конфликт воплотился в борьбу двух сверхдержав, ни одна из которых не была нацией-государством в классическом европейском смысле. Их самоидентификация формулировалась в идеологических категориях.

Гуревич П. Чтобы данная концепция обрела убедительность, Хантингтон указал на значимость проблемы самостождественности цивилизаций. Этой

теме он посвятил потом и другую свою работу, которая называлась «Кто мы?». Идентичность на уровне цивилизации, по его мнению, будет становиться все более важной, и облик мира будет в значительной мере формироваться в ходе взаимодействия семи-восьми крупных цивилизаций. К ним он отнес западную, конфуцианскую, японскую, исламскую, индуистскую, православно-славянскую, латиноамериканскую цивилизации. Относительно африканской цивилизации у американского профессора были сомнения. Можно ли говорить о точной атрибуции современных цивилизаций у Хантингтона? Вряд ли. Среди критериев, по которым он определяет облик цивилизации, — язык, история, обычаи, институты, самоидентификация. В этом случае не вполне понятно, почему выделены латиноамериканская и православная (российская) цивилизации. Их можно было бы отнести к западной цивилизации. Эксперты отмечали, что православная теология и литургия, ленинизм и учение Льва Толстого — все это обнаружения западной культуры. Если российскую цивилизацию нельзя отнести к западной, то еще сложнее объединить ее с Азией.

Будева Л. Я все же полагаю, что с некоторыми положениями Хантингтона спорить непродуктивно. Понятное дело, что различия между цивилизациями не просто реальны — они наиболее существенны. Цивилизации не схожи по своей истории, языку, культуре, традициям и, что самое важное, религии. Люди разных цивилизаций по-разному смотрят на отношения между Богом и человеком, индивидом и группой, гражданином и государством, родителями и детьми, мужем и женой, имеют разные представления о соотносительной значимости прав и обязанностей, свободы и принуждения, равенства и иерархии. Они более фундаментальны, чем различия между политическими идеологиями и политическими режимами. Конечно, различия не обязательно предполагают конфликт, а конфликт не обязательно предполагает насилие. Однако в течение столетий самые затяжные и кровопролитные конфликты порождались именно различиями между цивилизациями.

Спирова Э. Никто не оспаривает мысль о том, что мир становится более тесным. Взаимодействие между народами разных цивилизаций усиливается. Это ведет к росту цивилизационного самосознания, к тому, что глубоко осознаются различия между цивилизациями, и то, что их объединяет. Североафриканская иммиграция во Францию вызвала у французов враждебное отношение и в то же время укрепила доброжелательность к другим иммигрантам — «добропорядочным католикам и европейцам из Польши». Американцы гораздо болезненнее реагируют на японские капиталовложения, чем на более крупные инвестиции из Канады и европейских стран. Взаимодействие между представителями разных цивилизаций укрепляет их цивилизационное самосознание, а это, в свою очередь, обостряет уходящие вглубь истории или, по крайней мере, воспринимаемые таким образом разногласия и враждебность.

Гуревич П. Прав, очевидно, Хантингтон в том, что процессы экономической модернизации и социальных изменений во всем мире размывают традиционную идентификацию людей с местом жительства, одновременно ослабевает и роль нации-государства как источника идентификации. Образовавшиеся в результате лакуны по большей части заполнены религией, нередко в

форме фундаменталистских движений. Подобные движения обладают стойкостью. В то же время экономические и политические различия устраняются проще. Здесь легче достигнуть компромисса. А вот размывание культурных особенностей вызывает множество болезненных последствий. Человечество накопило огромный эмпирический материал о том, как живут люди разных культур. В то же время исследователи ищут не различия и неразличимость культур, а внешнее несходство, которое обозначается в странных обычаях, чертах быта, манере поведения. Изучение других цивилизаций подменяется поиском чего-нибудь. Но такой подход к изучению иных миров затрудняет партнерство цивилизаций. На передний план выходит вечная беспощадная чужеродность нравов, лиц, языков. У экзотики свои приемы. Она порождает особый код восприятия, внешний, поверхностный. Экзотика углубляет интенсивность восприятия, порождает экзальтацию, уводит в сторону от серьезного постижения цивилизационных сущностных особенностей. Мы сталкиваемся с культурами, которые живут в преклонении перед звездами, судьбой. Но нам все труднее проникнуть в ядро культурного космоса.

Буева Л. Мне кажется, что конфликт между цивилизациями сегодня меньше заметен, чем конкретная война национальных государств. Научный прогноз Хантингтона пока не получил подтверждения. В наши дни нет необходимости объявлять войну другому государству и захватывать его территорию. Современное соперничество носит иной характер. В борьбе за источники обогащения сильное государство может подорвать экономику другой державы. Характерно, что за последнее время развивающиеся страны не развиваются, а могучие государства получают сверхприбыли.

Спинова Э. Не зря, очевидно, С. Хантингтон оценивал саму идею универсальной цивилизации как характерный продукт западной цивилизации, призванной «оправдывать западное культурное господство над другими обществами и необходимость для этих обществ копировать западные традиции и институты». Глобалисты считали, что процесс модернизации будет планомерно захватывать все новые и новые плацдармы. Однако экономическая и политическая унификация рано или поздно актуализирует глубинные механизмы цивилизационного творчества. И вопрос о множественности цивилизаций на Земле обострит обсуждение признаков, по которым мы выделяем отдельные цивилизации. Прежнее сопоставление цивилизации и варварства, не проясненное до конца, сегодня ставит иные проблемы. Цивилизации теперь сравниваются друг с другом.

Гуревич П. Но что такое цивилизация? С. Хантингтон определяет ее как культурную общность наивысшего ранга, как самый широкий уровень культурной идентичности людей. На наш взгляд, здесь присутствуют два критерия. Один касается культурного бытия людей. Не вполне ясно, что надо понимать под высшим рангом культурной сплоченности. При первом приближении таким рангом обладает общая культура человечества. При всей разности культурных космосов они являются носителями ряда универсальных черт. Второй критерий касается самотождественности. Действительно, мало находится в пространстве определенной культурной общности. Важно также отождествиться с ней. Ведь процесс глобализации захватывает разные культуры, но их приверженцы нередко следуют общим курсом без предельной

идентификации с ее мейнстримом. Мы не видим здесь разницы между цивилизацией как таковой и цивилизацией конкретной, локальной.

Буюева Л. Но Хантингтон толкует именно о разных цивилизациях. Однако американский исследователь, характеризуя цивилизации, приводит в основном перечень социальных факторов. Это сфера рациональной жизни людей. Хотя в каждой культуре есть пласт бессознательного, который не подвержен рассудочности. Невозможно, к примеру, объяснить рационально акты жертвенности, устранения избыточных продуктов, систему экономических связей, не связанных с выгодой и расчетом.

Спирова Э. А. Тойнби считал, что главным признаком цивилизации нужно считать мировые религии. При этом он вычленил в процессе возникновения цивилизаций разные поколения. Как быть, к примеру, с древними цивилизациями, которые не располагали верованиями, имеющими огромную распространенность и готовностью принять в свое лоно любого набожного человека? Как быть с цивилизациями Древнего Востока или с доколумбовой Америкой? Да, основные цивилизации в человеческой истории в огромной мере отождествлялись с великими религиями мира. Но не обедняем ли мы в наших рассуждениях сакральность древних народов? Между тем культурологические, компаративистские исследования показывают, что современный мир характеризует именно процесс обезбоживания. Представители древних цивилизаций могли бы удивиться, прознав, что современные люди утратили сакральность.

Гуревич П. Пожалуй, ни в одной сфере социальной философии нет стольких непроясненных вопросов, как в теории цивилизации. Мы легко пользуемся такими понятиями, как варварство, культура, цивилизованность, конфликт цивилизаций. Однако в толковании проблем, связанных с этими словами, господствует концептуальный разброс, исключающий согласованность смысла. Все говорят о варварстве. Но что подразумевается под этим феноменом? То, что складывалось до цивилизации и ей противостоит. Современному человеку непонятны древние обычаи, их предназначенность и слитность с общим культурным укладом. В Древней Индии вдова вместе с покойным мужем отправлялась на погребальный костер. «Какая дикость!» — воскликнет сегодня эмансипированная женщина. Но для вдовы это лишь показательный эпизод в длительной цепи реинкарнаций.

Невинную красивую девушку приносят в жертву. Какая гнусность! Однако, изучая обряды жертвоприношений, исследователи обнаруживают главную болезнь нынешней цивилизации. Нам трудно понять смысл парадокса: убивать жертву преступно, но жертва не будет священной, если ее не убить. Но кому нужна эта священность? Древний варвар, попавший в нашу цивилизованную повседневность, был бы потрясен смертью жертв, которые сгорели в Доме профсоюзов в Одессе. Это была страшная гибель без сакрального заклания. Если древние правила жизни соотносятся с дикостью, то чем можно объяснить их неистребимость в современной цивилизации? В то же время в наши дни можно видеть нанотехнологии, связанные с нынешней бесчеловечностью.

Еще парадокс: если цивилизация — это путь к очеловечиванию людского рода, то почему на Земле множество цивилизаций? Что заставляет каждую цивилизацию цивилизовываться по-своему? Каковы критерии этой цивили-

зованности? Можно ли считать цивилизацию всеобщим способом человеческого бытования? Многие исследователи убеждены в том, что исторический процесс завершится, когда все народы вольются в единое цивилизационное русло. Но кому поручена миссия такой консолидации? Сегодня таким дирижером признана евроатлантическая цивилизация. Но кто вручил ей верительные грамоты? Европоцентристы утверждают: здесь, на Западе, возникла наука и философия, развились мощные производительные силы, накоплено очевидное могущество. Наконец, европейский уклад жизни оказался привлекательным для других народов и цивилизаций.

Между тем А.Тойнби считал представление о единстве цивилизаций «ложной концепцией, возникшей в головах историков под сильным влиянием социальной среды». Он отвергал тезис «об унификации на базе западной экономической системы как закономерном итоге единого и непрерывного развития человеческой истории», писал, что это приводит к грубейшим искажениям фактов и к поразительному сужению исторического кругозора. Однако процесс наращивания технической мощи давно уже перестал быть привилегией Запада. Восточные цивилизации в процессе глобализации наращивают экономическое могущество, не утрачивая при этом основ своей духовности. Концепция европоцентризма трещит по всем швам. Все чаще представители других цивилизаций говорят о том, что вестернизация — это инфекция, поразившая восточный дух.

Ориентализм как европейская трактовка Востока получает негативную оценку. Речь идет о том, что европейцы дают искаженное представление о культурах этих цивилизаций. Ориентализму противостоит оксидентализм, который отвергает европейские цивилизационные стереотипы. Так, к примеру, египетский культурфилософ Хасан Ханафи уже несколько десятилетий разрабатывает новую социальную науку, которая призвана описать то, что происходит на Западе, через восточную оптику. Раньше лишь Европа имела привилегию изучать Восток. Но теперь Восток может внимательно и через собственные линзы толковать то, что происходит на Западе. Преклонение перед Западом заместилось аналитическим разбором «достижений» и «неудач» европейской цивилизации. Естественно, возникает вопрос и о претензиях Востока на мировое лидерство.

Само собой понятно, модернистский проект связан с маршрутом, проложенным Западом. Однако глобализму противостоит уверенно заявляющий о себе изоляционистский национализм, связанный с религиозным фундаментализмом. Провозглашается предельная канонизация духовного наследия, объявляется абсолютная сакральность религиозных верований. Призывы к возрожденной спиритуальности направлены против секулярного, обезбоженного Запада. В результате этих идейных движений всякая модернизация предполагает сохранение, а не утрату культурной идентичности.

В этих условиях европоцентризм пытается закрепиться на своем последнем бастионе. Запад считает критерием своего верховенства достижения в области научной и правовой сфере. Он отстаивает дух рациональности, которая не нуждается в религиозном признании. «Наука и право — вот реальный вклад Запада в мировое развитие, которым не может пренебречь ни одна цивилизация. Создав современную науку и технику, а также светские формы

жизни, базирующиеся на формально-правовых началах, он усмотрел в них единственно приемлемый для человечества способ его интеграции. Именно Запад поставил вопрос об общемировой динамике исторического процесса, имеющей своим итогом появление универсальной цивилизации».

Нет оснований оспаривать эти достижения европейской цивилизации. Но действительно ли они универсальны? Современные исследования свидетельствуют о том, что на Востоке вызревали иные представления о рациональности и разумности. Человеческий разум — неоспоримое достояние человечества — подвергается в наши дни суровой феноменологической проверке. Многие исследователи продолжают размышлять об удивительной человеческой способности постигать сущность вещей, улавливать смыслы, создавать рациональную картину мира. До сих пор разум считался достоянием только человека. Но за последние годы все чаще стали говорить о многообразии самой разумности. В частности, историки, изучая конкретные эпохи и культуры, пришли сначала к выводу о разных ментальных навыках, присущих народам. Однако при этом никто не оспаривал непреложность и единство разума как уникального достояния людей. Теперь же толкуют о том, что европейцу вообще трудно понять разумность, скажем, японцев. Это не просто другой менталитет, но даже источник умственных операций иной, не тот, что вызвал к жизни европейскую цивилизацию. Нельзя считать универсальной также европейскую либеральную концепцию правового общества. Государственный деспотизм на Востоке не рассматривается как обнаружение варварства. Он органично совмещается, к примеру, с идеями кастовости, реинкарнации, успешности общественного развития. Присущее Западу пренебрежение к традициям, утрату религиозности и господство светскости, европейский экспансионизм, напротив, на Востоке считают варварством.

Нет сомнения в том, что в наши дни экономическая и политическая унификация идет по лекалам европейской цивилизации. Но как долго будет продолжаться этот процесс?

ПУБЛИКАЦИИ

Геннадий БОЧАРОВ

ИЗ «ТИХОЙ ТЕТРАДИ»

В предисловии к своей последней публикации из «Тихой тетради», которую я предлагаю читателю, мне бы хотелось сказать о том, что испытывает человек, за плечами которого переполненная событиями жизнь и почти восемь ее неповторимых десятилетий.

Я увидел и узнал многое. Виденное вместило тайгу Сибири и саванну Африки; северное сияние над Арктикой и тропические грозы над Индийским океаном; пирамиды Египта и джунгли Лаоса; свет утреннего солнца над колумбийской сельвой и падающие звезды над перуанскими Андами; циклопические радуги над Антильскими островами Атлантики и снега на Кавказских, Памирских, Гималайских вершинах; солнечные дожди над Гавайскими островами в Тихом океане и сияющую чистоту Аляски; поля тюльпанов в Голландии и колючий саксаул вокруг космодрома Байконур...

Видел красоту мира и его уродства. Видел мирную жизнь и видел жизнь, окровавленную региональными войнами. Видел и рассуждал. Из рассуждений выбирал «соль». Заносил в «Тихую тетрадь». Со временем обнаружил: все, о чем бы ни рассуждал и что бы ни увидел, «соль» составлял человек. Именно человек, люди оказывались в центре чуть ли не любого рассуждения, любой записи, любой блокнотной заметки, которые делал на протяжении многих лет.

Тысячи земных и воздушных дорог измерялись километрами, обозначались цифрами. А впечатления от увиденного — только впечатлениями. Чем их измерить? Как носить в себе совершенно разные, остро непохожие одно на другое?

Однажды, в начале долгой дороги, я испытал памятное опасение. Выразил его в блокноте фразой: «Кто много видит, тот мало думает». Но со временем жизнь сама погнала кровь по жилам от пирамид и радуг в другом направлении. В главном. Повторю: к человеку. В связи с этим скажу: судьба одарила меня самым щедрым подарком — встречами и общением с выдающимися людьми страны и мира. С гордостью человечества. Гордостью XX века — века моей многолюдной жизни.

Наконец, судьба оказалась милостивой и в самом прямом смысле слова: я уцелел в, казалось бы, безнадежных обстоятельствах. Уцелел, когда уцелеть означало родиться заново. Это были ситуации, через которые я проходил в каком-то облегченном, хотя и смертельно опасном варианте и через которые

не прошли многие дорогие мне люди. Их не пощадили осколки, змея, пуля или пламя в горящем самолете.

Я пишу эти строки, чтобы подчеркнуть: жизнь не смотрит на себя со стороны, а человек, ею живущий, видит ее со всех сторон. Это особенность нашего существования, его природа. К сожалению, вспоминаем об этом мы слишком поздно. Многие можно было бы исправить вовремя, узрев в увиденном неладное.

Завершая публикации из «Тихой тетради», я бы хотел поблагодарить руководство журнала «Вестник аналитики», в течение года предоставлявшее мне его страницы. А так же читателей, обративших внимание на мои строки, что, пожалуй, всегда самое главное.

...Пустота не значит опустошенность. Пустота — архитектурный элемент физического мира. Опустошенность — ощущение человеческой души. Первое существует, но вызывает сомнения. Второе эфемерно, но сомнений не вызывает. Время сближения столь непохожих сущностей не за горами.

...Из всего чужеродного, что хоть как-то уже проявилось в новом веке, самым чужеродным представляется мудрость. Никогда еще человеческая деятельность на Земле не была столь нелогичной, суетной и опасной, как в наше время.

...Мысль и мелодия — родные сестры, выношенные разными матерями.

...Непоколебимое убеждение истинного инженера: человек не мог быть создан без чертежей.

...Личный и общественный опыт — два разных опыта. Личный служит практике. Общественный — теории. Но в жизни они едины, как вдох и выдох.

...Знать все нельзя. Но знать больше — необходимо. Это условия развития всех и каждого.

...Самый трудоемкий процесс в истории человечества — извлечение уроков из чего бы то ни было.

...Великая мысль не тускнеет и не изнашивается веками. Она подобна железнодорожной магистрали, пролегающей через огромные пространства. Но отличие серьезное: дорога изнашивается и требует ремонта. А великая мысль не стареет. Что неудивительно: дорогой постоянно пользуются миллионы, а к великой мысли обращаются единицы, да и то в редких случаях.

...Феномен Шекспира: банальности он сделал выдающимися, умные мысли — гениальными, а гениальные прозрения — вечными.

...В античном образовании на первом месте стояла риторика. В современном — целеполагание.

...Душа человека в крушении и в горе — метущаяся. У природы даже в минуты ужасающих катастроф — величественная. Не может быть, чтобы дело было только в масштабах.

...Не стоит желать того, что тебе уже недоступно. С достоинством признай: вечерами темнеет в любой точке Земного шара.

...Взгляд неопита: даже рептилии — далеко не начало.

...Теоретически доказано: у бесконечности нет конца. Объяснить, как бесконечность образовалась, не имея начала, не удастся.

...Быт XXI века — смесь осколков стекла и стальных стружек.

...Чем значительнее научное открытие, тем очевиднее непостижимость мироздания.

...Мольба моряков всех времен и народов «спасите наши души!» вышла из берегов.

...Стены видят только то, что стерегут.

...Каждый летчик, поднимающийся в небо, повторяет мизерную часть пути Христа.

...Последняя книга исчезнет только с последним человеком.

...Высшие достижения человеческого ума проявились в создании высших технологий и ужасающих видах казни. Все остальное — рутина.

...Каждодневность заменить нечем.

...Только в мифах могут спорить о том, кто был создателем рода человеческого — мифический Адам или мифический Прометей. Самим создателям это безразлично: мифы не каются.

...Свет в небе и свет в душе — один свет. Разные только источники.

...Микеланджело был человеком, который считал, что совершенство возможно. Иначе века не донесли бы до нас его прекрасные слова: «Муки совершенства».

...Безразличие — единственное состояние, не имеющее причины.

...Коллективная мысль невозможна. Возможно коллективное безмыслие.

...Перед случайностью опыт ничто.

...Труд создал человека. Человек создал механизмы, облегчающие труд. Окончательно освободившись от труда, человек неизбежно вернется в исходную точку собственной истории. Ведь назначение эволюционного колеса банально — вращение.

...Два раза в год Эйфелева башня меняет свою высоту. Летом она на 15 сантиметров выше. Зимой на те же 15 см — ниже. Ничто в нашем мире не постоянно. Поведение металла — лучшее оправдание человека.

...Сильная боль возвращает человеку сознание. Невыносимая — сознание усмиряет. И то и другое — помощник в борьбе за жизнь.

...Эталон разумности — молчание камня.

...Римский император Нерон казнил своего воспитателя, римского философа Сенеку. Затем свою жену Октавию, дочь императора Клавдия. Следом уничтожил его мать. А в высшей точке своего собственного человеконенавистничества — себя. Столько может ничтожный человек, если решит, что он великий.

...Зеркало не комментирует то, что оно отражает.

...Баснописец Эзоп был рабом. Был калекой. Был сброшен с дикой скалы толпой тупых жителей Дельфы. Но чтобы остаться в истории, трагической судьбы недостаточно. После себя он оставил «эзопов язык». С тех давних времен все рассказы о последующих веках человечество ведет на эзоповом языке, включая мифы и о нашем самом, пожалуй, «эзоповом веке».

...Решить одну из задач античной математики — «квадратуру круга», поставленную Гиппократом из Хиоса, не смог ни один век. Нерешенная задача ждет гения, равного тому, который ее поставил. Значит, в природе их всегда должно быть два.

...«Нить Ариадны» — клубок простых ниток, с помощью которых царь Минос был выведен из первого в мире лабиринта. Простую нить история наделила воображаемым бриллиантовым мерцанием, похоронив и память о первом лабиринте и о царе Миносе. Потому что простоту, а не сложность, почитает даже история.

...Главная мысль эпохи Возрождения: человек — центр Вселенной. Главная мысль новейших веков: Вселенная внутри человека. Похоже, верно и то, и другое. Но верно и третье: Вселенной не до человека.

...Цветы пшеницы обещают плод. Расцветающая роза — красоту. Цветы пшеницы видны не многим. Розу видят все. Знак равенства между плодом и красотой — суть бытия. Всеобщее невежество мешает равенству стать знаком святости.

...Поиск истины бесперспективен, но абсолютно необходим. Ведь по-настоящему прекрасен только зов недостижимого.

...Лучшее должно существовать в единственном экземпляре.

...Даже самые грандиозные достижения человека не равны тому, чего достигла природа, создавая самого человека.

...Эклектика современных городов ничуть не лучше всезнайства нравственного дикаря, управляющего современными технологиями.

...Все, что связано с горизонтом, верно и по отношению к мечте. Но лишь в первой части. Во второй правило нарушается: мечты нередко сбываются.

...Те, кто знал почти всё, умерли с теми, кто не знал почти ничего. Но те, кто не знал ничего, всю свою жизнь опирались на тех, кто знал почти всё. Такова неписаная конституция бытия.

...Настоящее вытесняется будущим с легкостью, с какой вера вытесняет разум.

...666 — число зверя. 333 — число дьявола. Не означает ли это, что вторая половина числа зверя — число человека?

...Миссия слов — не только общение. Есть слова или их сочетания, которые с исчерпывающей полнотой и мгновенно определяют значимость человека. «Буря и натиск» Гёте, как и «Шум и ярость» Фолкнера — суть великих личностей.

...Осознанная цель отдельных людей — познавать. Неосознанная цель народов — избегать размышлений. Как только это стало очевидным, в мире появились понятия глупца и гения. Заботу о пропорциях взяла на себя жизнь.

...Ветхий Завет — это военная статистика. Новый Завет — некролог.

...В мире гипотез и вечных иллюзий хронология событий и явлений не была и не будет достоверной, ибо достоверность — удел почвы, а не того, что происходит на ее тверди. Спустя 200 лет после распятия Христа день его рождения обозначался двумястами различных дат. Верх достоверности!

...Борьба научных гипотез не была подковёрной до тех пор, пока науку не захватил смрад политического всевластия.

...Избавившись от излишней доверчивости, человек усыхает от излишней подозрительности.

...Время для тех, кто постоянно ищет ответ на вопрос «в чем смысл жизни?» проходит быстрее обычного. Поэтому и не успевают найти.

...Реализация гениальных открытий и прозрений никогда не бывает ровесницей самих открытий. Это — свойство прогресса.

...Знать и уметь — вещи принципиально разные. В России начала ХХI века число знающих тысячекратно превысило число умеющих.

...Никто не становится столь ничтожным, как тот, кто, обладая огромной властью, внезапно ее лишается.

...Если человеку пришло в голову наделить святостью обычного дятла, то почему мы удивляемся обожествлению диктаторов, истребляющих целые народы, включая тех, кто обожествлял их с наибольшим рвением? Святость дятла — в непорочности его клюва? Тогда порочность диктатора-убийцы — в бесполости его души. Бесполость — сестра жестокости. Это и притягивает.

...Родив Нерона, женщина стала матерью. Убив свою мать, Нерон стал императором-убийцей. Человек, убивший Нерона-императора, ненавистного собственному народу, стал убийцей зверя. Зверь, обитающий в лесу, загрыз убийцу человека-зверя. Какими бы жестокими и многочисленными ни были подобные кровавые цепочки, жизнь не прерывалась ни на мгновение. Ибо, слава Всевышнему, мы так и не знаем, кто ее зачал.

P.S.

...Одно плохо: чтобы узнать, наконец, всё и увидеть Бога, нужно умереть.

Эта шуточная мысль пришла мне в голову, когда я стоял на самом краю гранитного каньона над бесконечной, великой Атлантикой, размышляя о собственной жизни, ее последнем каньоне и его естественном для меня крае. Воистину, думал я, удивления достойно многое, но высшего — только жизнь. А в жизни — великая истина: человечество — это, в сущности, бесконечный человек.

*Нью-Йорк,
сентябрь, 2014*

Владимир ГОЦУЛЕНКО

ТОТ САМЫЙ ФАЛЬЦ-ФЕЙН

Мои предки не любовались луной, а стремились успеть как можно больше оставить после себя в этой жизни. Именно так им удалось, начав с нуля, создать в голой таверийской степи уникальный заповедник, построить целый портовый город... Именно так я и добился успеха.

Барон Эдуард фон Фальц-Фейн

Вы, конечно, помните захаровский фильм «Тот самый Мюнхгаузен». В нем Олег Янковский блестяще исполнил роль немецкого барона — неисправимого выдумщика и фантазера. Только барон Мюнхгаузен жил своими экстравагантными причудами, а наш герой Эдуард Александрович Фальц-Фейн, патриот и меценат, свои грандиозные замыслы успешно претворяет в жизнь. Сколько добрых дел он успел совершить — просто диву даешься, как это ему удалось. Их столько, что имя его не грех бы внести в учебники истории России и Украины, в которых отмечены деяния — увы, нередко бездарные — наших высокопоставленных вершителей судеб. Да, барон не пытается объять необъятное и осчастливить весь мир. Все, что он делал и делает, подчинено единственной цели — сохранить историческое достояние своей родины и сделать лучше жизнь людей, живущих на земле его предков. На нашей с вами земле.

Мистер Квик

В Лихтенштейне барона знает каждая собака. Причем в буквальном смысле. Впрочем, знают главным образом как «короля сувениров» — именно это и есть основной бизнес Эдуарда Александровича, дающий ему возможность заниматься главным делом своей жизни — коллекционированием и возвращением бывшему государству Российскому его исторических редкостей. Любой прохожий покажет вам, где живет большой чудак и оригинал «мистер Квик» — так здесь прозвали барона по названию его сувенирного магазина, причем многие местные всерьез уверены, что это и есть его настоящая фамилия. Его вилла «Аскания-Нова», названная так в честь родового поместья

Фальц-Фейнов, — это настоящий музей. На стенах плотными рядами висят старинные полотна; столики, полочки и даже отчасти ступени лестниц заставлены бюстами, иконами, миниатюрами, старыми фотографиями в рамках... У каждого «экспоната» — своя история, и за каждым тянется ниточка на тридцать, сорок, сто, а то и триста лет назад... Собственная же судьба Эдуарда Александровича сама по себе вполне может служить пособием для изучения истории XX века. При этом он еще и просто фантастический гид по былым временам и «преданьям старины глубокой». Само по себе его увлечение историей неудивительно, ведь барон по материнской линии принадлежит к древнему дворянскому роду Епанчиных, происходящему от того же корня, что и фамилии Яковлевых, Шереметевых и Романовых — последней императорской династии. Удивительно другое: как удалось ему, увезенному из России еще младенцем и много лет видевшему со стороны новых хозяев этой земли лишь презрение и ненависть, сохранить по отношению к ней столь сильный и глубокий патриотизм? Чтобы разобраться в этом, стоит вернуться в прошлое и посмотреть, кем же были на самом деле Фальц-Фейны и какое не измеряемое деньгами наследство досталось от них Эдуарду Александровичу — последнему русскому аристократу в своем роду.

Фальц-Фейны

История рода Фальц-Фейнов начинается с года 1763-го, когда только что взошедшая на престол императрица Екатерина II, дабы заселить южные земли и тем самым укрепить границы растущего государства, издала высочайший указ о предоставлении земель и налоговых льгот всем желающим, готовым поселиться на новом месте. Тысячи колонистов из Франции, Голландии, Германии потянулись сюда в поисках лучшей жизни. Среди них был и юный Йоханн Фейн, который пришел в Россию попытать счастья с парой сапог за плечами. Он получил надел под Мелитополем и к концу жизни собственным трудом создал там образцовое земледельческое хозяйство. Его сын Фридрих не только приумножил оставленное наследство, но и развил дело отца. Дочь Фридриха Элизабет вышла замуж за Йоханна Пфальца, такого же немецкого колониста, каким был и ее дед. Так родилась двойная фамилия — Фальц-Фейн.

К началу XX века Фальц-Фейны, занимавшиеся разведением овец, располагали уже огромным состоянием. Главой семьи тогда стала бабушка будущего барона — Софья Богдановна Фальц-Фейн. Прекрасно разбираясь в законах рынка, она вовремя поняла, что хозяйство пора переводить на промышленные рельсы. Началось строительство фабрик и электростанций, почты и телеграфа, железных и шоссейных дорог. Она даже основала новый город-порт Хорлы — единственный в округе, где вода зимой не замерзала. Благодаря этому Хорлы быстро превратились в процветающий город, который рос буквально с каждым годом. Софью Фальц-Фейн называли местной Екатериной Великой, и еще при жизни о ней ходили анекдоты и легенды. Миллионные прибыли шли главным образом на строительство и обустройство нового города, огромные суммы тратились на благотворительность. Сама же Софья Богдановна до последних своих дней, даже когда ей было за восемьдесят, с утра до вечера работала в конторе своего порта.

К тому времени Фальц-Фейны владели несколькими именениями, но главным среди них была Аскания-Нова. Старший сын Софьи Богдановны Фридрих был выдающимся ученым-зоологом. Он создал в Аскании уникальный зоопарк, впоследствии превратив все имение в заповедник. За научные заслуги перед Отечеством Николай II возвел Фридриха Фальц-Фейна и его семью в ранг потомственного дворянства. Это случилось в 1914 году, за два месяца до начала Первой мировой войны. До революции оставалось менее трех лет...

Юный эмигрант

В октябре 1917 года маленькому Эди было чуть больше пяти. Революция застала семейство Александра Фальц-Фейна в Петербурге, где они задержались на лишний месяц из-за болезни мамы Эди, Веры Николаевны. Если бы не эта счастливая случайность, всех их, скорее всего, ждала гибель в родном имении от рук революционеров. Как и многим в те годы, им пришлось бежать за границу в буквальном смысле в одних рубашках. Тогда никто из беглецов и мысли не допускал, что это — навсегда...

Чета Фальц-Фейнов с двумя детьми — Эди и шестилетней Таей — сначала оказалась в Финляндии, где удалось снять часть домика у финна-моряка, потом они получили немецкую визу и переехали в маленький русский пансион в Берлине. Полгода спустя в Германии тоже разразилась революция, начался голод. Приходилось менять вещи на хлеб. Вскоре было получено страшное известие из России: большевики расстреляли бабушку Софью Богдановну, которой было 84 года. Сердце Александра Эдуардовича не вынесло этой новости, и он скоротечным образом скончался. А вскоре от сердечного приступа умер и его старший брат Фридрих.

В Германии молодая вдова с детьми прожила более четырех лет. И только в декабре 1923-го, после гитлеровского путча в Мюнхене, стало окончательно ясно, что нужно бежать и отсюда. Они направились во Францию, в Ниццу, где находилась шикарная вилла Les Palmires — единственное заграничное владение семейства. Все остальное имущество осталось в России, равно как и деньги, которые Фальц-Фейны традиционно хранили в отечественных банках. Увы, на виллу очень долго не могли найти покупателя, а когда Вера Николаевна решилась выставить ее на аукцион, вдову попросту... «кинули», продав все за бесценок. Пришлось маме будущего барона освоить профессию швеи и устроиться на работу в модный салон.

Парижский репортер

И все же, как ни сложно это было, Эдуард в традициях семьи получил блестящее образование. Огромную роль в его жизни сыграл дед, чудом уцелевший генерал Епанчин, директор Его Императорского Величества Пажеского корпуса, успевший за свою жизнь побывать на службе у трех последних российских императоров. Это был лучший воспитатель, о каком только мог мечтать юный дворянин. К тому же молодой Фальц-Фейн всерьез увлекся велоспортом, стал чемпионом Ниццы, а затем и Парижа. Именно после этого его заметил редактор самой популярной спортивной газеты в Европе — L'Auto и

предложил попробовать себя в качестве корреспондента. Поскольку новичок в совершенстве владел немецким, было решено направить его в Берлин, чтобы освещать подготовку к грядущим Олимпийским играм. Это предложение и стало для двадцатидвухлетнего Эдуарда пропуском в большой международный спорт и в большую жизнь. Уже через год Фальц-Фейн стал «золотым пером» — лучшим репортером газеты.

Свой Олимпийский комитет

Итак, в 1934 году в Берлин приехал парижский репортер с немецкой фамилией, говорящий по-французски без акцента и одетый, как лондонский денди. Кто бы мог догадаться, что на самом деле это российский эмигрант?! Единственное, что сковывало в правах, — эмигрантский паспорт. Необходимо было стать полноправным гражданином какой-нибудь европейской страны. Используя свои старые связи, Вера Николаевна обратилась с просьбой о предоставлении гражданства к князю Лихтенштейнскому. Вскоре эта проблема была решена. А поскольку по европейским монархическим правилам дворянин непременно должен иметь титул, князь пожаловал своему новому подданному титул барона.

На брифингах и коктейлях для журналистов Эдуард познакомился со многими знаменитыми спортсменами и важными людьми, интересующимися спортом. До Олимпиады оставалось совсем мало времени. И тут Фальц-Фейну пришла в голову блестящая идея: как патриот своей новой родины он задался целью выдвинуть на Олимпийские игры спортивную команду Лихтенштейна. Правда, вскоре выяснилось, что в княжестве... нет ни одного спортсмена. Но это не остановило молодого барона: он уговорил участвовать в соревнованиях двух лыжников — лесника и пятидесятилетнего любителя, который просто по воскресеньям скатывался с горы для собственного удовольствия. В итоге в лыжной гонке, где участвовало 70 спортсменов, лихтенштейнцы заняли «почетные» 59-е и 69-е места. Результат, что и говорить, не очень впечатляющий. Но зато об участии Лихтенштейна в Олимпиаде упомянули многие газеты мира, а барон Фальц-Фейн получил возможность создать в княжестве собственный Олимпийский комитет. В результате уже на следующей Олимпиаде два лихтенштейнских спортсмена-лыжника выиграли сразу четыре медали: две золотые и две серебряные.

Король сувениров

Когда началась Вторая мировая война, спортивная жизнь замерла и репортер Фальц-Фейн оказался не у дел. Тогда он сел на спортивный велосипед и покатил на свою новую родину, в Лихтенштейн. Этот путь в тысячу километров он проделал за шесть дней. Во время войны жил в Ницце у мамы, в Париже у друзей, а под конец вернулся в свое княжество и обосновался там капитально.

В то время самым страшным бедствием там была безработица. Предприимчивый Фальц-Фейн долго думал, чем бы заняться, чтобы заработать на кусок хлеба. Он искал нестандартное решение и, в конце концов, нашел его: тури-

стический бизнес. В малюсенькой сельскохозяйственной стране, о которой не каждый и слышал, эта идея казалась нонсенсом. Однако барон понимал, что война кончилась, скоро жизнь наладится и люди захотят свободно путешествовать, смотреть мир. Оставалось только придумать, чем заинтересовать туристов. И барон нашел оригинальный ход: он стал всячески рекламировать княжество различным туристическим компаниям, предлагая включить осмотр его столицы, Вадуца, в их маршруты. Тем самым клиент за те же самые деньги получал в свое турне еще одну страну на пути из Австрии в Швейцарию. Кроме того, гиды, привозившие своих туристов к магазину сувениров Фальц-Фейна, получали десять процентов от выручки. Предложение оказалось выгодным, и вскоре от желающих посетить уютную Рейнскую долину не стало отбоя. Вот так барон и проложил в Лихтенштейн дорогу международному туризму, определив тем самым стратегию развития княжества на многие годы вперед! Сегодня город, в котором всего пять тысяч жителей, стал туристическим центром мирового класса и находится на первом месте в мире по уровню жизни!

Казанова XX века

Вчерашний журналист и спортсмен превратился в преуспевающего бизнесмена. Впрочем, спорт он не оставил — только сменил велосипед на гоночный автомобиль, причем не раз выигрывал горные гонки в категории «Мерседес». Молодой, импозантный, обаятельный и прекрасно воспитанный, он пользовался большим успехом у женщин, несмотря на стойкую репутацию закоренелого холостяка. Как истинный джентльмен Эдуард Александрович не любит называть имен своих подруг. Впрочем, доподлинно известно о его жгучих романах с популярнейшей в 1940-е годы шведской певицей и актрисой Зарой Леандер, бывшей шахиней Ирана княгиней Сарой, по которой в конце 1950-х годов сходили с ума все мужчины высшего света, и голливудской суперзвездой Джоан Кроуфорд. Лишь в тридцать восемь лет он по большой любви женился — таки на английской графине Вирджинии Кюртис-Беннетт. Через год появилась дочка, Людмила. Однако бизнес барона, стремительно набиравший обороты, требовал все больше и больше внимания и времени, и все меньше их оставалось на семью. Английской аристократке, привыкшей к блеску лондонской придворной жизни, было скучно в малюсенькой аграрной стране, где все главные новости крутились вокруг... коров, к которым местные жители относятся с трепетной любовью. Поэтому неудивительно, что через какое-то время она, познакомившись с известным американским писателем Полом Голлико, решила переиграть брачную партию. Барон не возражал, но настоял на том, что дочь останется с ним. Прекрасные отношения с первой женой он сохраняет и по сей день.

Вторая жена Фальц-Фейна, Кристина Шварц, была манекенщицей и актрисой. Увы, она оказалась наркоманкой, о чем барон даже не догадывался, пока однажды не получил известие из больницы, что его жена умерла от передозировки. Барон овдовел в 1980 году и решил больше никогда не доходить в отношениях с женщинами до брачного венца...

И дым Отечества...

Впрочем, это описание только внешней стороны жизни барона, так сказать, надводная часть айсберга. А ведь есть еще и подводная — это безумное увлечение Фальц-Фейна всем, что так или иначе связано с его родиной, с его корнями. Мама, которую он всегда беспрекословно слушался, мечтала хоть ненадолго, но попасть в родные места — в Петербург, в родовые поместья в Херсонской области... Увы, это ей так и не удалось. Но ее сын Эди всегда считал делом собственной чести осуществить эту ее мечту и много лет стремился не мытьем, так катаньем снова ступить ногой на землю своих предков.

Впервые его мечта осуществилась лишь в 1980 году, но для этого барону пришлось ни много ни мало... убедить МОК провести летние Олимпийские игры не в Лос-Анджелесе, а в Москве! И даже после этого ему вряд ли бы удалось прорваться дальше столицы Олимпиады, если бы на помощь не пришел его давний знакомый, известный ученый Евгений Патон. Впрочем, тогда Эдуарда Александровича пустили в бывшее поместье Фальц-Фейнов лишь формально — ему было отведено всего полчаса, которые без остатка занял какой-то митинг в честь спортивной славы СССР. И только после 1992 года Эдуард Александрович получил возможность беспрепятственно приезжать на землю, куда его душа рвалась всю сознательную жизнь.

С тех пор барон, строго говоря, и не отлучается от Украины и России — двух стран, ставших для него воплощением Родины. Благодаря его усилиям сюда вернулось несколько сотен (!) уникальных произведений искусства и исторических документов, считавшихся безвозвратно утраченными. Среди них — портрет князя Потемкина, возвращенный Эдуардом Александровичем алупкинскому Воронцовскому дворцу, ценная часть всемирно известной библиотеки Дягилева-Лифаря, купленная бароном на аукционе в 1975 году, а также уникальный архив следователя Соколова, долгие годы хранивший тайну расстрела царской семьи. Он же вместе с Юлианом Семеновым и Георгом Штайном принял самое деятельное участие в поисках Янтарной комнаты. Когда же было определенно установлено, что комната погибла под бомбежкой, и было принято решение воссоздать ее, барон прислал специально купленные в Швейцарии особенные станки и сверла для обработки янтаря. Он также очень много хлопотал о возвращении из Германии в Россию единственного уцелевшего мозаичного панно Янтарной комнаты, и хлопоты эти увенчались успехом.

Впрочем, барон не только делает подарки нашим музеям — он еще и всячески пропагандирует нашу отечественную историю за границей, в тех исторических местах, где она подчас вершилась. Так, по его замыслу и во многом его стараниями в крошечном австрийском городке Цербсте — родине Софии Августы Фредерики Ангальт-Цербстской, которую мы знаем как матушку императрицу Екатерину Великую, — был открыт музей в память Ее Величества. Лучшие экспонаты этого музея, такие, как прекрасный портрет кисти Ротари, изображающий Екатерину II в полный рост в коронационных одеждах, и бронзовый бюст императрицы работы Гудона — личные дары Фальц-Фейна.

Он же принял самое деятельное участие в увековечении памяти Александра Суворова в Швейцарии и Лихтенштейне. После сложной и кропотливой работы с историческими документами барон доказал, что Суворов был в Лих-

тенштейне в октябре 1799 года, по возвращении из знаменитого похода через Альпы. Теперь на месте ночевки великого полководца стоит памятник, возведенный на деньги барона. Более того: он выкупил землю, на которой стоит памятник, чтобы никто и никогда не позарился на нее. Перед юбилеем великого полководца немолодой уже барон в одиночку взобрался на знаменитый перевал Кинциг с тем, чтобы... собственноручно позолотить выбитую в скале полустертую надпись на немецком языке, сообщающую, что здесь проходил со своей армией Суворов. Все это звучит невероятно, но уж таков он, наш народный барон, — ему всегда страшно нравилось делать невозможное.

Секрет долголетия

Несмотря на свой весьма почтенный возраст, а в прошлом году ему исполнилось 100 лет, Эдуард Александрович необыкновенно деятелен.

— Секрета моего долголетия нет, — усмехается Эдуард Александрович, — просто живите, как я, если, конечно, вам это подходит. Я ем, как птичка, и много работаю. Мама запретила мне пить алкоголь и курить. А я с детства — послушный мальчик... На завтрак я обычно выпиваю чашку горячего шоколада и заедаю кусочком хлеба с медом или вареньем. Днем никогда не ем — могу позволить себе разве что стакан кефира или фруктик. А на ужин готовлю какое-нибудь вкусное горячее блюдо: пожарские котлеты, телячью печенку с кровью, томатный суп или спаржу с ветчиной. А больше всего люблю борщ, но не традиционный, а по собственному рецепту. Он очень прост: прежде всего, я никогда не снимаю кожицу с картошки и морковки. Вместо мяса — грибы. Капуста не белая, а красная. Овощи — самые разнообразные, и чем больше, тем лучше. Все это режется как можно мельче. В Украине почему-то принято варить борщ часами, как при царе Горохе; естественно, все витамины гибнут. Я же, как только вода закипает, варю 15 минут на самом маленьком огне. Потом, когда уже снимаю кастрюлю с плиты, выжимаю в нее целый лимон и добавляю стакан сока сырой свеклы. Все! Я — обеспеченный человек, и моя семья ни в чем не нуждается — мне просто нравится зарабатывать деньги и тратить их на мои затеи в Украине и России. Вот ради этого и стоит жить!

Р.С. За меценатство Леонид Кучма наградил Эдуарда Александровича орденом «Отличие Президента», а Борис Ельцин — орденом Дружбы народов. С этим орденом связана забавная история: барон был весьма польщен столь высокой наградой, но... в центре ордена красовался герб СССР — символ режима, принесшего столько горя семье Фальц-Фейнов, что носить его на груди потомок этого рода просто не мог. Однако барон не был бы самим собой, если бы не нашел оригинальный выход: будучи в очередной раз в Санкт-Петербурге, он отдал орден «на доводку» одному известному ювелиру, и уже на следующее утро на ордене вместо советской символики красовался двуглавый орел, ставший вскорости официальным символом новой России.

Потомок Рюриковичей князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский о своем друге бароне написал: «Он принадлежит к категории тех, о ком принято говорить: да, он больше, чем сама жизнь!» Очень точное определение. Тут ни убавить, ни прибавить.

Александра ВИЛЬВОВСКАЯ

ТРАВМА — ВОЙНА — ТРАВМА — ВОЙНА... КАК ПРЕРВАТЬ ЭТОТ ПОРОЧНЫЙ КРУГ?

Все знают, что насилие может порождать травму. Но точно так же травма порождает насилие. Это пока не столь популярное и распространенное знание. Причинами насилия — войн, бытовой жестокости, насильственных социальных и правовых практик — принято считать какие-то более очевидные феномены. Дурной характер, исторически обусловленные экономические или территориальные конфликты, традиции, недостаток воспитания — все это как-то понятнее и привычнее. Тем не менее исследования и практика работы с психологической травмой позволяют утверждать, что понять разного рода насилие (от военных конфликтов до бытовой драки) становится легче, если включить в их рассмотрение феномен травмы.

Понятие травмы как психологического явления появилось в медицинском языке относительно недавно — в конце XIX века. Оно изначально описывало ряд необъяснимых физиологических симптомов, которые возникали у людей, пострадавших в железнодорожных авариях. В современной медицинской практике повышенный интерес к психологической травме возник в начале 1970-х годов в связи с протестным движением американских ветеранов. С тех пор, благодаря многолетним исследованиям и программам лечения, «травма» прочно прописалась в DSM (Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, «Руководство по диагностике и статистике психических расстройств»), являющемся сегодня во всем мире одним из главных медицинских документов, описывающих психическое нездоровье.

В медицинском мире «травма» понимается прежде всего как посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР). В DSM-V (пятая версия «Руководства»), который вступил в силу в мае 2013 года, в диагностических критериях ПТСР причины его возникновения определяются следующим образом: «Столкновение со смертью или с угрожающей жизни ситуацией, подверженность серьезной травме или сексуальному насилию в одном или нескольких из перечисленных вариантов:

1. Непосредственное (личное) переживание травматического события (травматических событий).
2. Непосредственное (личное) зрительное восприятие травматического события (события), которое переживают другие.

3. Получение информации о том, что травмирующее событие (события) произошло с членами семьи или близкими друзьями; при этом такое событие (события) должно быть либо насильственным, либо характеризоваться как несчастный случай.

4. Переживание повторяющегося и/или экстремального вредного раздражающего с отрицательной окраской травматического события (событий), такое как участие в спасательной команде, собирающей человеческие останки, служба в полиции, связанная с неоднократными ситуациями жестокого обращения с детьми. Этот критерий не применим к электронным источникам информации, телевидению, фильмам и фотографиям, если только фотографии не связаны с работой индивидуума.

Таким образом, с медицинской точки зрения «травматическое событие», порождающее соответствующую реакцию, — это скорее что-то из ряда вон выходящее, экстремальное. А симптомы ПТСР (навязчивые и тягостные воспоминания о травматическом событии, диссоциативные реакции, избегание стимулов, ассоциирующихся с травматическим событием, изменения когнитивных процессов, изменения в возбуждении и реактивности и др.) — заметны и самому человеку, и окружающим, существенно ухудшают его здоровье и социальное функционирование. Эта медицинская логика понятна и закономерна: медицинская помощь адресована тем, кто пережил нечто ужасное и с тех пор не очень справляется с обычной жизнью. И почти всегда речь идет, прежде всего, о жертвах насилия (в том числе изнасилования) и участниках боевых действий (в российских реалиях — «афганский синдром», «чеченский синдром»).

Однако такой медицинский взгляд — не единственная существующая сегодня парадигма понимания феномена травмы и работы с ней. За последние три десятилетия представление о том, что есть «травма», «травматическое событие», «травматическая реакция», существенно расширилось. И, с одной стороны, вполне справедлива критика, звучащая в адрес слишком активного использования слова «травма» в отношении самых разных психологических, социальных и культурных феноменов. Действительно, самое понятие размывается и становится все менее определенным, а благодаря активному использованию этого слова в СМИ — порой и вовсе теряет смысл. С другой стороны, и исследователями, и практиками, работающими с темой психологической травмы, накоплен значительный массив информации, который позволяет иначе смотреть на этот феномен и видеть важные социальные последствия травмированности.

Современное понимание травматического процесса меняет оптику рассмотрения. Сейчас уже очевидно: «травма» — это, говоря по-простому, «застрявшая» в теле стрессовая реакция. Это некоторый закономерный и естественный в обстоятельствах опасности или угрозы жизни телесный отклик (выражающийся на уровне мышечных напряжений, эмоциональных реакций, реакции нервной и эндокринной системы, физике и химии работы мозга), его обычно называют «стрессовой реакцией», который не нашел разрешения, выхода, реализации. Иначе говоря, «травма застревает в теле». И уже потом, обусловленная нашим телесным состоянием, она влияет на реакции, восприятие, образ мысли и действия.

Среди авторов, которые активно разрабатывают этот взгляд на травму (как теоретически, так и практически), — Питер Левин (Peter Levin), Пат Огден (Pat Ogden), Бессел ван дер Колк (Bessel van der Kolk), Стивен Порджес

(Stephen W. Porges) и др. Благодаря им мы можем рассматривать травму в более широком контексте.

Сегодня выделяют несколько основных типов телесных реакций, естественных и здоровых по своей природе, которые могут «застрывать» в теле, формируя тем самым некоторый телесный автоматизм или паттерн, который, в свою очередь, можно характеризовать как «травматическую реакцию». Особенность «травматической реакции» в данном случае в том, что она становится неосознаваемым и неуправляемым автоматизмом, привычкой. На более масштабном уровне такая реакция, проявляемая из поколения в поколение, даже может стать частью национального характера или государственной политики. Примеры этого будут приведены ниже.

Первый тип реакции связан с гипервозбуждением. Это повышенный (по силе или по скорости) отклик нервной системы на внешнее событие. Физиологически он связан с древними физиологическими механизмами борьбы или бегства (опасность можно либо победить, либо от нее убежать, реакции *fight* и *flight*). Весь организм (мышцы, кровеносная система, дыхание, гормональная система) мгновенно перестраивает работу, чтобы совершить активные действия и таким образом выжить в условиях опасности. Есть люди, которые всегда как будто на войне (и необязательно, что они действительно принимали участие в военных действиях), или которые постоянно воюют со всем миром, или всегда готовы вступить в конфликт («нарываются»). Их организм, нервная и другие системы тела уже постоянно готовы к такой реакции, уже постоянно находятся в повышенном возбуждении и готовы к действию. Это может относиться как к отдельным людям, так и к группам (собственно «ветеранские синдромы» описывают в первую очередь такие реакции), или даже макрогруппам — народам, населению стран. В этом плане любопытны наблюдения специалистов за «национальным характером», например, израильтян, чья гиперреакция проявляется в высокой скорости отклика.

Второй тип реакции также связан с повышенной активностью организма, но выражается не в активных действиях, а наоборот, в «застывании», «замораживании». Это еще одна древняя физиологическая реакция организма, которую можно описать как «прикинуться мертвым, авось пронесет» (реакция *freeze*). Этот тип реакции всегда сказывается на отношениях, в том числе отношениях в семье — отстраненность, холодность, отсутствие тепла и эмоций. Пресловутый «нордический характер» имеет черты такой реакции. Это же можно обнаружить в традиционной «английской сдержанности». Иногда это обнаруживается в повышенной напряженности, проявляющейся, в частности, в подозрительности, у россиян.

Третий тип реакции — *flop* — можно перевести как «апатия», «коллапс». В случае опасности вместо повышенной активности организм как бы «выключается». Любая активность становится бессмысленной, любое сопротивление или вообще любая реакция — бесполезны. С точки зрения поведенческих реакций эта реакция близка к феномену выученной беспомощности (Мартин Селигман). Это такое состояние, при котором индивид не предпринимает попыток к улучшению своего состояния (не пытается избежать негативных стимулов или получить позитивные), хотя имеет такую возможность. Появляется, как правило, после нескольких неудачных попыток воздействовать на негативные обстоятельства среды (или избежать их) и характеризуется пассивностью, отказом от действия, нежеланием

менять враждебную среду или избегать ее, даже когда появляется такая возможность. У людей, согласно ряду исследований, сопровождается потерей чувства свободы и контроля, неверием в возможность изменений и в собственные силы, подавленностью, депрессией и даже ускорением наступления смерти.

Перечисленные реакции — древние физиологические механизмы, которые есть у всех млекопитающих. Однако, в отличие от людей, у животных в естественной среде невозможно закрепить такие реакции: нервная система животных естественным образом через движения разряжает накопившееся напряжение. (Невроз у домашних питомцев и эксперименты по исследованию выученной беспомощности у животных всегда включают в себя вмешательство людей.) Люди же существа социальные. Дать в глаз кричащему начальнику или убежать от налогового инспектора не всегда возможно и всегда социально неприемлемо. Мы остаемся в травмирующих обстоятельствах и закрепляем в теле травматический отклик.

Первое, что дает такой одновременно более широкий и более глубокий взгляд на травму через призму телесных реакций, это понимание, что для возникновения травматической реакции («реакции травмы») необязательно быть участником военных действий или жертвой насилия. Травматическая реакция, как реакция тела, телесное состояние, может накапливаться в течение времени просто как отклик на внешние обстоятельства, в том числе и на «обычное» течение жизни. Социальные порядки и практики (например, правовые или медицинские), длящиеся исторические события (например, территориальные войны), семейные, религиозные или национальные традиции — все это способно формировать и закреплять на телесном уровне определенные типы реакций.

Еще один аспект, который становится более очевидным при рассмотрении его через призму травматических реакций, — социальное неблагополучие. Например, естественной реакцией людей, испытывающих хроническую травматическую реакцию, является желание перестать ее чувствовать (телесно, эмоционально, социально). Возникает закономерный импульс найти обезболивающее. Часто таким обезболиванием выступает алкоголь или наркотики. Не будем спекулировать на российском материале, а обратимся к международным наблюдениям. В частности, традиционная для ирландцев тяга к алкоголю некоторыми исследователями связывается не с «особенностью национального характера», а с потребностью «обезболить» ту коллективную травму, которую ирландский народ переживал в течение нескольких веков непростых отношений с Англией. И чтобы выйти из традиционного повторяющегося в поколениях поведения (привычки много пить), потребовалось несколько поколений, выросших в более мирных условиях (по наблюдениям, сегодняшнее молодое поколение пьет меньше, мирный договор с Великобританией был заключен в 1921 году). Через призму травмы как телесных реакций можно рассматривать не только тему алкоголизма и наркомании, но и другого социального неблагополучия: бытовая и уличная агрессия как проявление реакции борьбы, социальная беспомощность и апатия как реакция коллапса и т.д.

Проблема в том, что реакции травмы, передаваясь из поколения в поколение, будучи привычными, незамечаемыми, встроенными в социальную, национальную или культурную традицию, воспринимаются как норма. Война — это норма. Страдания — это норма. Те или иные насильственные и травматичные

практики — норма. «Так было всегда». «Бывало и хуже». Это формирует соответствующее мировоззрение, из которого бывает очень сложно вырваться.

Третий аспект, который получает новый ракурс, если рассматривать его через модель травматических реакций, — это насилие и войны. У травмы есть несколько важных закономерностей и последствий.

Первое, что происходит с травмированным человеком, связано с телесным уровнем существования: он перестает ощущать свое тело, чувствовать его границы, обращать внимание на переживаемые эмоции. Он становится нечувствительным к себе, ибо чувствовать происходящее с ним выше его физических и психических возможностей. Эта нечувствительность к себе оборачивается нечувствительностью к другому. Это проявляется на физическом уровне, эмоциональном, организационном, политическом. Человек не способен испытывать эмпатию — осознанно сопереживать эмоциональному или физическому состоянию другого человека. Самое точное понимание того, как другой видит и переживает происходящее, возможно лишь тогда, когда удастся ощутить его переживания через свое тело (в этом нам помогают зеркальные нейроны). Но когда мы в результате травм отключаем способность чувствовать свое тело, мы лишаемся возможности чувствовать (и понимать) другого человека.

Это драматически проявляется в самых разных областях жизни. Организация производства и бизнес-процессы, решение урбанистических проблем, законодательные стратегии, социальные практики, политические решения — во всем этом либо присутствует эмпатия как понимание того, что при этом происходит с другим человеком, либо нет. В этом отношении доставшийся нам от XX века мир в некотором смысле психопатичен в своих традициях и проявлениях (психопаты обычно не способны чувствовать эмпатию, с ними это происходит, согласно последним исследованиям, только если их специально просят представить себя на месте жертвы [Meffert H. et al., 2013]).

При этом важно помнить, что такое отсутствие эмпатии зачастую считается традицией, нормой. Более того, именно такая среда — небезопасная, конфликтная, безнадежная — нередко оценивается именно как «нормальная, пригодная и комфортная для жизни».

Второе следствие привычной травматичной реакции — стремление к изоляции. На индивидуальном уровне это проявляется в тенденции замкнуться, ограничить контакты, не вступать в отношения. «Большой мир» ощущается как опасный, социальные связи слабеют или угасают. Человек начинает воспринимать окружающих людей как непригодных («Вы просто не понимаете») или раздражающих, или считает непригодным себя (в том числе пресловутое «избегание близких отношений»). Нарушается коммуникация, исчезает доверие.

Все это происходит вследствие ощущения себя в небезопасной ситуации. Тревожно и печально наблюдать, как сейчас эта тенденция к изоляции и трудность коммуникации проявляется между населением государств, переживающих конфликты, — Россия и Украина, Израиль и арабский мир. Нарушение контакта, невозможность здоровой, не окрашенной аффектами коммуникации уничтожает саму перспективу разрешения или урегулирования конфликтов. Это верно как для уровня стран, так и на уровне простых людей.

Еще одно следствие — уже социальное — тоже результат ослабления механизма эмпатии. Речь идет о более легком разделении на «своих» и «чужих». Деление на «своих» и «чужих», реакция обособления древнее и мощнее, чем

эмпатическая отзывчивость, и ее намного легче активизировать. Чем больше вокруг чужих, тем меньше эмпатии. Для ослабления механизмов эмпатии всего-то и надо, что провести границу между «своими» и «чужими» и убедить «своих», что им есть, что делить с «чужими». А межгрупповое соперничество, в свою очередь, приводит к конфликтному взаимодействию, агрессивному поведению и формированию негативных стереотипов, даже несмотря на предыдущий опыт дружеского общения [Шериф М., 1954]. Более того, чем больше изоляция и деление на «своих» и «чужих», тем меньше эмпатии в отношении «чужих» (практически сводится на нет) и тем выше может быть эмпатия к «своим», а следовательно, любая боль «своего» воспринимается как личная боль и вызывает соответствующую реакцию.

Четвертый аспект, который также связан с темой насилия и войн, — социальные, культурные, коллективные, исторические травмы. Эти понятия еще не до конца оформились в социологических исследованиях. Чаще всего этими словами описывают некоторый общий для большой группы людей (нации, народа, страны) тяжелый опыт, который оказывает заметное влияние на поведение, культуру, мировоззрение представителей этой группы. В качестве примера таких травм обычно называют Холокост для евреев и 11 сентября для американцев. Таким же мощным травматичным событием для населения Голландии стало падение в августе малайзийского «Боинга». Что важно: травма приводит к эмоциональным и поведенческим искажениям, которые могут воздействовать на следующее поколение.

При этом, если травмирующее событие — война, геноцид — укладывается в жизнь одного поколения, как, например, это было в нацистской Германии, у нации больше шансов на выздоровление. Если же череда бедствий захватила жизнь нескольких поколений, то последующие поколения начинают воспринимать травматические искажения, свойственные родительскому поколению, как психологическую норму. Если такое происходит, мотив к выздоровлению, шансы на восстановление значительно снижаются. В обществе, население которого на протяжении жизни нескольких поколений подвергалось массовой травматизации, в большой степени утрачивается представление о здоровом и адаптивном функционировании¹.

И здесь оказывается критически значимым, как группы, сообщества, народы обходятся с фактом травматизации. Помимо специальной работы, которую можно организовывать в целях исцеления индивидуальной и коллективной травмы (о ней ниже), существует несколько значимых социальных механизмов, способствующих этому процессу. Один из механизмов — правовой: зло называется злом в соответствии с нормами закона, виновные в злодеяниях наказаны. Этот механизм был реализован, в частности, в ходе Нюрнбергского процесса, что, по мнению немецких исследователей, сильно помогло процессу исцеления немецкого народа после Второй мировой войны.

Еще один критически важный механизм: горевание и оплакивание. Это естественные эмоциональные процессы, необходимые для восстановления душевного здоровья. Если эти процессы искусственно тормозятся (как, например, было в СССР после Великой Отечественной и что происходит до сих

¹ Кизгай Н.И. Травма — прошлое и настоящее // Журнал практической психологии и психоанализа. № 4, 2010.

пор), то травма продолжает передаваться из поколения в поколение без улучшения состояния. (В этом году для внуков и правнуков участников тех событий 9 Мая по-прежнему был праздником с реальными, а не поэтическими слезами на глазах.)

Конец XX века породил еще один важный механизм — культурное, эстетическое переосмысление травмы. В этом смысле современные «несерьезные» американские фильмы последних лет о Второй мировой и британские художественные перформансы этого года, посвященные 70-летию ее окончания, — пример такого художественного переосмысления. И то, какую неоднозначную реакцию они вызывают у российской аудитории (включая обвинения в несерьезности, кощунстве и т.д.), говорит лишь о том, что наша травма Второй мировой (Великой Отечественной) до сих пор жива, болит и влияет на наше восприятие реальности.

Рассматривая разные социальные явления через модель травматизации именно в ее телесной природе, становятся понятнее некоторые детали нашей действительности. В том числе и тот факт, что и исторические катастрофы, и отсутствие работы с последствиями этих катастроф и травмированностью населения, является для России психологически закономерным явлением. Мы просто те самые люди, о которых писал Славой Жижек: «Но ведь есть люди, для которых травма — это обычное состояние, так сказать, образ жизни. [...] Этим людям негде спрятаться от травмирующих переживаний. Они даже не могут сказать, что их преследуют призраки пережитого, поскольку прожитое отнюдь не стало призраком, оно никуда не ушло... Самое ужасное в их положении, это перманентный характер травмы».

С этой точки зрения очевидно, что те меры и программы «оказания помощи населению», которые на официальном уровне используются в России в случае чрезвычайных ситуаций (как, например, сейчас в помощи беженцам с Украины), а также общее понимание степени нашей травматизации и последствий, с ней связанных, мало способствуют исцелению накопленной годами травмы и здоровью (с точки зрения современных норм) существованию. И что гораздо важнее, без исцеления травмы на телесном уровне (через профессиональные программы работы со стрессом и травмой для разных профессиональных групп, в том числе «групп риска» — военные, социальные работники, медики, оперативные службы, через просвещение, через создание условий в окружающей среде, через культурные программы) мы будем продолжать воспроизводить травму и будем продолжать поддерживать порочный круг травмы и войны.

XXI век принес не только новое понимание травмы, но и новое понимание здоровья и мира. Все очевиднее идея, что война (в любом смысле) — это ненормально. Что человек, оказавшийся в условиях войны (реальной, информационной, бытовой, организационной) или несущий в себе наследие предыдущих войн и катастроф, как правило, нуждается в реабилитации и исцелении. И что эта реабилитация должна с необходимостью включать в себя телесные методы работы. Просто для того, чтобы травматическая реакция не застряла в теле и не определяла автоматически жизнь, выборы и реакции. Чтобы у человека, группы, народа, страны появился выбор: продолжать воевать или завершить войну и начать жить здоровой мирной жизнью.

Вячеслав СТЕПИН

ЧТО ТАКОЕ СЕГОДНЯ СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ?

Уже самый простой акт практической деятельности человека предполагает сложную систему его социальных связей и отношений. Допустим, некто взял лопату, вскопал ею грядку на огороде, затем с помощью пилы, топора, молотка и гвоздей соорудил из досок изгородь. Все эти трудовые операции он проделал в одиночку, без посторонней помощи. Почему же тогда утверждает-ся, что невозможна деятельность человека вне системы его отношения к дру-гим людям?

Внимательный анализ показывает, что отношения здесь присутствуют. Они выступают условием и предпосылкой любых практических действий индивида. Когда он применял лопату, топор, пилу, когда с помощью молотка, гвоздей прибавал доски, тем самым он использовал овеществленный труд других людей — тех, кто добывал железную руду, выплавлял железо, изго-тавливал инструменты, продавал их. А тот, кто их приобрел, а затем исполь-зовал, сам должен был предварительно заниматься общественно полезным трудом, за который получал соответствующие денежные средства и на них приобретал необходимые ему инструменты.

В результате получается, что отдельно взятые акты трудовой деятельности любого индивида всегда включены в более широкую систему разделения труда и соответствующих общественных отношений.

И в практической деятельности, и в повседневном поведении человек посто-яннo контактирует с различными фрагментами «неорганического тела цивили-зации», используя те или иные орудия труда, предметы быта, одежду, жилище и т. д. Присваивая для своего потребления эти предметы, индивид постоянно соотносится с другими людьми, включаясь в систему отношений собственности, распределения и общественного разделения труда.

Иначе говоря, отношение человека к объекту в процессе деятельности все-гда предполагает его отношение к другому человеку. Это отношение может быть не только опосредованным, но и непосредственным, поскольку подав-ляющее большинство человеческих действий имеет коллективный характер.

В своей деятельности и поведении мы постоянно взаимодействуем с други-ми людьми, выполняя те или иные функции в коллективах, вступая в обще-ние, реагируя на действия и поступки других людей. Каждый из нас состоит в сложной системе человеческих связей. Их наличие составляет второй ком-

понент человеческой жизнедеятельности, определяющий наши действия и отношение к внешнему миру (см. рис.).

Сложная мозаика социальных связей определенным образом структурирована. Наиболее простым и массовым ее элементом являются отношения людей в малых социальных группах.

Социальная группа как особая целостность образуется благодаря совместным действиям и поведенческим актам различных людей. На протяжении своей жизни человек включается во множество подобных групп: семья, школьный класс, производственные коллективы, различные неформальные группы и т. д. Все они образуют реальную сеть человеческих связей, в которую погружен тот или иной индивид.

Допустим, мы пришли на лекцию в студенческую аудиторию. И лектор, и студенты, слушающие лекцию, определенным способом согласуют свои действия и поступки, выступая в качестве целостной социальной группы. Эта целостность поддерживается некоторой системой норм общения и поведения, выполнением каждым членом этой группы определенной социальной роли. Лектор должен организовать общение аудитории таким образом, чтобы сосредоточить ее внимание на содержании лекции. Общение же слушателей между собой в основной части происходит как бы через лектора. Непосредственная вербальная коммуникация студентов в идеале исключается на время лекции, а практически (при хорошем проведении лекционного занятия) должна быть сведена к минимуму. Роль слушателя предполагает его сосредоточение на излагаемом содержании и исключает различные посторонние занятия.

Когда эти нормы не соблюдаются, то социальная группа «лектор-аудитория» распадается на ряд относительно автономных малых групп со своими особенностями коммуникации. Допустим, лекция прошла с соблюдением всех необходимых норм и аудитория была единой социальной группой. Время лекции истекло, и эта группа перестала существовать. Между составлявшими ее индивидами устанавливаются новые связи, они включаются в новые социальные группы, требующие выполнения особых функций, а следовательно, и новых социальных ролей. В общественном транспорте они пассажиры, в магазине — покупатели, в общении между собой — друзья или собеседники, в кругу семьи у каждого из них есть свои отношения и обязанности.

Социальные связи и коммуникации между индивидами могут быть самыми разнообразными, столь же разнообразными могут быть образующиеся благодаря этим связям социальные группы. Прогуливающиеся влюбленные, партнеры, играющие в шахматы, футбольная команда, группа подростков во дворе дома, болельщики на стадионе, толпа на митинге — все эти социальные

общности характеризуются своими нормами поведения и своим набором социальных ролей¹.

Человек буквально на протяжении одного дня своей жизни может входить в состав различных социальных групп, меняя свое место в системе связей с другими людьми. От него к другим как бы тянутся многочисленные нити социальных отношений. Часть из них обрывается через какой-то промежуток времени, некоторые же воспроизводятся на протяжении длительных отрезков его жизни.

Малые социальные группы составляют реальную сферу повседневных жизненных коммуникаций. Социальные связи внутри этих групп могут быть формально регламентируемыми: от жесткой регламентации типа уставных правил армейских подразделений до относительно гибких правил договорного характера в различных объединениях по интересам. Но большинство малых социальных групп регулируется неформальными, не явно принимаемыми нормами. Их усваивают через реальные образцы поведения, общения и деятельности, причем такое усвоение не обязательно должно быть осознанным. Подражая тем или иным образцам, люди включаются в выполнение определенных функциональных ролей в различных группах. Многие из таких ролей усваиваются с детства путем имитации в детских играх действий взрослых. Как подчеркивает американский социолог Т. Шибутани, большинство людей осознают те или иные роли только в необычайных обстоятельствах. «Если знакомый намеренно уклонился от приветствия, человек возмущается нанесенным оскорблением. Мать начинает осознавать свои привилегии, когда ребенок отказывается ей повиноваться и таким образом бросает вызов ее авторитету. Тот факт, что негодование возникает именно при подобных обстоятельствах, означает, что некоторые невыполненные обязательства принимались как нечто само собой разумеющееся»².

Вообще социальные роли в малых группах не следует трактовать как нечто шаблонное, состоящее из стереотипных действий. Даже написанная роль в театральной пьесе требует от актера импровизации и таланта. В жизни же еще сложнее, поскольку детали поведения в каждой ролевой ситуации определяет сам человек. При этом он играет не одну, а множество ролей, выступая и соавтором, и актером тех многоликих пьес, в которых участвует часто на протяжении одного дня и которые составляют саму его реальную жизнь.

Сложная мозаика связей внутри социальных групп и между ними исторически изменчива, как исторически изменчивы и социальные роли, которые выражают нормы поведения и относительно устойчивые функциональные отношения между членами различных социальных групп.

Влюбленные являются влюбленными во все века. Но в их общении и поведении легко усмотреть разницу между, например, средневековыми рыцарскими отношениями, описанными Бальзаком любовными отношениями эпохи меркантилизма и деловых связей буржуазного общества XIX века и, допустим, поведением влюбленных в современных молодежных группах поклонников металлического рока.

¹ Идея социальных ролей как регулятивов поведения активно разрабатывалась в концепциях известных социологов XX столетия Т. Парсонса и Дж. Мида.

² Шибутани Т. Социальная психология. — М., 1969. — С. 47.

В историческом развитии общества постоянно возникают новые типы социальных групп и уходят с исторической сцены те или иные общности индивидов, характерные для ранее господствовавшего стиля жизни. В эпоху капитализма исчезли, например, социальные группы странствующих рыцарей, средневековые цеха и гильдии и появились новые формы социальных объединений людей — мануфактуры, а затем фабричные производства, страховые общества, акционерные и спортивные общества, сообщества болельщиков и спортивные команды (профессиональные и любительские) и т. д.

Вся эта сеть жизненных коммуникаций индивидов, образуемая благодаря динамике и взаимодействию малых групп, имеет глубинную внутреннюю структуру. Ее представляют отношения людей друг к другу, складывающиеся в процессе их взаимодействия с фрагментами неорганического тела цивилизации, воспроизводства и развития этого тела во всей его системной сложности.

Отношения между людьми, возникающие в этом процессе, образуют фундаментальную структуру человеческого бытия. Вся эта система отношений — к средствам деятельности (формы собственности), к продуктам деятельности (формы распределения) и обмена результатами деятельности между людьми — в рамках сложившихся форм разделения общественного труда образует глубинную структуру социальных связей людей. Она выступает как макро-структура общества, представленная спецификой классовых, сословных, кастовых отношений и соответствующих им больших социальных групп. В систему социальных связей, выражающих макроструктуру общества, следует также включить систему национальных и этнических отношений. Соответственно в качестве больших социальных групп выступают также этнические общности и нации.

Макроструктура общества проявляется через его микроструктуру, определяя самые общие принципы отношений людей в малых группах: традиции и типичные для данного общества образцы социальных ролей.

Большие социальные группы не существуют вне и независимо от малых социальных групп. Оба аспекта структуры социальных связей людей взаимобусловлены, и в качестве независимых друг от друга их можно полагать только в абстракции.

Такие абстракции допустимы при построении конкретных социологических теорий и моделей, ориентированных на изучение отдельных аспектов подсистем социального целого. Но при построении системного образа этого целого — картины социальной реальности, в которой соответствующие абстракции обретают онтологический статус, — жесткое разделение и противопоставление микро- и макроструктуры контрпродуктивно.

Организация социальных связей, наиболее динамичная в аспекте микро-структуры (на уровне малых социальных групп) и относительно устойчивая в аспекте макроструктуры (уровень больших социальных групп), является продуктом исторического развития общества. Каждый индивид застает ее как объективно сложившуюся на определенном этапе такого развития социальную структуру. Он включается в нее в процессе социализации, выполняя определенные ролевые функции в различных общностях и социальных группах (в производственном коллективе, семье, в многообразных малых группах, характеризующих повседневный быт человека, и т. д.).

Человек не может жить вне системы отношений с другими людьми. Его бытие как общественного существа, необходимость его общения с другими, по-видимому, имеет глубокие генетические предпосылки. Предки человека были стадными существами, и их выживание требовало определенных способов совместного поведения. Детеныш обезьяны не может выжить вне стада. Для новорожденного ребенка его зависимость от других людей еще большая, если учесть, что он рождается абсолютно беспомощным (более длительный период его созревания в материнской утробе сделал бы роды невозможными вследствие прямохождения и характерной для человека анатомии тазовых сочленений). Вследствие этого генетические программы предрасположенности к общению имеют для выживаемости важнейшее значение. Грудные дети улыбаются в колыбели человеческому лицу, младенцы, лишённые в течение длительного времени физического контакта с другими людьми, погибают. Имеются экспериментальные данные, свидетельствующие о том, что резкое уменьшение эмоциональных контактов, вызванное отсутствием у человека некоторого необходимого разнообразия общения с другими людьми, может вызвать временный психоз или привести к другим психическим нарушениям. Одинокое заключение, вырывающее человека из системы его общения с другими людьми в различных социальных группах, часто значительно тяжелее физических наказаний³.

Врожденные программы задают некоторое поле, на котором могут возникать разнообразные связи и отношения индивидов. По-видимому, эти программы могут быть противоречивыми и не всегда сбалансированными.

Существует интересная гипотеза, выдвинутая генетиком В.П. Эфроимсоном, согласно которой врожденная предрасположенность человека к общению имеет альтруистическую окраску⁴. Эта предрасположенность формировалась в процессе становления человека таким образом, что наиболее агрессивные особи, склонные к разрушению коммуникаций, необходимых для совместных действий в возникающих человеческих общностях, вычеркивались естественным отбором, хотя и довольно жестоким способом вместе со своей популяцией (первобытным стадом), которую они взрывали изнутри агрессивным поведением и тем самым ослабляли в борьбе за выживание.

Вместе с тем у человека есть и альтернативные генетические программы, скрывающие опасность разрушения альтруистических отношений в человеческих сообществах. Как отмечал Л. Кестлер, к сожалению, у человека нет генетического запрета на убийство себе подобных⁵ (программа такого запрета есть у большинства животных⁶).

Если бы подобная программа была выработана в процессе эволюции человека, многие способы поведения людей в различных социальных группах и многие социальные роли были бы невозможны (жертвоприношения в перво-

³ См.: Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. — М., 1988. — С. 8.

⁴ Эфроимсон В. Родословная альтруизма // Новый мир. 1971. № 10.

⁵ Кестлер Л. Человек — ошибка эволюции? // Диалоги. — М., 1979. — С. 142–147.

⁶ В турнирных схватках самцов — волков, кабанов, оленей и других — побежденное животное подставляет самое жизненно уязвимое место победителю, и сразу же срабатывает генетическая программа: победитель схватки останавливается и никогда не наносит смертельного удара.

бытных сообществах, массовые уничтожения пленных в кровопролитных войнах, геноцид, профессиональные функции палача и т. д.).

Вообще мы еще недостаточно знаем об этом влиянии врожденных биологических программ на формирование связей людей в социальных группах. Этологи (ученые, изучающие поведение животных) обнаружили многие аналогии между поведенческими функциями особей в их стадных сообществах и некоторыми социальными ролями людей. Так, в популяциях крыс наблюдается определенное разграничение функций: вожака стаи не обязательно наиболее хитрый и сообразительный, но, как правило, самый сильный и агрессивный, часто имеет рядом с собой «серого кардинала» — умного, по крысиным меркам, и хитрого самца, который, уступая в силе вожаку, исподволь направляет его действия. Интересно, что после гибели вождя «серый кардинал» не стремится стать вожаком, а подыскивает на это место другого сильного самца из стаи, оставаясь при нем в своей роли.

Имеются многочисленные факты, свидетельствующие о ряде сходных черт поведения молодых самцов обезьяньего стада и подростков в различных социальных общностях. Встраивание в мир взрослых отношений даже в животных сообществах означает крутой перелом в жизни особи. Она сталкивается с сопротивлением взрослых самцов, которые отстаивают свое место в стадной иерархии, с трудностями освоения тех или иных ролевых функций в стаде. Отсюда возникают две генетические программы: а) отселение с образованием особых «молодежных» общностей; б) стремление к нестандартным поступкам, с тем чтобы обратить на себя внимание, выделиться и тем самым получить определенное преимущество перед другими молодыми конкурентами за то или иное место в стадной иерархии.

Как полагают этологи, эти две врожденные программы проявляют себя везде, где бы ни родились человеческие дети, — и в первобытном, и в современном цивилизованном обществе (этим объясняют стремление подростков к формированию особых сообществ и компаний со своими правилами общения, их бессознательно вызывающее поведение, экстравагантность молодежной моды и т. д.).⁷

Наличие биологических предпосылок социального поведения вовсе не означает, что социальные связи людей однозначно выводятся из этих предпосылок. Они надстраиваются над биологическим базисом, во многом трансформируют его.

Отсутствие биологических запретов на убийство себе подобных не означает, что общество обречено на бессмысленное уничтожение людей. Выработка человечеством в ходе своей исторической эволюции норм нравственности и правовых регулятивов в определенной мере компенсирует отсутствие биологической программы запрета убийства. Социальные нормы, регулирующие действия и поступки людей в различных социальных группах, как правило, ограничивают проявление зоологического индивидуализма и своеволия. Без таких ограничений невозможны совместное бытие людей, их общение и их отношения как социальных индивидов. В этом смысле формирование социальных норм, ролей, образцов поведения по мере эволюции общества сложно

⁷ Дольник В. Рок рока // Знание — сила. 1988. № 4. — С. 66–72.

взаимодействует с биологическими предпосылками человеческого бытия, испытывая их влияние, но и трансформируя это влияние, ограничивая его.

Чем выше восходит человек в своем историческом развитии по ступеням цивилизации, тем больше он поднимается над доминирующим влиянием непосредственных биологических стимулов регуляции своих отношений с другими людьми.

Начиная со своего рождения он постепенно включается в систему исторически сложившихся социальных связей и отношений. Его становление как человека определено их постоянным расширением и обогащением. В раннем детстве эти связи ограничены: семейные отношения, общение с другими детьми в различных социальных группах, чаще всего под контролем взрослых (прогулки, игры во дворе, коммуникации с воспитательницей и сверстниками в детском саду и т. д.). Они значительно увеличиваются и усложняются в школьном возрасте, особенно в процессе вхождения подростка в мир взрослых. Наконец, став взрослым, человек, как правило, включается в еще более многочисленные и разнообразные социальные связи. Он часто не только воспроизводит, но и меняет своими действиями и поступками отношения в социальных группах.

Личность определяется богатством ее социальных связей и отношений. Но это не означает, что человек жестко детерминирован той исторически сложившейся системой отношений, в которые он постепенно включался в процессе своего формирования как личности. Он обладает свободой выбора, и эта свобода зависит не только от характера общества (тоталитарные режимы ее резко ограничивают, демократические — расширяют), но и от характера человеческой индивидуальности (сложного взаимодействия биологических предпосылок, накапливаемого общественного опыта и личного опыта, возникающего в результате включения индивида в различные отношения с другими людьми).

Неповторимая индивидуальность, автономность личности и невозможность ее существования вне исторически развивающейся системы социальных отношений составляют одну из важнейших диалектически противоречивых характеристик человека.

Обусловленность формирования личности сложившимися социальными отношениями позволяет говорить о типах личности, характерных для того или иного типа общества.

Приобщение человека к системе исторически сложившихся социальных отношений является необходимым условием его деятельности. Выступая же как субъект деятельности, он способен не только воссоздавать, но и изменять свои общественные отношения.

Вадим МЕЖУЕВ

КУЛЬТУРА В ЗЕРКАЛЕ ФИЛОСОФИИ

Историю знания о культуре следует отличать от истории самой культуры. Нельзя смешивать две эти истории: люди всегда жили в культуре, творили ее, но далеко не сразу стали осознавать это (подобно тому как они всегда жили в истории, но не всегда были историками). Знание о культуре значительно более позднего происхождения, чем сама культура. Но, даже делая культуру предметом знания, мы редко задумываемся о том, откуда нам известно о ее существовании. Существование культуры для нас — нечто само собой разумеющееся, столь же очевидное, например, сколь и существование природы, хотя то и другое — результат довольно позднего открытия. Не сомневаясь, что культура реально существует, мы до сих пор расходимся во мнении о том, чем она является на самом деле. Спросите каждого, что он понимает под культурой, и услышите разные, подчас взаимоисключающие ответы. На чем в таком случае основана наша уверенность в ее существовании?

Нельзя ответить на этот вопрос простым указанием пальца: смотрите, да вот же она. Культуру не увидишь теми же глазами, что и предметы внешнего мира. Здесь требуется особого рода зрение — зрение умом, или умозрение, способностью к которому и наделена философия. Именно у нее надо спрашивать, как возможна и чем реально является культура. Философия не изучает культуру в ее многообразных проявлениях, а обосновывает саму возможность ее существования в мире (следовательно, и возможность ее познания). В таком качестве она и есть философия культуры.

В составе современного знания о культуре философии культуры принадлежит особое место, прямо не совпадающее с тем, которое занимает научное знание о ней, называемое сегодня культурологией (или наукой о культуре). Здесь примерно то же различие, что между социальной философией и социологией, философией истории и исторической наукой, политической философией и политологией, философской и научной антропологией и пр. Отношения между ними — часть общего вопроса о соотношении философии и науки. Не имея ответа на него, нельзя разобраться и в специфике философского знания о культуре.

В более узком смысле под философией культуры понимают особое направление европейской философской мысли, сложившееся преимущественно в Германии к началу XX века. Как отмечает В.С. Малахов, «термин *Kulturphilosophie*

возник в конце XIX века в рамках неокантианства Баденской школы»¹. Виндельбанд и Риккерт понимали под философией культуры всю философию, усматривая ее задачу либо в обосновании логики и методологии «наук о культуре» в отличие от «наук о природе», либо в познании должного (ценности, смысла) в отличие от познания сущего.

Граница между культурфилософией и культурологией не всегда отчетливо формулируется, но она очевидна при сопоставлении, например, трудов немецких культурфилософов и американских культурных антропологов. Последние противопоставили философскому воззрению на культуру ее научное изучение, базирующееся на сборе и анализе эмпирических данных, получаемых в ходе «полевых исследований» и наблюдений за жизнью примитивных народов. По словам американского антрополога Л. Уайта, предпринявшего попытку обосновать право культурологии на самостоятельное существование в ряду социальных наук, «важнее всего то, что культурология отвергает и упраздняет философию, которая веками оставалась дорога сердцам людей и которая по-прежнему вдохновляет и питает представителей общественных наук и дилетантов. Это древняя и почтенная философия антропоцентризма и Свободной Воли»². Подобная претензия на упразднение философии заставляет более внимательно отнестись к тому, что значит быть философом культуры, в чем состоит философское отношение к ней.

Легче всего, конечно, понимать под философией культуры то, что писали о культуре философы прошлого и настоящего. Такое знание, однако, свидетельствует более об информированности в философии культуры, чем о ней самой. Оно необходимо любому культурному человеку, но само по себе не делает его философом культуры (равно как начитанность в художественной литературе не делает его писателем). Философия культуры не просто сумма высказываний о культуре отдельных философов, но часть философской системы, необходимо вытекающая из ее общего замысла. Что это за часть и как она связана с системой в целом?

На этот счет мнения расходятся. Согласно одному из них, о чем бы ни говорил философ — о мире, природе, обществе, человеке, он говорит о культуре. Природа философской рефлексии такова, что любой ее объект раскрывается как феномен культуры. По определению М.Б. Туrowsкого, «рефлексия на культуру и есть философия»³. Значит ли это, что любая философия есть философия культуры, что история последней совпадает со всей историей философии? Философ может не называть себя философом культуры, но его философия именно такова.

Согласно другому мнению, философия культуры — одна из дисциплин в «энциклопедии философских наук». С какого времени эта дисциплина обретает право на существование? Выступая в 1939 году с лекцией перед студентами Гетеборгского университета, Э. Кассирер начал ее следующими словами: «Из всех отдельных частных областей, обычно выделяемых в составе целостной системы философии, философия культуры представляет собой, пожалуй,

¹ Современная западная философия. Словарь. 2-изд. — М., 1998. — С. 437.

² Антология исследований культуры. Т.1. Интерпретация культуры. СПб., 1997. — С. 154.

³ Туrowsкий М.Б. Философские основания культурологии. — М., 1997. — С. 33.

раздел, существование которого чаще всего дает повод для сомнений и дискуссий. Даже ее понятие еще ни в коей мере не является достаточно четко очерченным и однозначно определенным... Эта своеобразная неопределенность связана с тем, что философия культуры является наиболее молодой среди философских дисциплин и что она не может, подобно другим дисциплинам, опираться на прочную традицию, на многовековое развитие»⁴.

Мнение о том, что философия культуры не вся философия, а только ее часть, разделяется и рядом наших отечественных авторов. Задачей этой части, как считает М.С. Каган, является теоретическое моделирование культуры в «ее реальной целостности и полноте конкретных форм ее существования, в ее строении, функционировании и развитии»⁵. Сходное определение дается П.С. Гуревичем: «Философия культуры (культурфилософия) — философская дисциплина, ориентированная на философское постижение культуры как универсального и всеобъемлющего феномена»⁶.

Нельзя не увидеть в таком определении некоторую тавтологию. Ясно, что философия культуры есть ее философское постижение и никаким другим быть не может. Указание на то, что она постигает культуру в ее целостности, также вызывает недоумение: разве наука как-то иначе постигает ее? В том же словаре, где помещена статья П.С. Гуревича о философии культуры, культурология определяется Я.С. Флиером как «наука, формирующаяся на стыке социального и гуманитарного знания о человеке и обществе и изучающая культуру как целостность, как специфическую функцию и модальность человеческого бытия»⁷. Итак, философия культуры и культурология изучают культуру как целостность — что же тогда их отличает друг от друга? Очевидно, данное отличие следует искать не в культуре самой по себе, а в специфике философского и научного знания о ней. В чем же состоит эта специфика?

Зафиксируем для начала очевиднейший факт: философ, утверждающий что-то относительно культуры, до всякого суждения о ней сам принадлежит к определенной культуре, включен в ее контекст. Философия есть часть культуры, причем не любой, а вполне конкретной — европейской, начало которой было положено греческой Античностью. Философия, по словам итальянских историков западной философии Д. Реале и Д. Антисери, есть «создание эллинского гения». «Действительно, — пишут они, — если остальным компонентам греческой культуры можно найти аналоги у других народов Востока, достигших высокого уровня цивилизации раньше греков (верования и религиозные культы, ремесла различной природы, технические возможности разнообразного применения, политические институты, военные организации и т. п.), то, касаясь философии, мы не находим ничего подобного или даже просто похожего»⁸.

В равной мере это касается и науки, ибо последняя «не есть нечто, что возможно в любой культуре»⁹. Философия, родившаяся в Античности, сделала

⁴ Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. — М., 1998. — С. 155.

⁵ Каган М.С. Философия культуры. — СПб., 1996. — С. 21.

⁶ Культурология XX века. Словарь. — СПб., 1997. — С. 497.

⁷ Там же. С. 248.

⁸ Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Античность. — СПб., 1994. — С. 3.

⁹ Там же.

возможным и появление науки, причем долгое время они существовали нераздельно друг от друга. Только когда наука «отпочковалась» от философии, стало ясно, что их разделяет в плане познания мира.

Будучи обязаны своим происхождением одной и той же культуре, философия и наука по-разному реагируют на свою связь с ней, на факт своей культурной обусловленности. Для философа данный факт является определяющим: он смотрит на мир глазами своей культуры, сознает он это или нет. Даже когда философ облакает свою мысль в научную форму, последняя оказывается лишь переводом присущих его культуре смыслов и значений на язык науки.

Итак, философия существует в горизонте определенной культуры, существенно преобразуясь по мере того, как одна культурная эпоха сменяется другой. Античность, Средневековье, Новое и Новейшее время — веки не только в истории европейской культуры, но и в процессе смены философских мировоззрений. Наука, конечно, также существует в определенном культурном контексте, который, однако, воспринимается ученым, скорее, как помеха на пути к объективному знанию, что лучше вынести за скобки, исключить из состава теоретических выводов и положений. Если бы истины науки признавались таковыми только для определенной культуры, наука была бы невозможной. Культурный контекст, в котором существует наука, учитывается при исследовании истории науки, но, как правило, исчезает при ее логико-методологическом обосновании.

В отличие от науки философия неотделима от своего культурного контекста. А поскольку такой культурой, как уже говорилось, является европейская, мир в изображении философов — это мир, как он дан сознанию европейского человека, точнее, человека европейской культуры.

Научные представления сохраняют свою истинность и за пределами породившей их культуры, философские идеи живут в границах лишь той культуры, которой они обязаны своим существованием. Претензия философии быть истиной на все времена легко опровергается в иной культурной ситуации и со сменой исторических эпох. Нет одной философии для всех времен и народов, тогда как выводы науки не могут быть оспорены обстоятельствами места и времени. Можно сказать, что ученый познает мир объективно, т. е. таким, каким он существует независимо от познающего его субъекта, сформированного определенной культурой, тогда как философ постигает его (точнее, мысленно преобразует) в прямой связи с человеческой субъективностью, всегда культурно обусловленной. Связь объекта субъектом, как в онтологическом, так и в гносеологическом плане, интересовала философию во все времена, хотя и трактовалась ею по-разному при переходе от одного времени к другому.

Соответственно различаются между собой философская и научная картины мира. Поясним это различие на следующем примере. Животные, как известно, не узнают себя в зеркале, на фотографии или на картине, не идентифицируют себя с собственным изображением. А человек, глядя в зеркало, говорит «это — я». Он как бы обладает знанием о себе, что позволяет ему отличать себя от других людей, причем не только с внешней, лицевой стороны. На философском языке такое знание называется самосознанием (в психологии — «концепцией Я»), и оно в первую очередь отличает человека от животного или любого автоматического устройства. Даже самое сложное информационное

устройство (например, компьютер), вмещающее в себя весь объем человеческой памяти, не обладает самосознанием, никуда не смотрится и ни с чем себя не идентифицирует. Человек же в любом случае нуждается в каком-то «зеркале» (зеркало здесь, конечно, — чистая метафора), которое служит ему источником знания о самом себе. В функции такого «зеркала» выступают разные формы сознания. Каждая из них ставит своей целью создание картины мира, в которой человек находит и узнает себя, судит о том, кто он сам в этом мире. В своей совокупности эти формы сознания, служащие человеку зеркалом его самого, и образуют мир его культуры.

Способность видеть в мире собственное отражение свойственна людям во все времена, а первобытным людям в большей степени, чем современным. Глядя, например, на солнце, они видели в нем не то, что видим мы, — физическое тело с происходящими на нем физическими процессами, — а отражение своих племенных и родовых сил в облике солнечных духов и богов. Так возникли солярные мифы. Мифологическое сознание — наиболее ранняя форма человеческого самосознания, его коллективной самоидентификации, а миф лежит в истоке любой культуры. В равной мере и искусство, когда, например, оно живописует картины природы, позволяет нам видеть в них не просто определенные физические состояния и процессы, а нечто касающееся нас самих — наши чувства, настроения, переживания. Искусство, конечно, отражает жизнь, но ведь не вообще жизнь, а нашу собственную и в формах, ей соответствующих. Но в том же духе действует и философия. Создавая рациональными средствами картину мира, философ как бы проецирует на нее свое представление «о времени и о себе», точнее, о человеке, как он открывается ему в ситуации его времени. Философская картина мира — это всегда своеобразный портрет своего времени и живущего в нем человека, или, по словам Гегеля, «эпоха, схваченная в мысли». Отдельный человек может и не узнать себя на этой картине, но для времени, в котором он живет, она наиболее адекватное отражение культивируемого им образа человека.

Если философия уподобляет мир своеобразному «зеркалу», то наука, выражаясь столь же метафорически, смотрит на мир как бы через прозрачное стекло, через которое видно все, кроме того, кто смотрит на него. Для философа все в мире, даже природа, исполнено человеческого смысла и содержания, существует, следовательно, как культура; ученый даже культуру воспринимает по аналогии с природой — как существующий помимо него объект познания. Ученый движим стремлением к натурализации мира, в том числе культурного, философ — к гуманизации мира, включая и природный, к его, хотя бы только мысленному, преобразованию в мир культуры. В этом, возможно, и состоит главное отличие философии от науки.

Уже в Античности философия обрела значение основной формы человеческого самосознания и самопознания, пришедшей на смену мифопоэтическому сознанию. Именно греки отличали себя от других народов не только по вере (или мифу), но и по идее, вырабатываемой средствами философского знания. Э. Гуссерль, например, усматривал в философии «изначальный феномен духовной Европы»¹⁰. Ее «духовный облик» он определял как «явленность

¹⁰ Культурология. XX век. Антология. — М., 1995. — С. 304, 159.

философской идеи»¹¹, берущей начало у греков. Здесь впервые человек как бы выходит из-под власти мифа, осознает себя принадлежащим к царству «лого-са». Переход от мифа к логосу не был, конечно, чистой случайностью, он диктовался глубокими изменениями в общественном бытии человека. Мир, явленный в мысли, в идее, был миром уже не богов, добрых или злых духов, а материальных или идеальных субстанций, отражавших человеку его новое положение в мире и, следовательно, совершенно новый способ его мышления и поведения.

Рождение философии прямо связано с возникновением греческого полиса — первой и самой ранней формы демократии. По словам Ж.-П. Вернана, «становление полиса, рождение философии — весьма тесные связи между этими явлениями объясняют возникновение рациональной мысли, истоки которой восходят к социальным структурам и складу мышления, присущим греческому полису»¹². Греческий разум «во всех своих достоинствах и недостатках — ...дита полиса»¹³. Философию можно определить в этом смысле как самосознание человека в свободе — политической и духовной. Недаром ее расцвет падает на те периоды в истории, в которых происходил переход от тиранических и деспотических режимов к демократии и гражданскому обществу. Это, во-первых, Античность и, во-вторых, Новое время. Свобода политическая, означающая право людей устанавливать по всеобщему согласию законы своей совместной жизни, основываясь при этом лишь на собственном разуме, рождала и уверенность в возможности столь же рационального постижения окружающего мира. Если человеческий разум может быть источником законов человеческого общежития, то почему бы и миру не быть столь же разумным, существовать не по воле богов, а по имманентно присущим ему законам? Полис, опрокинутый на действительность, рождал идею космоса — вечного и неизменного порядка вещей, открывающегося человеку в форме уже не мифа, а логоса. В этой форме человеку отражалась не столько природа самих вещей, сколько его собственная природа — как она давала о себе знать в мире греческого полиса.

С этой точки зрения, философия в целом есть действительно «рефлексия на культуру», что, однако, недостаточно для возникновения философии культуры. Смотреть на мир философскими глазами, т. е. видеть в нем собственное отражение, не значит еще иметь «идею культуры» (равно как мифологическое восприятие мира первобытным человеком не означало наличия у него «идеи мифа»). Выработка такой идеи, составляющая собственную задачу философии культуры, стала возможной на значительно более позднем этапе европейской истории. Изначальное тождество европейской культуры с философией объясняет лишь то, почему именно философия стала исторически первой формой знания о культуре, опередив в этом знание научное. Европейец ранее других догадался, что живет в культуре, оформив свою догадку в виде философской идеи культуры. Ее следует отличать от научного понятия культуры, посредством которого культура предстает уже как предмет эмпирического исследования и теоретического знания.

¹¹ Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. — М., 1998. — С. 156.

¹² Там же. С. 159.

¹³ Философская энциклопедия. — М., 1962. — С. 236.

Идея и понятие не одно и то же. Идея также существует в форме понятия, но в отличие от последнего заключает в себе нечто большее, чем просто обобщение данного в опыте эмпирического материала. По словам П.В. Копнина, «в идее предмет отражается в аспекте идеала, т. е. не только таким, как „он есть“, но и каким „должен быть“. Идея направляет практическую деятельность, образуя идеальную форму будущей вещи или процесса». В идее объект представлен со стороны своей связи с субъектом; иными словами, идея есть рационально выраженный субъективный смысл объективно существующей вещи, создаваемый не ее телесными, природными свойствами, а ее отношением к иному — неприродному — миру, к миру человеческой субъективности.

И в самой по себе вещи нет никакого смысла. В своей самотождественности она есть природа, равнодушная ко всему, что выходит за ее пределы. Вещь наделяется смыслом, когда перестает быть равной себе, становится знаком, символом неприродного — божественного или человеческого — мира. Так, предметы религиозного культа обретают сакральный смысл в точке пересечения «естественного» и «божественного» миров, на их стыке. Смысл вещи, выраженный в ее идее, и есть то ее значение, которое она получает в контексте своего не природного, а какого-то иного бытия.

Во все времена человек был убежден в том, что вещи, с которыми он имеет дело в своей жизненной практике, заключают в себе нечто большее, чем ему только видится, слышится, осязается в них. Ему постоянно чудился в них какой-то «тайный смысл», скрытый от внешнего наблюдения. Подобное утверждение растет из особого положения человека в мире: будучи сам «родовым» существом, он и в вещах ищет их «общий вид», «эйдос», или «идею». В вещах его интересует не их природная данность, а их человеческая значимость, их человеческий смысл. Способность вещи излучать из себя такой смысл (точнее, способность человека наделять ее им) и превращает ее в предмет культуры. Философ обладает умением «видеть» этот смысл, выражать его в идее. Тем он и отличается от ученого, для которого вещи существуют в их объективной данности, т. е. вне связи с познающим их человеком. Отсюда не следует, что подобная связь отсутствует в науке, но она открывается опять же не ученому, а философу, стремящемуся вписать науку в мир культуры. Соответственно, и культура для философа не просто то, что он наблюдает в опыте, но что придает этому опыту человеческий смысл и значение. Фиксируя этот смысл в форме понятия, т.е. пытаясь представить ее в обобщенном виде, философ и вырабатывает идею культуры.

Различие между идеей и понятием культуры можно пояснить на примере того, как слово «культура» используется в нашем языке. Когда о ком-то говорят, что он культурный человек, то тем самым дают ему положительную оценку, а называя кого-то некультурным — отрицательную. О культуре можно говорить, однако, как и о том, что присуще любому человеку — во все времена и при любых обстоятельствах. Данное слово имеет два значения — «оценочное» и «описательное» (нормативное и дескриптивное). С одной стороны, оно означает оценку с точки зрения некоторой нормы (под культурой в этом случае понимается качество или свойство, которое присуще или не присуще объекту, — наряду с «культурой» возможно и «бескультурье»), с другой — обозначает класс элементов, существующий безотносительно к любой оценке. В науке это слово

используется, как правило, в описательном значении, в философии — в нормативном, или оценочном. За различным словоупотреблением скрывается и разное отношение к культуре.

Философская идея культуры заключает в себе то, что служит для нас нормой и образцом, тогда как в понятии культуры мы фиксируем нечто, что свойственно любой группе людей. В последнем случае культура существует для нас исключительно как предмет научного знания. Любая культура достойна такого знания, а все вместе они и подводятся под общее понятие культуры. Как бы, однако, ни трактовать это понятие (а оно, как известно, имеет сегодня множество разных определений), задачей науки является познание не «культуры вообще», а каждой из них в отдельности. Можно сказать, что целью этого познания является установление границ, разделяющих разные культуры, — того, что их отличает друг от друга. Усилия антропологов и историков культуры сосредоточены в основном на выявлении специфики каждой из культур, в чем, собственно, и видят главное достоинство научного знания. Ученые справедливо гордятся своими открытиями даже самых мельчайших подробностей из жизни разных народов, как бы далеко по времени они от нас ни отстояли.

Но этим никак не исчерпывается задача постижения культуры в современном мире. В ситуации осознаваемого всеми культурного плюрализма встает вопрос и о том, где проходит граница, отделяющая культуру, которую человек считает «своей», от чужих для него культур. Что, собственно, следует считать «своей культурой»? Не так просто ответить на этот вопрос, зная, что культур много. Ведь связь с собственной культурой никому не гарантирована автоматически, в силу, так сказать, текущей в нас крови или заложенных генов. Можно быть русским по крови и не быть им по культуре, равно как и наоборот. Что же служит основанием для этой связи?

Тот же вопрос можно сформулировать как вопрос о границе, отделяющей культуру в качестве объекта познания от той, к которой принадлежит познающий субъект. Если культур много, знание о них и существование в одной из них не совпадают друг с другом. Можно знать ислам и не быть мусульманином. Знание и бытие, вопреки формуле Декарта, расходятся между собой. Знание делает человека ученым, но ничего не говорит о его культурной принадлежности. Оно как бы нейтрально по отношению к черте, отделяющей «мою культуру» от чужой.

Из того, что человек знает о разных культурах, еще никак нельзя заключить, кто он сам по культуре. Соответственно, знать и быть оказываются двумя разошедшимися между собой модальностями нашего отношения к культуре: первая подлежит ведению специальных наук, вторая требует философской рефлексии.

Андрей СМИРНОВ

«...УВИДЕТЬ ДРУГОГО, ЧТОБЫ ЛУЧШЕ РАЗГЛЯДЕТЬ САМОГО СЕБЯ»

Бинарное или тренарное мышление

Культуры по-разному определяют свою самоидентичность. В одном случае политики и исследователи фокусируют свое внимание на уникальности собственного духовного мира. В другом случае культура сопоставляется с другими аксиологическими представлениями, сравниваются фундаментальные цивилизационные особенности. В этом контексте «другая культура» оказывается своеобразным зеркалом для уточнения собственной идентичности.

В современной философии культуры активно обсуждается новая тема: можно ли считать европейский тип рациональности всеохватным, единственным или следует говорить о логиках мышления разных культур. Нет необходимости уточнять, что данная тема связана с серьезными реальностями процесса глобализации. Диалог культур не может осуществляться лишь в рамках европоцентризма.

Китайская исследовательница Го Сяоли, сравнивая произведения Достоевского, Конфуция и Лао-цзы, пришла к убеждению, что схематика мышления влияет на общество и человека. Обосновывая два строения души, она высказывает пожелание, чтобы два способа мышления могли понимать и дополнять друг друга.

Если автор статьи права и если культуры различаются логиками мышления, то вполне резонно предположить, что ее исследование, написанное представителем китайской культуры, отражает характерную для нее логику мышления. Логично предположить возможность формулировать ответ на один и тот же вопрос двумя разными способами, опирающимися на различные, более того — несовместимые основания. Эти две перспективы, будучи в строгом смысле параллельны, могут коммуницировать, но не могут пересекаться как таковые. Пересечение логико-культурных границ — акт, осуществляемый исследователем, который в таком случае должен ясно отдавать себе отчет, что можно и чего не стоит брать с собой в такое трансграничное путешествие. Пусть эти границы не сторожат таможенники, они от этого не становятся менее строгими. Применимость представляющихся универсаль-

ными логических ходов может оказаться на самом деле ограниченной рамками культуры.

Сила статьи Го Сяоли и ее позиции в том, что она способна осознать другое основание мышления, логику другой культуры, которую и называет бинарным мышлением. Если бинарность проявляется в альтернативном выборе — «или А, или В» (например: «либо социализм, либо капитализм»), то тернарность — это третье состояние: «и А и В», или «не А, не В» (например, «и социализм, и капитализм; «не социализм, не капитализм»; и «большой рывок, и сильное правительство»). Таким образом, вместе с двумя началами существует и третье начало — новая единица, гармонично соединяющая противоположные полюсы в единое целое.

Оказывается, тернарность мышления — не единственно возможное, точно так же, как бинарное мышление — не единственно возможное. Это два разных типа, два разных устройства мышления. Подавляющее большинство людей, едва ли не все, остаются в рамках присущей их культуре организации мышления. Поскольку эти мышления разные, очень трудно объяснить русским, что такое тернарное мышление (потому что они будут интерпретировать объяснение с точки зрения своего, бинарного мышления), а китайцам — что такое бинарное мышление (они ведь будут переделывать на свой лад, в соответствии с тернарным мышлением), что естественно и неизбежно. Об этой трудности также упоминает автор статьи, тем самым указывая на логико-культурные границы и трудности их пересечения.

Зададим, наконец, следующий вопрос. Действительно ли западное (русское) бинарное мышление не образует целое из противоположностей, если рассматривать эту проблему с точки зрения самого бинарного мышления, а не с точки зрения тернарного мышления?

Это очень важный вопрос, и сам по себе, и методологически, поскольку он предполагает, что мы можем получить разные результаты, разные ответы на один и тот же вопрос, когда рассматриваем его в рамках разных принципов логической организации мышления, в данном случае (в терминах автора статьи) — бинарной и тернарной. Та невозможность соединиться в целое, которое автор видит в бинарном мышлении, может оказаться таковой лишь постольку, поскольку сама она, делая этот вывод, находится в пределах предпосылок тернарного мышления.

В самом деле, возьмем традиционную (аристотелевскую) логику. Она фиксирует логический принцип западного теоретического мышления с момента его зарождения у греков и до сегодняшнего дня. В этом смысле ее значение совершенно не поколеблено системами математических логик.

То, что автор называет бинарностью, более точно на языке греческой логики именуется дихотомией (т.е. расщеплением надвое некоего целого). Я говорю «более точно», потому что в этом термине уловлено именно то, о чем у нас идет речь: две половинки, прикладываемые одна к другой, — это половинки целого. Принцип дихотомического деления образует стержень аристотелевской логики и, шире, принцип образования правильных понятий, способных участвовать в правильных логических умозаключениях.

Вот в каком смысле бинарные (как выражается автор статьи) противоположности дают целое: в том смысле, если они дихотомичны (это принципи-

ально), то вместе они составляют общий класс, причем исчерпывают его. Например, «не-разумные» и «разумные» вместе составляют общий класс «животных», причем нет никаких «животных», которые не были бы непременно либо «разумными», либо «не-разумными» и которые вместе с тем были бы одновременно и «разумными» и «не-разумными».

Итак, третье, общее для двух противопоставленных элементов, образуется непременно и в случае бинарного (в терминах автора) противоположения, не только тернарного. Но все дело в том, что механизм образования этого целого в двух случаях разный. Целое бинарного мышления — совсем иное, нежели целое тернарного мышления. (Поскольку закономерности образования целого различаются, то с точки зрения друг друга они не являются таковыми, то есть не являются закономерностями образования целого: бинарное мышление не признает за целое то, что тернарное мышление считает целым для бинарного мышления.)

Означает ли сказанное, что автор не права в своем анализе бинарного мышления и во всем, что говорит о Достоевском и его героях? Нет! Думаю, что Го Сяоли права. Но необходимо внести одно дополнение.

Дело в том, что дихотомическое (будут говорить теперь «дихотомические» вместо «бинарные») противоположности не могут совмещаться в одной вещи. Го Сяоли это прекрасно почувствовала и описала живо и ярко на примере героев Достоевского. Надо сказать, что эти примеры (то есть литературные герои) — весьма трудный «материал» для логического анализа, но она прекрасно с этой задачей справилась, показав, что дихотомическое понимание противоположностей характерно для выстраивания характера героев Достоевского. Это не значит, что Достоевский сознательно следовал логике Аристотеля и ее требованиям дихотомического деления. Конечно, нет. Это значит, что мышление писателя, творившего в русской культуре, не могло не подчиняться, пусть неосознанно, этим закономерностям формирования смысла.

Эту невозможность совмещения дихотомических противоположностей и называют законом исключенного третьего в его негативной (запрещающей) редакции: «А» не может быть «В» и «не-В» одновременно. Человек не может быть ангелом и дьяволом одновременно, либо топор, либо любовь — все эти вещи, о которых Го Сяоли так хорошо пишет, служат литературным выражением данного логического принципа.

Но человек, конечно, слишком сложнее и, главное, противоречивое существо, чтобы подчиняться законам аристотелевской логики. Я имею в виду вот что. Го Сяоли говорит, что, помимо «черных» и «белых» персонажей, у Достоевского есть и такие, в которых добро и зло, черное и белое присутствуют одновременно. Это и есть как будто нарушение аристотелевского закона исключенного третьего: противоположности присутствуют вместе. Конечно, строго говоря, здесь нет нарушения, так как законы аристотелевской логики соблюдаются, когда мы говорим об одной и той же вещи в одном и том же отношении, а это, безусловно, не так, если мы берем персонажей Достоевского: свои добрые и злые качества они являют в разных ситуациях и в отношении разных людей. Но важно не это, важно другое. Давайте зададимся вопросом: почему «добро и зло пополам» не есть тернарность. Ведь автор статьи говорит, что тернарность позволяет совместить противоположности. Хорошо, вот вам

противоположности в одном и том же человеке: добро и зло в равной доле. Почему это не тернарность, чего здесь не хватает для тернарности?

Если мы ответим на этот вопрос, то ближе подойдем к тому, чтобы понять логическую суть организации мышления китайской культуры, которую Го Сяоли называет тернарностью. Ведь «добро и зло пополам» и означает, что в человеке есть и то, и другое. Но, вероятно, в героях Достоевского нет чего-то еще, что необходимо для тернарности. Они либо добрые, либо злые в одной и той же ситуации (то есть бинарность сохраняется в базовом смысле, а тернарный человек может быть и добрым и злым в одной и той же ситуации, причем это не будет противоречием). Конечно, это лишь мое предположение, не претендующее ни на какую окончательность.

Основной вывод, который, как мне кажется, допустимо сделать из сказанного автором: китайское мышление отличается тем, что для него логически верным оказывается такое совмещение противоположностей в одной вещи, когда они гармонически центрируются (усредняются) чем-то третьим. Но тогда противоположности не могут быть дихотомическими. Только потому, что само противопоставление устроено иначе, нежели в случае западного мышления и аристотелевской логики. Китайское тернарное мышление может совмещать противоположности в одной вещи без противоречия.

Возможность корректно говорить о логиках мышления разных культур и создание методологии, позволяющей осознать как наличие логико-культурных границ, так и возможность их пересечения, представляется мне увлекательной и вызывающей задачей.

Вызовы философии

В наши дни философия вынуждена отвечать на вызовы. Один из них — вечный: это абсолютность философии. И второй современный, имеющий противоположную направленность и ограничивающий эту абсолютность со стороны других культур, которые входят в поле философии. Мне кажется, что, если мы скажем, что философия абсолютна, мы не погрешим против истины. Философия вполне осознает свою абсолютность — не в том смысле, что философия говорит обо всем и перенумеровывает все предметы познания, а в том, что она пытается дойти до конечных оснований: в этом суть философствования. Мы не можем дать определение тому, что такое философия, но если мы говорим, что философия развивалась не только в западной культуре, но и в других, то в конечном счете мы апеллируем именно к этому: к такому мышлению, которое стремится открыть предельные основания, исходя из которых можно строить знание, претендующее на универсальность.

Сама по себе эта абсолютность и является вызовом для философии, потому что абсолютное невозможно отрефлексировать. Для этого нужно сделать его не-абсолютным, для этого нужно сойти с этой точки зрения для того, чтобы на нее взглянуть.

Как мне кажется, вечная актуальность истории философии для самой философии как раз и является следствием этого вызова абсолютности. Говорят, что в философии нет парадигмальности в том смысле, в каком она имеется в науках, иначе говоря, нет поступательного развития в формулировке

способов постановки и подходах к решению задач. Так это или не так, было бы интересно обсудить, но во всяком случае можно согласиться с тем, что в философии задачи не ставились так, чтобы предполагать свое решение. Ведь каждый следующий большой философ начинает ставить задачу как будто с нуля, как если бы прежней истории не существовало. Конечно, она существует и учитывается, более того, входит, пусть и неявно, в его рассуждение (эта вечная актуальность истории философии), но сама задача ставится так, как если бы ставилась с самого начала, с самого своего основания. В этом смысле можно согласиться с тем, что философия еще не нашла свою парадигмальность, которая позволила бы превратить ее в «нормальную науку» — или же выделить еще одну науку из ее лона. Иначе говоря, философия еще не ответила на первый, вечный вызов. Но она этого и не сделает, пока не ответит на второй из упомянутых вызовов.

Это вызов, с которым философия сталкивается в эпоху современности, начиная с XIX века, но особенно активно в XX–XXI веках. Я имею в виду втягивание не-западных культур в интеллектуальную орбиту жизни Запада. С чем здесь сталкивается западная философия? Она сталкивается с тем, что о философии можно говорить не только в пределах западной культуры. Можно или нельзя? — это становится вопросом; одни говорят, что нельзя, другие утверждают, что можно, но так или иначе эта тема входит в поле рассуждений.

С чем же тогда встречается философия? Западная философия встречается с тем зеркалом, в которое она может посмотреть, чтобы разглядеть саму себя: разглядеть себя в зеркале других философских традиций. Это может показаться странным — необходимо увидеть другого, чтобы лучше разглядеть самого себя, но это именно так. И тогда западная философия может лучше понять саму себя.

Мне очень нравится мысль, которую высказал Ф. Жюльен в своей книге «В обход или напрямик: Стратегия смысла в Китае и Греции». Только занятия китайской мыслью, говорит он, позволили мне понять, насколько необычна наша собственная, западная культура, которая восходит к грекам: то, что я всегда принимал как само собой разумеющееся, перестало быть таковым. Для Ф. Жюльена появилось то зеркало, в котором он увидел не-обычность, более того, не-гарантированность того, что обычно воспринимается как единственно возможное.

Таким образом, столкновение с другими философскими традициями может оказаться очень полезным для самой западной философии. Ведь дело не в том, чтобы призывать западных философов и историков западной философии к общению с не-западными философскими традициями — арабской, китайской или индийской философиями: а вдруг им это не интересно? Конечно, может быть и не интересно; но тогда нечто весьма существенное теряет и сама западная философия: она теряет возможность саморефлексии, возможность увидеть собственные основания в зеркале другой традиции, строящейся на других основаниях.

С чем же мы встречаемся, когда встречаемся с другой культурой?

Мне кажется, что оба слова «другая» и «культура» важны, чтобы ответить на этот вопрос. Другая культура может быть «другой» содержательно, и это

совершенно очевидно и тривиально: как бы мы ни понимали культуру, от культуры поездки в троллейбусе до культуры в смысле «западная культура» или «арабо-мусульманская культура», мы всегда найдем содержательные различия. Но культуры могут различаться между собой и логически, и это гораздо более интересный тип различия. Содержательное различие есть всегда, а вот логическое — только между крупными макрокультурными ареалами, среди которых можно назвать западный, арабо-мусульманский, думаю, китайский, возможно, и индийский.

А что такое культура? На этот вопрос можно отвечать по-разному, но мне нравится такой ответ: культура — это способность разворачивать смыслы, способность смыслополагания. И тогда понятно, что, коль скоро речь идет о культурах, которые могут иметь разную логику, значит, речь идет о разной логике разворачивания смыслов. Мы говорим об «универсалиях культуры», то есть о некоторых смысловых атомах, исследуя которые, мы как будто бы исследуем всю культуру, забывая, что культура — это не атомы значений, так же как наша речь — это не слова и не язык; наша речь — это речь, и мышление — это не просто понятия, а развернутость понятий. Так вот, и в культуре, и в речи, и в мышлении есть что-то, что не сводится к этой атомарности значений, а именно — связность. Именно это делает речь речью — а вовсе не словарь (набор атомарных значений-слов) и не язык как система формальных средств. Точно так же культура — это не атомарные «универсалии», а прежде всего связность — смысловая логика, позволяющая превратить этот набор «значений» в подлинную «речь» культуры. Так же как у Аристотеля континуальность, то есть связность, времени и пространства первична: невозможно выделить атомарный момент времени, например, настоящего, иначе как границу между прежде полагаемыми континуальными, а не конструируемыми из атомарности, прошлым и будущим; так же как точка понимается как пересечение двух линий, тогда как линию невозможно сконструировать из набора точек, поскольку в них отсутствует связность, наличествующая в линии и только и делающая ее линией, — точно так же и при исследовании культуры невозможно восстановить связность, занимаясь атомарными значениями: связность может быть редуцирована до таких атомов смысла, но никак не наоборот. Тот тип связности, который характерен для той или иной культуры, который характеризует способ, которым она разворачивает свои смыслы, и составляет ее особую логику, — если, конечно, этот тип связности действительно особый.

Поэтому, как мне кажется, работая с другой культурой, надо прежде всего обращать внимание на тип связности, который для нее характерен. Если мы работаем в пределах — по большому счету — одного типа связности (в пределах, как я его называю, одного макрокультурного ареала), то есть если мы занимаемся греческой культурой или средневековой западной культурой, мы можем в принципе не обращать на это внимания, потому что наша интуиция смысловой логики, то есть логики, определяющей, как должны быть связываемы разные значения, в целом срабатывает. Но если мы работаем с другой культурой, например с арабской, эта интуиция не будет срабатывать: да, она будет давать подсказку, но эта подсказка окажется ложной, и с ложностью таких подсказок мы будем постоянно сталкиваться, если станем всерьез зани-

маться тканью культуры, тем, как она сделана, а не выхватывать из нее понравившиеся нам элементы (которые мы как по заказу «безошибочно» будем опознавать как значимые, пропуская все прочие) и перенося на них логику собственной культуры, работать в этом сконструированном нами пространстве, уже не имеющем отношения к пространству изучаемой культуры.

Вот почему мне трудно согласиться с тезисом о том, что в арабской философии есть нечто, существенно роднящее ее с западной. Нет, там есть нечто содержательно ее роднящее; конечно же, фальсафа заимствовала греческие учения. Однако арабская философия, во-первых, не сводится к фальсафе, и во-вторых, фальсафа не сводится к заимствованиям у греков. А в-третьих, и это самое главное, опознавая только знакомое, только «клоны» греческого мышления в арабской культуре и отводя все прочее в область нашего «слепого пятна», мы теряем нерв культуры и нерв философии, развившейся в ее рамках, — ту самую внутреннюю логику, способность разворачивать смыслы, то есть способность строить связность на определенных основаниях.

Я не буду дальше развивать эту мысль; те, кому интересно, могут посмотреть мои работы, где эта проблематика разработана (и будет разрабатываться дальше). Вместо этого я сошлюсь на Мухаммада Абида ал-Джабири, может быть, наиболее выдающегося современного арабского философа (уже, к сожалению, покойного), который в 1980-е годы выпустил очень интересный двухтомник под общим названием «Критика арабского разума» — название не может не говорить многого философам (о нем можно прочесть в недавно выпущенной монографии Е.А. Фроловой «Дискурс арабской философии»).

Его исходная мысль заключается в том, что в истории человечества только два культурных ареала поднялись до уровня подлинного научного мышления: это греко-западная традиция и арабская традиция. Именно это оправдывает его разговор об «арабском разуме». И дело не в том, как мы будем относиться к этому утверждению; дело в том, что мы слышим голос самой арабской традиции. Философы говорят о западной традиции, и нам интересно услышать, что они думают о себе в свете западной традиции. Так чем же отличается «арабский разум»? С точки зрения ал-Джабири, «арабский разум» отличается тем, что обращает внимание на действенный характер реальности. Иначе говоря, реальность видится как сумма неких действий, которые должны быть возведены к действителю, непосредственно связанному с тем, что претерпевает действие.

Это очень интересное наблюдение, тем более интересное, что оно высказано в недрах философской культуры этого региона. Оно влечет массу интереснейших следствий.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

КРОВОТЕЧЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Подорога Валерий. Время после. Освенцим и ГУЛАг. Мыслить абсолютное зло. М., 2013. 174 с. (тираж не указан)

Времена, эпохи не схожи. Известный философ Мартин Бубер различал эпохи спокойные, благополучные и тревожные, драматичные. В истории случаются трагические события, которые усиливают бег времени. Но бывают и такие эпохи, когда время точно цепенеет, останавливается, вызывая к предельной концентрации разума. Тогда является Гамлет, «мыслящий пугливыми шагами». Однако при разломах времени, которые едва не останавливают его течение, расшатывается не только век. Кажется, все срысывается с крючков и петель. В книге известного философа Валерия Александровича Подороги речь идет о посткатастрофическом времени. То, что наступает после него, не позволяет думать так, как это происходило в других веках.

«Время-после мы связываем с двумя событиями, которые разбили европейскую историю XX века на фрагменты: это Освенцим и ГУЛАг. Время-после — это следствие именно этих грандиозных европейских катастроф» (с. 7). Нам не хватает политической воли, ответственности перед историей и человечеством, чтобы до конца промыслить то, что случилось в середине минувшего столетия. Многое мешает этому процессу — смена политических режимов, неувязки, сглаживающие память, возрождение авторитарного мышления.

Нет сомнения в том, что без расчетов с прошлым нельзя застраховаться от повторений катастрофы. Мы видим, какой манкой обладает сегодня фашистская идеология в ряде стран. Предисловие к книге не зря называется «Память и забвение». Надо избежать зияния в «историческом опыте нации». А это означает, что сохранившиеся документы, редкие фотографии и кадры документальной съемки как следы нацистской машины уничтожения не имеют права безмолвствовать. Но они и не безмолвствуют. *«Эти фотографии, — отмечает автор, — отталкивающе невозможны, они даже и не разоблачают, они говорят нам о невообразимом по чудовищности преступлении»* (с. 22).

Но разве сегодня мы способны воспринимать боль и чудовищность этих кадров? Увы, налицо определенная анестезия чувств. Известный американский психолог Р. Лифтон, изучая последствия Хиросимы, показал, что есть такой предел восприятия, когда наблюдающий впадает в состояние полного бесчувствия. Этот механизм называют мортификацией. Так рождается неспособность постичь абсолютное Зло.

В.А. Подорога в то же время выступает против бездумной демонизации преступных событий. В своих попытках раскрыть недопустимость, непредставимость злодеяний мы невольно трансцендируем Зло, а преступников оцениваем как неких пришельцев, одновременно отдавая себе отчет в том, что их злодеяния рождены в лоне европейской культуры. Толкование зла как некоей банальности чревато тем, что можно притерпеться к фатальному исходу истории.

Теодор Адорно в книге «Негативная диалектика» спрашивает: как можно писать стихи после Освенцима? Освенцим — это факт тотальной культурной катастрофы Запада. *«Глубокая разрывная травма, — пишет В.А. Подорога, — лишает жертву защиты от прошлого, делает неспособной к полноценному существованию, теряется особо ценная человеческая способность — уметь забывать. Так, срабатывает механизм темпоральной перестановки: после уходит назад в прошлое, а до захватывает будущее, меняясь с прошлым местами, — механизм забвения»* (с. 24).

В наши дни действительно преобразается человеческая оптика. Те, кому это выгодно, отрицают очевидные факты. В ходе таких инверсионных разворотов оправдываются сходные, уже новые факты и события. Так рождается предпосылка для отрицания этического измерения истории. Осмысливая уроки прошлого, Валерий Александрович Подорога берет в единомышленники видных европейских философов и психологов, опирается на их доводы, обеспечивает переключку мнений и суждений, но при этом не увязает в непрекаемости высказанных мыслей, а последовательно и ответственно выстраивает логику собственной оценки грозных событий прошлого.

История, надстроившись над природой, снова падает в нее. Фатальность возврата событий, которые не были глубоко осмыслены, — это обозначение своеобразной игры. Заратустра впадает в отчаяние, когда обнаруживает, что преодоленное способно вернуться. Идея прогресса основана на линейности времени. Однако вечное возвращение стремится отбросить прошедшее прошлое и завершить историю. *«Но для этого, — отмечает В.А. Подорога, — нужно вернуться к истокам, архэ, к самим истокам Природы, чтобы и пояснить, откуда появляется «вечное» в этом сокрушительном возврате прошлого. Такое мышление стоит рассматривать как форму негативного мимезиса истории, который скрывается за видимостью того, что можно назвать реальностью современного: впадение истории в природу»* (с. 38).

Тоталитарная система отлажена таким образом, что отбирает у человека национальную и культурную самотождественность. Пытка применяется в лагерях непрерывно, бесперебойно и абсолютно безлично. Она становится настолько рутинной, обиходной, фигура палача теряет свои функциональные очертания. Валерий Александрович Подорога вслед за Ханной Арендт показывает, что Зло становится абсурдным, бесполезным и алогичным. При этом само уничтожение людей обретает немыслимую завершенность: человека надлежит уничтожить так, чтобы не осталось никаких следов, чтобы не было сомнения в том, что этот человек когда-либо существовал.

Насилие при всей своей внешней обезличенности требует исполнителей. Новый порядок, каким бы он ни был, невозможно установить без бюрократической машины. В.А. Подорога исследует психологию палача и жертвы. Он

раскрывает поразительную инверсию. При автоматическом действии всей системы жертвы оказываются палачами, а палачи жертвами. Палач, расплакая приказом, уже не воспринимает себя как насильника. Он тоже жертва, такая же, как и убиваемый. Не будет преувеличением сказать, что В.А. Подорога, обращаясь к кинофильмам, архивным документам, размышлениям философов, ведет своеобразное расследование. Разумеется, речь не идет о моделировании Нюрнбергского процесса. Но в ходе изложения материала для объективной оценки событий отмечается, почему палач и даже жертва не могут рассматриваться в качестве свидетелей. Парадоксальный факт — жертвы не находятся с нами в ценностно соизмеримых мирах. Их привилегия в том, что они были в Аду. *«Они потрясены болью и страданием, раздавлены и уничтожены, они уже не живут, они только носят изо дня в день свою смерть за спиной, как ранец. Глубочайшее сочувствие и сострадание — вот что меня объединяет с этим образом, и ничто другое»* (с. 55).

Незыблемость современного общества опровергается фактом его атомизации, размытости. Нынешний социум называют транзитным. Он находится на изломе, превращается в нечто, что, к сожалению, не имеет четких очертаний. Неизбывная переменчивость, перемешивая человеческий материал, выносит на поверхность социальных анонимов. Безымяннен не только бомж, не замеченный в каких-либо социальных акциях, но и киллер или чиновник-коррупционер. Неприкаянность — вот метка современной жизни.

Валерий Александрович Подорога обращается к работе Теодора Адорно «Авторитарная личность». Благодаря этому типу утвердился нацизм, сложилась машина уничтожения, оформился палач как экстремист порядка. Настоящий палач осуществляет свои акции с такой чудовищной жестокостью, так, словно он стер в себе все человеческие качества. В своей функциональной активности он — нечеловек. Он не переживает вины, не мучается совестью, не пребывает в нерешительности, получив приказ.

Универсальность монографического замысла В.А. Подороги поддерживается не только философской словесностью. Он обращается также к опыту литературы. Два европейских писателя стремились разгадать мир до и после Освенцима — Ф. Кафка и С. Беккет. Кафка раскрыл «ничтожность» жизни маленького человека перед Законом, Насилием, Деспотом в тот период, когда лагерей смерти еще не было. Кафка добивается негативного мимезиса читаемого. От роли наблюдателя персонаж дрейфует к субъекту, который вынужден очнуться от кошмара. *«При первом же устремлении к «схватыванию» реальности, и едва прикоснувшись к ней, мы вынуждены отпрянуть назад. Так и субъект познания бывает настолько потрясен, шокирован, что теряет ориентацию в пространстве-времени, он действительно распадается... В адорновской герменевтике литературы и искусства подобные мгновения являются предметом пространственных критических рефлексий»* (с. 85).

Что можно сказать о персонажах Беккета? Они влачат жалкое существование. Они вообще не живут. Так же как и не являются персонажами. Их удел — серые будни, в которых скудость и беспросветность оказываются нормой. Беккетовские «доходяхи» выжили после мировой катастрофы. Но рассказать о ней они не могут в силу свойственного им беспамятства.

Исследование Валерия Александровича Подороги содержит и опыт апофатической антропологии. Он связывает ее с временем ГУЛага и творчеством Варлама Шаламова. Здесь рассказ о мучениках, а не героях. Многое передается через опыт символизации. В.А. Подорога выделяет несколько линий, касающихся лиственницы как символа. Первая линия — лиственница как мировой символ. Шаламов стремится поделиться собственным опытом, но приобщить всех к этой жизненной практике — лагерной повседневности. Вторая линия — символики — отождествление с деревом, зверем или камнем. Шаламов представляет себя как искореженное, почти погибшее гулаговское дерево. При крушении личностной идентичности рождается воображаемая самотождественность как пример ее распада. Но предлагается и еще одна символическая линия. Она олицетворяет пробуждение к жизни. *«Конечно, — пишет В.А. Подорога, — все эти линии не существуют отдельно, у них множество точек пересечения, которые их смещают, прячут, уводят в глубину к другим линиям, или выбрасывают на поверхность повествования. Под этими точками я понимаю смысловые узлы, благодаря которым возможна реконструкция шаламовского видения ГУЛага как мира, в котором он видел зеркального двойника сталинского социума»* (с. 96).

Валерий Александрович Подорога исследует мифологему мирового древа. Этот символ определяется как один из самых универсальных структур человеческого сознания. Через иносказание Шаламов приступает к описанию ада, но иного, чем у Данте. В этом аду нет людей вообще. Однако при воссоздании образа ГУЛаговского Ада Дантовский присутствует. Шаламов претерпевает в Аду телесные страдания, связанные с болезнями, непосильным трудом и избиениями. Писатель ведет нас по кромке собственной памяти. Шаламов опирается на коллективную память, на кристаллизацию коллективного бессознательного.

А. Бергсон одним из первых осуществил демаркацию между памятью тела и привычками от памяти-воспоминания. Память-воспоминание — это когда по мнемонической кромке ведет собственное тело. Оно помнит и позволяет отобрать телесные знаки, придать им смысл. По словам В.А. Подороги, есть единственный путь к ГУЛагу — это память униженного, оскорбленного и разрушенного тела.

Что является итогом выживания в лагере? Писатель конкретен в своем выводе — распад. *«В центре лагерного опыта В.Ш. человеческое тело и его способность к выживанию в исключительных ситуациях, когда угроза уничтожения и смерти чрезмерно высока. Все чувственные переживания и «ощущения», в основном отрицательные, откладываются на нескольких уровнях глубинной памяти. Конечно, она зависит от характера воздействия на нас сил, уничтожающих все человеческое: от сил холода, голода, насилия, от сил болезни и труда, бесполезного, предельно изматывающего. Силы эти внешние, подавляющие и истребляющие возможности всякого внутреннего сопротивления»* (с. 121).

Та разновидность антропологии, которую Валерий Александрович Подорога называет отрицательной, направлена на выявление процесса, в ходе которого уничтожается все человеческое. Человек превращается в животное. Он становится зверем, палачом и садистом. Данный процесс не одновременный.

Расщепление единого душевно-телесного комплекса, который характеризует личность, результат многолетнего воздействия деструктивного насилия. Распадается полноценное и суверенное Я. Но окончательная деперсонализация воспринимается другими в ином видении — она может оцениваться как отступление от привычной нормы, как чудачество. Так, В.А. Подорога исследует реинтеграцию травмы. Не так-то просто до конца осуществить отрицание отрицательного опыта. Травма нередко остается не реинтегрированной ни психически, ни физиологически. В этом случае она не ограничена в своем разрушительном действии.

Что касается Шаламова, то ему удастся собрать в себе новую личность через авторскую ипостась, кристаллизовать новую личность. Нет необходимости специально подчеркивать, насколько болезненен этот процесс. Но в этом вызове, по словам В.А. Подороги, есть что-то от религиозной напряженности конца человеческих времен. Автор изучает психологию экстремальных ситуаций с гораздо большим погружением, чем, скажем, американский психолог Р. Лифтон, автор книги «Пережившие Хиросиму». Он ставит проблемы, которые по первому впечатлению кажутся избыточными. Одна из них — есть ли стыд выжившего после лагерей? Автор книги пишет: *«Никто из тех, кто преследуется политическим режимом, не является с его точки зрения невиновным. Поскольку вина определяется не поступком, совершенным преступлением, а «неблагонадежностью» и общей идеологией устрашения, — превентивными санкциями, которыми тирания легитимирует свое право на абсолютную власть. Наказание должно быть чрезмерным, и применяться ко всем, не взирая на возраст, пол, чувство раскаяния или заверения в преданности»* (с. 131).

Книга завершается размышлениями в области антропологии власти. Валерий Александрович Подорога показывает, что великие исследователи новейших форм тирании — А.Ф. Лосев, С. Эйнштейн, М. Бахтин — установили, что тираническая власть несет с собой избыток в средствах и условиях господства над другими. Исследование В.А. Подороги направлено в конечном счете на десакрализацию власти.

Эльвира Спинова

SUMMARY

EDITOR'S PAGE

Vagif Guseynov. EVERYTHING'S GOING TO BE FINE?

Recently, the situation in the Russian-Ukrainian relations became somewhat calmer, and now the struggle for Novorossiia took political rather than military dimension. Its significance has declined slightly, and the Protocol on Armistice, signed by the representatives of the OSCE, Russia and Ukraine on September 5 in Minsk, became a reflection of the gridlock in which both direct and indirect actors that one way or another engaged in the conflict in the East of Ukraine had founded themselves in.

There develops another very dangerous process in the foreign policy track. On the one hand, the armed upsurge of the so-called Islamic State of Iraq and the Levant (IGIL) has made the United States to lower its rhetorics on Ukraine and start looking for cooperation with Russia to fight against this terrible evil. On the other hand, say observers, the Islamic terrorists threaten Russia, rather than the United States.

Thus, there was another close call in early Fall. In view of the likely increase of the investment decline in the coming months caused both by the fundamental weakness of the economy and the imposed sanctions, Russia has real chances to slip into a full-scale recession that might last for a year or more.

PRESSING TOPICS

Boris Chernyshev. INADEQUACY IN THE RUSSIA'S STATE DECISION-MAKING
PREPARATORY MECHANISM IN THE 20TH — EARLY 21ST CENTURIES
(Essay on historical analysis)

The Law «On the strategic planning in the Russian Federation», signed by the RF President Putin on June 28th, 2014, gives way to restore the state strategic management «forgotten» in the post-Soviet Russia. To this effect, it is needed to critically reflect on the state decision-making experience of passing governmental solutions proved (somewhat later) not to be in conformity with the reality and on priority choice, related to them, in solving the arising problems. This negative experience holds a number of instructive lessons of the history that ought to be learned to avoid the repetition of the past errors.

Pavel Gurevich. THE BOILING HATRED

The differences in political disputes are surely a legitimate phenomenon. But is this degree of hot mutual reprobation needed? Did the Slavophiles and Westernizers, while considering the Russian historical routes, treat their opponents indignantly, scolded and insulted them? Why to denounce, to rip off the stripes, or, in Russian, *razlampasit'*, to pour scorn? Is there, really, any use in presenting the ideal thought movement, undoubtedly reputable and having gained unquestionable historical achievements, as some scarecrow? How to lower the degree of hatred? This is what the author is trying to sort out in his article.

THE ISSUE'S MAIN TOPIC:

THE EAST PARTNERSHIP PROJECT «BEFORE» AND «AFTER» THE MAIDAN.

PART 2. EAST PARTNERSHIP: THE LITHUANIAN EXPERIENCE AND THE LATVIAN PLANS.

PART 3. SCENARIOS OF THE FURTHER DEVELOPMENT OF THE EASTERN PARTNERSHIP AND POLITICAL SITUATION IN EUROPE

The Lithuanian leadership considered the East Partnership program, initially excluding Russia from the European Union relations with the six post-Soviet republics, as the optimum form for implementing their foreign policy concept, so, in Vilnius, they took the European Union presidency institution as their historical chance — option to put their foreign policy into all-European practice by means of the East Partnership program.

Despite its failure in November 2013, the East Partnership program has been listed among the priorities of Latvia's presidency in the EU Council in the first half of 2015. In this connection, Riga is to be faced a bad need to analyze the further ways of developing the East Partnership program to stipulate the possibilities to increase the efficiency of the program with simultaneous decreasing the built-in conflict potential, which had revealed itself in Ukraine.

To perceive the main context, in which the East Partnership is being developing at the moment, means to be able to model possible scenarios of the further development of the program and corresponding development of the international situation in Europe. To determine what role the East Partnership initiative might play in Europe it is needed to determine the possible scenarios of development of the program itself.

FOREIGN AFFAIRS

Lyudmila Oleinik. ISRAEL AND GAZA. THE ON-LINE WAR OF EXHAUSTION

Mass media have for long become a tool handled by the political actors. Wars, conflicts are presented by this or that party absolutely differently. Now, the media have been complemented by such powerful platforms of com-

munications as social networks as well. While the bombardments both of Gaza Strip and cities of Israel are going on, the world of major internet-communities is divided into two camps — the pro-Palestinian activists and the Israeli policy supporters.

Yulia Sveshnikova. MALAYSIA BEING TRAPPED INTO ISLAMIZATION:
FREEDOM OF RELIGION IN EXCHANGE FOR POLITICAL CREDIT

The article refers to Malaysia, which has lately shown itself to be a kind of locomotive of Islamizing the science and public and political life, while still keeping its status of an Asian Tiger and being, in general, the dynamically developing multinational and multireligious country. Does the state of Malaysia really succeed in maintaining the balance between the tradition and modernism, which would assure peaceful co-existence of its so diverse population and provide for the outside positive image, which is strategically necessary for inflow of investments? To judge by the public and political discourse of the late, the struggle between the traditional and modernist elements is increasingly becoming more appreciable, while the society becomes all the less balanced.

Eldar Kasayev. ABOUT RUSSIAN OIL PROJECTS IN IRAQ

The Russian oil companies are increasingly proactive in the Iraq market, realising a number of projects to develop the mineral subsoil wealth of this Arab state. The energy-resource business cooperation between the two countries has its effective support at the high state level.

Boris Sidorov. SOME ASPECTS OF MODERN ECONOMIC INTERRELATIONS IN THE CENTRAL ASIA

Today, the most topical issue is not so much accelerating the integration process within the CIS territory, but rather searching for qualitative "touching points" that would allow to more adequately estimate the prospects of development. This tendency is becoming increasingly more obvious in the region of Central Asia (CA).

ECONOMICS & FINANCE

Valery Paulman. THE ECONOMIC CRISIS IN THE CONTEXT OF GROWING TENSION

The sixteenth global economic crisis that began in the United States in 2007, for the seventh year in a row torments all countries throughout the world. From previous crises, it differs not just with its longevity, but also with the combination of factors that had created it and constantly fuelled its dynamics, as well as with the circumstances in which it is being developed. Today, there are all grounds to state that we are experiencing a new type of economic crisis. As journalist Ivan Tkachev precisely put it, 'The crisis has killed the classical theory of Economics stone dead'.

Sergey Lutsenko. ONCE AGAIN ON DEVELOPING THE STATE-PRIVATE PARTNERSHIP
IN THE RUSSIAN FEDERATION: THE EXPECTATION PROMPT

The state-private partnership is one of the major aspects of development of the domestic economy. Taking its mechanisms into use gives some advantages both to the state (the public participant) and to business. New investment possibilities are opened to the private entrepreneurship, and, in turn, new sources of incomes, possibilities to participate in larger projects. Besides, the state-private partnership means to use material (financial) and intellectual potential of private business in the spheres that are traditionally put under the state's responsibility.

«ROUND TABLE»

SPIRITUALITY AND THE CONTEMPORARY CONFLICT OF CIVILIZATIONS

The participants in the discussion are Academician of the Russian Academy of Education, Professor L. P. Buyeva, Dr.Sc. (Philosophy), and E. M. Spirova, Dr.Sc. (Philosophy).

The Round Table is hosted by Professor P. S. Gurevich, Dr.Sc.(Philosophy).

The conflict of civilizations, both ancient and contemporary, backward and advanced ones, is a long-standing subject matter to the social philosophy. So, with such a historical instance in mind, the following questions were under the discussion —

1. Has the understanding of a civilization changed within the latest centuries?
2. What is globalization impact upon the fate of civilizations?
3. Is it right to speak of the conflict of civilizations today?

PUBLICATIONS

Gennady Bocharov. FROM THE SILENT SKETCHBOOK

The completion of the Silent Sketchbook chapter, being a part of the Sunset Manually book of memoirs, published by the Molodaya Gvardiya Publishing House several years ago.

You, sure thing, remember the Zakharov-directed film, *The Very Same Munchausen*. Star-actor, Oleg Yankovsky, was superb as the German baron — the incorrigible tale-teller and romancer. But baron Munchausen lived his life of the extravagant whims, while our character, Eduard Alexandrovich von Falz-Fein, the patriot and patron of arts, successfully puts into practice his grandiose plans. There are so many good deeds he had done, that one cannot help wondering — how he managed to succeed. They have made up such an abundance, that the name of their maker is worth to be mentioned in the History of Russia and Ukraine that are ample with the deeds by our — ungifted quite often, alas, — high-ranking rulers of destinies. True, the baron does not try to do more than he can and make the whole world happy. Everything he did and does, subjected to the one and only purpose — to preserve his Motherland's historical property and to make the life better for the people living on the land of his ancestors.

*Alexandra Villvovskaya. TRAUMA — WAR — TRAUMA — WAR...
HOW TO BREAK THIS VICIOUS CIRCLE?*

It is everybody's knowledge that violence might spawn forth traumas. But, in the same way, a trauma might spawn forth violence. The causes of violence — wars, household cruelties, violent social and legal proceedings — are considered to be some kind of more obvious phenomena. Nevertheless, the research and practice of treating the psychological trauma allow to claim that it is easier to understand different types of violence (from military conflicts to a household scuffle), if their studies are complemented with the trauma phenomenon.

Philosophical Club

Vyacheslav Styopin. WHAT IS THE MEANING OF SOCIAL RELATIONS TODAY?

Even a most simple act in the human practical activities suggests some complex system of man's social communications and relations. Let us say, someone took a shovel, dug up an orchard bed with it, and then by means of a saw, axe, hammer and nails built a fence of boards. The man did all these labour operations alone, with no outside assistance. Then, why it is affirmed, that no human activity is possible outside the — system of his relation with other people?

Vadim Mezhev. THE CULTURE AS MIRRORED BY THE PHILOSOPHY

Culture cannot be seen with the same eyes that see things of the outside world. It is another kind of eyesight is required here — seeing with the mind, or speculation, the ability the philosophy granted with. It is just the philosophy to be asked, in what way the culture becomes a possibility and what it really is. The philosophy does not study culture in its diverse manifestations, but it proves the very possibility of its existence in the world (hence, the possibility to cognize it as well). It is in such a capacity it becomes the philosophy of culture.

Andrey Smirnov. «...TO SEE SOMEONE ELSE TO BETTER MAKE OUT OF YOURSELF»

The cultures are varied in defining their own self-identity. In one case, politicians and scholars are focused at the uniqueness of their own inner world. In another case, a culture is associated with other axiological ideas, the fundamental civilization features are compared. In this context, 'a different culture' is perceived as a mirror of a kind to clarify one's own identity.

The author suggests the answer to the question, What are we facing, whenever come to meet a different culture?

NOTES ON A BOOK'S MARGINS

Elvira Spirova. HAEMORRHAGE OF THE TIME

Podoroga, Valery. *The Time After. Auschwitz and Gulag. To celebrate the absolute evil*. M., 2013. 174 pp.
(Circulation is not specified).

The ages, epoches are not similar. The well-known philosopher Martin Buber made distinctions between quiet, safe, disturbing, and dramatic ones. There occur tragical events in the history that made the time run faster. But there are also such epoches when the time seems to freeze up, it stops asking for the utmost concentration of the mind. Then a Hamlet appears, «celebrating by timorous steps». But at the time-breaches that are about to stop its flow, it is not just the age that shattered. Everything seems to break off from hooks and loops. The book by a well-known philosopher, Valery Alexandrovich Podoroga, tells of the post-catastrophic time. That which comes after it, which gives no chance to think of how something similar occurred in the ages passed.

ОБ АВТОРАХ

Бочаров Геннадий Николаевич — член Союза писателей Москвы, автор многих документальных книг, изданных в разное время общим тиражом полтора миллиона экземпляров. Большинство его работ переведено на основные языки мира.

В течение ряда лет Геннадий Бочаров работал специальным корреспондентом «Комсомольской правды», обозревателем «Литературной газеты», политическим обозревателем при генеральном директоре ТАСС, политическим обозревателем «Известий» и «Российской газеты». В качестве специального корреспондента побывал более чем в 50 государствах мира, в том числе во всех его «горячих точках».

В советское время был удостоен высших профессиональных наград: премий Союза журналистов СССР, им. Михаила Кольцова, им. Владимира Гиляровского, Ленинского комсомола. За репортажи с космодрома Байконур удостоен почетных знаков им. Ю. Гагарина, академика С. Королёва и т.д. Награжден орденами и медалями СССР, включая боевой орден Красной Звезды.

Недавно Г. Бочаров «по совокупности творческих достижений» был удостоен премии Союза журналистов Российской Федерации «Золотое перо России».

Книга Бочарова «Русская рулетка» в начале девяностых годов стала подлинным мировым бестселлером — ее издали крупнейшие издательства Лондона, Парижа, Нью-Йорка, Берлина, Стокгольма, Люксембурга и др. Тема большинства книг Г. Бочарова — человек преодолевающий. Лучшие работы Г. Бочарова составляют учебное пособие — книга «Чистые вершины» — для отделений иностранных университетов, на которых изучается современный русский язык.

В течение последних 20 лет Г. Бочаров переизбирается членом Правления Международного фонда авиационной безопасности. В этом качестве он участвует во всех международных семинарах, которые проводятся в различных точках мира. Авиационная тематика занимает значительное место в его творчестве.

Вильвовская Александра — кандидат педагогических наук, телесный и танцевальный терапевт, embodiment facilitator, сертифицированный специалист по работе с травмой, исследователь темы телесности, руководитель проекта «Тело — в дело».

Гоцуленко Владимир Николаевич — генеральный продюсер издательского центра «Диорама» и газеты «Московский комсомолец» в Украине. Писатель, поэт. Лауреат литературных премий им. Эдуарда Багрицкого и им. Николая Островского. За большой вклад в отечественную культуру награжден Пушкинской медалью с занесением в Почетный реестр попечителей в Пушкинском доме (Санкт-Петербург) и в Государственном музее А.С. Пушкина (Москва).

Гуревич Павел Семёнович — доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, директор Института психоанализа и социального управления, президент Московской ассоциации психоаналитиков.

Вице-президент Академии гуманитарных исследований, академик РАЕН, Международной академии информатизации, Академии педагогических и социальных наук. Специалист по философской антропологии, глубинной психологии, философии культуры и современной западной философии.

Главный редактор журналов «Философия и культура», «Психология и психотехника», «Педагогика и просвещение», «Филология: научные исследования». Автор многочисленных монографий, школьных и вузовских учебников, в том числе «Философская антропология» (2008), «Основы философии» (2011), «Эстетика» (2011), «Философское толкование человека» (2012), «Философская интерпретация человека» (2013).

Гусейнов Вагиф Алиовсатович — директор Института стратегических оценок и анализа (ИСОА), главный редактор журнала «Вестник аналитики», член Совета по внешней и оборонной политике (с 1998 года), член Российско-китайского Комитета дружбы, мира и развития, член правления Совета Средиземноморско-Черноморских исследований (Институт Европы РАН), член правления общества «Россия — Германия». Генерал-майор в отставке.

Автор книг: «Хроника тайной борьбы», «Пьянящий дурман власти», «Война компроматов», «Каспийская нефть — экономика и геополитика», «Политика у порога твоего дома» (2008). Соре-

дактор и издатель монографий: «Иракский кризис и становление нового мирового порядка» (Москва, 2004) и «Средиземноморье — Черноморье — Каспий: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком» (2006). Соавтор, редактор и издатель книг: «Россия-Великобритания: очередное охлаждение» (2007), «Большой Ближний Восток. Стимулы и предварительные итоги демократизации» (2007), «Южный Кавказ: тенденции и проблемы развития (1992-2008 годы)» (2008), «Россия в изменяющемся мире» (2008). Член редакционной коллегии аналитических сборников: «Стратегия для России: 10 лет СВОП» (2002), «Конкурентоспособность России в условиях глобализации» (2006), «Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего» (2007), «Россия и Мир — Новая эпоха» (2008), «Центральная Азия. Геополитика и экономика региона» (2010), «Нефтегазовый комплекс России: тенденции развития (2000–2010 годы)» (2011).

Автор многих статей по вопросам международной политики, отношений России с ЕС, энергетической безопасности, проблемам Ближнего и Среднего Востока, стран Южного Кавказа, внутренней политики и экономики России.

Касаев Эльдар Османович — кандидат экономических наук, юрист-международник, специалист по инвестициям в энергетику стран Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА). Родился 20 января 1985 года в Москве. После окончания Международного института энергетической политики и дипломатии МГИМО (У) МИД России находился на дипломатической службе в Катаре, затем занимал должность научного сотрудника Центра ситуационного анализа РАН. Автор более 280 научных и аналитических статей, монографии «Катар в XXI веке: современные тенденции и прогнозы экономического развития» (2013) и брошюры «Россия-Турция: современное состояние и возможный сценарий развития экономических связей» (2013). Сфера научных интересов: исследование правовых аспектов пользования недрами, анализ инвестиционного климата, оценка перспектив деятельности российского и иностранного бизнеса в ТЭК государств БВСА. Участвует в ситуационных анализах, а также других исследовательских проектах по заказу российских нефтегазовых компаний и политических структур. Регулярно выступает гостем аналитических программ телеканалов РБК, ТВ Центр, RT Arabic.

Луценко Сергей — эксперт НИИ Корпоративного и проектного управления. Независимый консультант в области гражданского, финансового, корпоративного, налогового права РФ, а также правоприменительной практики с точки зрения правовых рисков при ведении бизнеса в России.

С 2011 года совместно с Администрацией Президента России участвует в разработке (в рамках научного консультирования) будущих контуров в отношении законодательства об электроэнергетике (совершенствование модели ценообразования в электроэнергетике).

Автор более 70 научных статей (финансовые контракты, корпоративное право, финансирование компаний и инвестиции, модели корпоративного управления). Публикации представлены в таких изданиях, как «Финансовый менеджмент», «Корпоративные финансы», «Слияния и Поглощения», «Цивилист», «Современное право», «Корпоративный юрист. Практикум» и т.д.

Межуев Вадим Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН. Специалист в области философии культуры и социальной философии.

Мейер Оливер — сотрудник Отдела международной безопасности Германского института международных дел и безопасности (Stiftung Wissenschaft und Politik, SWP). Прежде работал старшим научным сотрудником в Институте исследования проблем мира и политики безопасности Гамбургского университета, а также международным представителем и корреспондентом американской Ассоциации по контролю за вооружениями. Работал в аппарате Уты Цапф, являющейся членом Комитета по международным отношениям и председателем подкомитета по разоружению, контролю за вооружениями и нераспространению Германского Бундестага (Ута Цапф возглавляет также специальную рабочую группу ОБСЕ, участвующую в минских встречах представителей Украины, ДНР и ЛНР при участии России и ОБСЕ. — *Ред.*). Кроме того, работал старшим научным сотрудником по контролю за вооружениями и разоружению в Лондонском центре исследования, подготовки и информации по вопросам мониторинга и проверки (VERTIC). Широко публикуется по проблемам контроля за вооружениями, разоружения и нераспространения.

Олейник Людмила — выпускница НИУ ВШЭ (2012), магистрант Тель-Авивского Университета; сфера интересов — ближневосточное урегулирование, палестинский вопрос.

Паульман Валерий Фёдорович (*Эстония*) — доктор экономических наук, профессор. Окончил Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова. С 1957 по 1974 год работал в Центральном статистическом управлении при Совете Министров Эстонской ССР. С 1974 года — начальник Управления народнохозяйственного плана Государственного планового комитета Эстонской ССР, а с 1981 года — первый заместитель председателя Государственного планового комитета Эстонской ССР. С августа 1983 года — заведующий экономическим отделом ЦК Компартии Эстонии. С мая 1987 года — заместитель председателя Совета Министров Эстонской ССР — председатель Государственного планового комитета Эстонской ССР.

С января 1989 года — советник по вопросам планирования посольства СССР, представитель Госплана СССР в Республике Куба.

В марте-ноябре 1991 года — министр труда и социальных вопросов СССР. Автор ряда книг, в том числе «Мир на перекрестке четырех дорог. Прогноз судьбы человечества».

Свешникова Юлия — младший научный сотрудник НИУ ВШЭ (Москва), ассистент профессора в Международном институте исламской мысли и цивилизации (Куала-Лумпур).

Сидоров Борис Иванович — кандидат экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 3-го класса. Место работы — Исполнительный комитет СНГ. Сфера интересов — вопросы регионального экономического развития.

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира Института философии Российской академии наук. Крупный специалист в анализе философии Востока.

Спирова Эльвира Маратовна — доктор философских наук, и.о. заведующей сектором истории антропологических учений Института философии РАН. Член Российского философского общества. Автор ряда научных трудов по политической психологии и философской антропологии, в том числе «Знак и символ: психолого-философское обоснование» (2011), «Философско-антропологическое содержание символа» (2012).

Заместитель главного редактора журналов «Философия и культура», «Психология и психотехника», «Педагогика и просвещение», «Филология: научные исследования».

Стёпин Вячеслав Семёнович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, академик-секретарь Отделения общественных наук Российской академии наук. Специалист в области теории познания, философии и методологии науки, истории науки.

Чернышёв Борис Васильевич — доктор исторических наук, профессор, декан юридического факультета Саратовского государственного социально-экономического университета.

В 1972 году после окончания исторического факультета Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского работал комиссаром областного штаба студенческих строительных отрядов, зав. отделом студенческой молодежи обкома ВЛКСМ, инструктором отдела науки и учебных заведений горкома КПСС. Лауреат Всесоюзного конкурса молодых ученых по общественным наукам 1977 года. С 1985 года на преподавательской работе. В 1988–1990 годах — старший научный сотрудник Академии общественных наук при ЦК КПСС. С 1991 года — на службе в органах внутренних дел: начальник кафедры Саратовского юридического института МВД России.

Автор монографий: «Осмысление исторического опыта в трудах В.И. Ленина. О методологических категориях политического анализа», «Проблемы методологии исторического анализа при разработке политических решений. 1924–1990 гг.», «Разработка и принятие государственных решений в России: уроки истории XVIII–XX вв.», «Исторический анализ политической ситуации в решениях правителей России XVIII — начала XXI вв.», а также ряда статей по истории государственного управления России. Лауреат конкурса на лучшую научную книгу 2004 года среди преподавателей вузов России.

Область научных интересов: модернизация российского общества; история и теория подготовки, принятия и реализации государственных решений в России XVIII — начала XXI вв., правители и политическая элита общества в механизме подготовки государственных решений.

Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации.

Ярошенко Любовь Анатольевна — кандидат политических наук, исполнительный директор Центра поддержки и развития общественных инициатив «Креативная дипломатия», защитила диссертацию на тему «Разрыв ценностей» в политическом диалоге Россия — Европейский Союз (1994–2010 гг.) в Институте Европы РАН, область научных интересов: внешняя политика РФ, РФ и Европейский Союз в обеспечении международной безопасности.

OUR AUTHORS

BOCHAROV Gennady Nikolaevich — member of the Moscow Union of Writers, authored many non-fiction books with total circulation of a million and a half; most of them were translated into main world languages.

For a number of years, was a practical journalist of note — special correspondent of the *Komsomolskaya Pravda* newspaper, columnist of the *Literaturnaya Gazeta* weekly, political analyst at the TASS news agency Director General, political columnist of the *Izvestia* and *Rossyiskaya Gazeta* newspapers. In his professional capacity visited more than 50 countries all over the globe, including all its «hot spots».

In the Soviet times, became holder of the highest awards in the trade: the USSR Union of Journalists Prize; the Mikhail Koltsov Prize; the Vladimir Gilyarovskiy Prize, the Lenin Komsomol Prize. His reports from the Baikonur space launch-site brought him, among the others, the Yuri Gagarin and the Academician Sergey Korolev honorary badges, etc. Awarded with the USSR state decorations, including the Red Star Order for service in battle.

Recently, G. Bocharov «by the aggregate creative achievements» was honored by the Union of Journalists of the Russian Federation with the title of «The Russia's Gold Pen».

Early in 1990s, *The Russian Roulette*, the book by Bocharov proved to become a true world-wide bestseller, put into print by the most prominent publishing houses in London, Paris, New York, Berlin, Stockholm, Luxembourg, and so forth. The chief subject of the most of his books is a person overcoming.

The Bocharov's best made up the *Pure Tops* text-book for the modern Russian language studies at the foreign universities.

For the last 20 years, holds position of a member at the Board of the International Foundation for the Aviation Safety. In this capacity, participates in all international seminars which are being held world over. The aviation is an ever-present subject in his writings.

CHERNYSHEV Boris Vasil'evich. — Dr. Sc. (History), Professor, the dean of faculty of law of the Saratov State Socio Economic University

In 1972 was graduated from the N. G. Chernyshevsky Saratov State University (Department of History). Later, was appointed the Commissar of the Oblast HQ of the Student Construction Teams, then headed the Department of Student Youth at the Young Communist League (Komsomol) Oblast Committee, then employed as the Instructor of the Science and Educational Establishments Department at the Communist Party (the CPSU) City Committee. The prize-winner of the 1977 All-Union Contest for Young Researchers in the Social Sciences. Since 1985, engaged in high school lecturing. In 1988–1990 — Senior Researcher at the CPSU Central Committee Academy of Social Sciences. In 1991, entered the law-enforcement service as the Chair Head at the RF Ministry of Internal Affairs Saratov State Law Institute. Authored the monographs on The Interpretation of the Historical Experience in V. I. Lenin's works. Methodological Categories of Political Analysis; The Problems of Methodology of Historical Analysis In Political Decision-Making. 1924–1990; the State Decision-Making in Russia: History's lessons of the 18th to 20th Centuries; the Historical Analysis of Political Situation in Russia's Rulers Decisions of the 18th to early 21st Centuries; and a number of articles on history of Russia's state governance. The prize-winner of the 2004 Best Scientific Book contest among Russia's high school lecturers.

The sphere of research interests includes the Russian society's modernizing; the history and theory of Russia's state decisions being worked out, passed and implemented in the 18th to early 21st centuries; the society's rulers and political elite in the mechanism of the state decision-making. Holds the title of the Honored Educationalist of the Russian Federation Higher School.

GOTZULENKO, Vladimir Nikolaievich — Producer General of the Diorama Publishing Centre and the Moskovsky Komsomolets (Moscow Komsomol Member) in Ukraine. Writer in prose and poetry. The winner of the Edward Bagritsky and Nikolay Ostrovsky Literary Awards. For his worthy contribution to the domestic culture was awarded with the Pushkin Medal and included into the Honorary Register of Trustees of the Pushchkin House (St.-Petersburg) and the A.S. Pushkin State Museum (Moscow).

GUREVICH Pavel Semenovich — D.Sc. (Philosophy), D.Sc. (Philology), Professor, Senior Researcher at the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy, Director of the Institute of Psychotherapy and Social Management, President of the Moscow Association of Psychotherapists.

The Vice-President of the Academy of Liberal Studies, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, the International Informatization Academy, and the Academy of Pedagogical and Social Sciences. Fields of research include philosophical anthropology, deep psychology, philosophy of culture and modern Western philosophy.

Editor-in-chief of the «Filosofiya i kultura» (Philosophy and Culture), «Psikhologiya i psykhotekhnika» (Psychology and Psychotechnics), «Pedagogika i prosvescheniye» (Pedagogics and Enlightenment), «Filologiya: nauchniye issledovaniya» (Philology: Scientific Researches) magazines and journals. Is permanently present in the academic publications and national media, authored some high school and university textbooks, including The Philosophical Anthropology (2008), The Foundation of Philosophy (2011), The Aesthetics (2011), The Philosophical Exposition of the Human (2012), The Philosophical Interpretation of the Human (2013).

GUSEYNOV Vagif Aliovsatovich — Director of the Institute of Strategic Studies and Analysis (ISOA), Editor-in-Chief of the Vestnik Analytiki bulletin. Holds membership in the Council on Foreign and Defense Policies (since 1998), the Russian-Chinese Committee on Friendship, Peace and Development, Board of the Council on Mediterranean and Black Sea Studies (the Russian Academy of Sciences Institute of Europe), Board of the Russia-Germany Society. Ranked Major-General (rtd).

Authored books, including Chronicle of Secret Struggle; Intoxicating Dope of Power; War of Compromats; The Caspian Oil: Economics and Geopolitics; The Politics at Your House Threshold (2008). Co-edited and published the monographs on The Iraq Crisis and Development of the New World Order» (Moscow, 2004); The Mediterranean — Black Sea Coast — Caspian Region: Between the Larger Europe and the Greater Middle East (2006). Co-authored, co-edited and published books on Russia-Great Britain: Another Cooling (2007); The Greater Middle East. Stimuli and Preliminary Results of the Democratization (2007); The South Caucasus: Trends and Problems of Development (1992-2008) (2008); Russia in Changing World (2008). Hold membership in the editorial boards of the analytical collections on The Strategy for Russia: 10 Years of CFDP (2002); Russia's Competitiveness under Globalization (2006); The World Around Russia: 2017. The Outlines of the Not-So-Far-Away Future (2007); Russia and the World: New Epoch (2008); The Central Asia. The Region's Geopolitics and Economics (2010), «Russia's Oil and Gas Complex: Trends of Development (2000–2010)» (2011).

Authored many articles on the international politics, Russia's relations with the European Union, energy security, the Near and Middle East problems, on the Southern Caucasus countries, Russia's domestic policy and economy.

KASAYEV Eldar Osmanovich — Candidate of science (Economics), lawyer on international affairs, expert in investing into power engineering of the Mid-Eastern and African (MEA) countries. Born on 20th January, 1985, in Moscow. Graduated from the International Institute of Energy Policy and Diplomacy at the RF Ministry for Foreign Affairs MGIMO University (2008). Had been in the diplomatic service at Russia's Embassy in Qatar (2010–2011). Worked as the researcher in the Center for Situation Analysis, Russian Academy of Science. Authored over 280 scientific and analytical works and articles. Author of a monograph «Qatar in XXI century: Modern tendencies and prospects of economic development» (2013) and a brochure «Russia and Turkey: modern state and possible scenario of economic relations' development» (2013). Research interests include studying legal aspects of subsurface use; investment climate analysis; perspective assessment of the Russian and international business activities in the fuel-and-energy complex of the MEA countries. Is going to present the MGIMO International Law Chair with the dissertation for the degree of Candidate of Science (Law). Takes part in situational analysis process as well as in others research projects initiated by Russian oil companies and political structures. Regularly takes part in analytical TV-program RBC, TV Centre, RT Arabic.

LUTSENKO Sergey — is an expert at the Scientific and Research Institute of Corporate and Project Management. Is an independent consultant in the field of civil, fiscal, corporate, and taxation laws of the Russian Federation, also does consulting on legislative and regulatory compliance practices as related to the legal risks of doing business in Russia. Since 2011, prompted by the RF President's Administration, he takes part in working out the prospects (within the frameworks of scientific consulting) of future legislation acts on electric power engineering (pricing model improvements in power industry).

Authored over 70 scientific articles (on financial contracts, corporate law, companies funding and investments, models of corporate management). Had publications in such titles as the Finansovy Menedjment (Financial Management), Korporativniye Finansy (Corporate finance), Sliyaniya i Pogloscheniya (Mergers and Acquisitions), Tsivilist (Civil Lawyer), Sovremennoye Pravo (Contemporary Law), Korporativny Yurist. Praktikum (Corporate lawyer. Workshop), etc.

MEIER Oliver (*Germany*) — is Associate at International Security Division of the German Institute for International and Security Affairs (SWP). Previously, he was senior researcher with the Institute for Peace Research and Security Policy at the University of Hamburg and International Representative and Correspondent of the U.S. Arms Control Association. He has also worked on the staff of Uta Zapf, who is a member of the Foreign Relations Committee and chairperson of the subcommittee on disarmament, arms control and non-proliferation in the German Bundestag and he has held positions as Senior Arms Control and Disarmament Researcher with the Verification Research, Training and Information Centre (VERTIC) in London. He has published widely on issues of arms control, disarmament and non-proliferation.

MEZHUYEV Vadim Mikhailovich — Dr.Sc. (Philosophy), is the Professor, Chief Scientific Researcher at the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy. Is a known authority in the philosophy of culture and social philosophy.

OLEYNIK Ludmila — Higher School of Economics (University) 2012, undergraduate of the Tel-Aviv University, professional interests — Middle East Settlement, Palestinian problem.

PAULMAN Valery Fyodorovich (*Estonia*) — Dr. Sc. (Economics), Professor. Graduated from the A.A. Zhdanov Leningrad State University. In 1957–1974, was employee in the Central Statistical Department at the Estonian SSR Council of Ministers. In 1974, was appointed the Director of the People's Economy Plan Directorate of the Estonian SSR State Planning Committee, in 1981, was promoted to the position of the First Deputy Chairman of the Estonian SSR State Planning Committee. In August 1983, came to head the Economy Department of the Communist Party of Estonia Central Committee; in May 1987, the Deputy Chairman of the Estonian SSR Council of Ministers — Chairman of the Estonian SSR State Planning Committee. In January 1989, got appointment of the USSR Embassy Councilor on planning, the USSR State Planning Committee representative in the Republic of Cuba; in March–November 1991, was the USSR Minister of Labor and Social Matters. Authored some books, including the *World at the Four Ways Crossroad: The Prognosis of the Mankind's Destiny*.

SMIRNOV Andrey Vadimovich — Dr. Sc. (Philosophy), is the Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, heads the Sector of the Islamic World Philosophy at the RAS Institute of Philosophy. Is a prominent authority in analyzing the Oriental philosophy.

SPIROVA Elvira Maratovna — Dr.Sc. (Philosophy), is acting Head of the Sector of the History of Anthropological Teachings at the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy. The Russian Philosophical Society member. Authored a number of scientific works on political psychology and philosophical anthropology, including the *Sign and Symbol: Psychological and Philosophical substantiation* (M., 2011), *The Philosophical and Anthropological Substance of Symbol* (M., 2012).

The deputy editor-in-chief of the *Filosofiya i kultura* (Philosophy and Culture), *Psikhologiya i psikhotekhnika* (Psychology and Psychotechnics), *Pedagogika i obrazovaniye* (Pedagogics and Education), *Filologiya: nauchniye issledovaniya* (Philology: Scientific Researches) journals.

STYOPIN Vyacheslav Semyonovich — Dr.Sc. (Philosophy), is the Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Academician-Secretary of the RAS Social Sciences Division. Is a known authority in the theory of knowledge, philosophy and methodology of science, history of science.

SVESHNIKOVA Julia — junior researcher, Higher School of Economics (University), Moscow, assistant to the Professor in the International Institute of Islamic Idea and Civilization (Kuala-Lumpur)

SIDOROV Boris Ivanovich — Cand. Sc. (Economics), the Russian Federation Actual Councillor of State, 3d grade. Employed by the Commonwealth of Independent States Executive Committee. His sphere of scientific interests include the issues of regional development.

VILLEVOVSKAYA Alexandra — Cand.Sc. (Education), embodiment facilitator, the certified professional in treating traumas, researcher in corporeity, Head of the Bring Body Into Action project.

YAROSHENKO Lyubov Anatol'evna — Cand.Sc. (Politology) is Managing Director of the Kreativnaya Diplomatiya (Creative Diplomacy) Center for Supporting and Developing Public Initiatives; defended her Candidate thesis on «Value Gap» in the Russia — European Union Political Dialogue (1994–2010) at the Russian Academy of Sciences Institute of Europe; research interests include the RF foreign policy, the RF and EU activities in safeguarding international security.

СТАТЬИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В 2014 ГОДУ (ПО РАЗДЕЛАМ)

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА

Вагиф Гусейнов. «Старые новые» проблемы	№1
Вагиф Гусейнов. Опять на развилке	№2
Вагиф Гусейнов. В поисках выхода из украинского тупика	№3
Вагиф Гусейнов. Все будет хорошо?	№4

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Юрий Марков. Феномен научно-технической агрессии	№1
Павел Гуревич. Милосердие в окоёме жестокосердия	№1
Борис Чернышёв. О приоритетных задачах и основном звене в политике (российская теория научного выбора и опыт истории)	№1
Павел Гуревич. Абсурд как социальный феномен	№2
Вячеслав Козлов. О борьбе с коррупцией в правоохранительных о рганах	№2
Василий Колташов. И никаких чудес не случится... ..	№2
Валерий Буянов. Идеологии возвращаются	№3
Эльвира Спирина. Символ и политика	№3
Наталья Бурлинова. Публичная дипломатия России: практика и проблемы становления	№3
Борис Чернышёв. Неадекватность в механизме подготовки государственных решений России XX — начала XXI вв. (опыт исторического анализа)	№4
Павел Гуревич. Ненависть кипящая	№4

Человеческий фактор

Геннадий Бочаров. Жизнь короче правды	№2
---	----

ГЕОПОЛИТИКА

Владимир Дергачёв (Украина). Битва за Евразию. Тектоническая геополитическая трансформация	№1
Владимир Дергачёв (Украина). Пиратская геополитическая технология «управляемого» хаоса	№3

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Джеймс Эктон (США). Обезоруживающий мгновенный глобальный удар и Россия	№1
Эрнест Султанов. Энергетические шахматы: партия России	№1
Эльдар Касаев. Арабские нефть и газ: выводы для России	№1
Тарик Рауф (Швеция). Достижение всеобъемлющего ядерного соглашения с Ираном и контроль за его исполнением	№2
Эльдар Касаев. Катар: по пути глубоких переделов	№2
Сергей Демиденко. Ливия: горе побежденным!	№2
Сергей Губарев. Приднестровское урегулирование: двадцать лет проб ..	№2
Ирина Семененко. Италия: в поисках новых ресурсов развития	№2
Игорь Ильинский. «Евромайдан» — прелюдия атаки США на Россию ..	№3
Линтон Ф. Брукс (США). Политические и технические вызовы	№3
Стивен Пайфер (США). Региональная стабильность в Европе	№3
Сергей Демиденко. Ирак: смена декораций	№3
Оливер Мейер (ФРГ). Ядерное измерение украинского конфликта	№4
Людмила Олейник. Израиль и Газа: онлайн война на истощение	№4

Юлия Свешникова. Малайзия в капкане исламизации: свобода совести в обмен на политический кредит	№4
Эльдар Касаев. О нефтяных проектах России в Ираке	№4
Борис Сидоров. Некоторые аспекты современных экономических взаимоотношений в Центральной Азии	№4
Любовь Ярошенко. Содействие развитию: «Сделано в России»	№4

Информационное досье

Нина Петрова. О новом этапе в азиатской политике России	№1
---	----

ТЕМА НОМЕРА:

Российская элита – прогресс или стагнация?

Оксана Гаман-Голутвина. Метафизические измерения трансформаций российских элит. Часть III	№1
---	----

Украина сегодня

Сергей Станкевич. Борьба геополитических сценариев на постсоветском пространстве и судьба Украины	№2
Михаил Делягин. Санкции Запада как предпосылка оздоровления российской экономики	№2
Валерий Бондаренко (Беларусь). «Майдан» для Евросоюза	№2
Наталья Бурлинова. Украинские события: информационные аспекты кризиса	№2
Проект Восточного партнерства «до» и «после» Майдана	№3
Проект Восточного партнерства «до» и «после» Майдана (<i>окончание</i>) ..	№4

ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ

Валерий Паульман (Эстония). Куда ни кинь — всюду клин	№1
Андрей Конопляник. «Эффекты домино» американской сланцевой революции	№1
Наталья Кондратьева. Россия в ВТО: реалии членства	№2
Василий Колташов. Экономика России в 2014 году: между нефтью и «вторым» кризисом	№3
Абрар Ярлыкапов. Аграрный сектор экономики: пути решения проблем	№3
Валерий Паульман. Экономический кризис в условиях нарастающей напряженности	№4
Сергей Луценко. Еще раз к вопросу о развитии государственно-частного партнерства в Российской Федерации: запрос на ожидание	№4

ДЕБЮТ

Людмила Олейник. Иордания: вне зоны доступа	№1
Александр Шипилов. Есть ли признаки американо-иранского потепления?	№3

«КРУГЛЫЙ СТОЛ»

Нужна ли нам идеология?	№1
Чему учит история?	№2
Социальные иллюзии	№3
Духовность и современный спор цивилизаций	№4

ПУБЛИКАЦИИ

Геннадий Бочаров. Из «Тихой тетради»	№1
Елена Комлева. Геология, горное дело и ядерное оружие	№1
Анна Картунова. Окно Овертона: ничто не истинно и все дозволено	№1
Геннадий Бочаров. Из «Тихой тетради»	№2
Елена Комлева. Геология, горное дело и ядерное оружие (<i>окончание</i>) ..	№2
Нина Петрова. Культура как инструмент народной дипломатии	№2

Мария Кортунова. Кто, если не мы?	№2
Геннадий Бочаров. Из «Тихой тетради»	№3
Юрий Лапин. Близкое небо Космоса	№3
Геннадий Бочаров. Из «Тихой тетради» (окончание)	№4
Владимир Гоцуленко. Тот самый Фальц-Фейн	№4
Александра Вильвовская. Травма – война – травма – война... Как прервать этот порочный круг?	№4
Страницы истории	
Владимир Гоцуленко. Под псевдонимом «Друг»	№3
Философский клуб	
Владимир Кантор. Христианство как европейская проблема (по мотивам русской философии в изгнании)	№1
Ирина Сиземская. Идеи русского мессианизма в контексте отечественной историософской мысли	№1
Шажинбатын Ариунаа (Монголия). Почему этничность, а не этнос?	№2
Владимир Колпаков. Легенда о Фаусте и современность	№3
Борис Юдин. Индивидуальное человеческое существование и его пограничные зоны	№3
Вячеслав Степин. Что такое сегодня социальные отношения?	№4
Вадим Межуев. Культура в зеркале философии	№4
Андрей Смирнов. «...увидеть другого, чтобы лучше разглядеть самого себя»	№4
ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ	
Эльвира Спирова. И топят в пропасти забвенья... <i>О книге А.И. Уткина «Первая мировая война»</i>	№1
Эльвира Спирова. Протез духовности. <i>О книге Т. Адорно «Жаргон подлинности. О немецкой идеологии»</i>	№2
Елена Сальникова. Трансцендентные основы экономики. <i>О книге Ж. Батая «Проклятая часть. Сакральная социология»</i>	№3
Эльвира Спирова. Кровотечение времени. <i>О книге В. Подороги «Время после. Освенцим и ГУЛаг. Мыслить абсолютное зло»</i>	№4
Рецензия	
Сергей Демиденко. Своевременная книга. <i>О монографии Э.О. Касаева «Катар в XXI веке: современные тенденции и прогнозы экономического развития»</i>	№1

ITEMS PUBLISHED IN THE VESTNIK ANALITIKI BULLETIN IN 2014

EDITOR'S PAGE

Vagif Guseynov. «Old New» Problems	№1
Vagif Guseynov. Once Again at the Crossroads	№2
Vagif Guseynov. Searching a Way out of the Ukrainian Deadlock	№3
Vagif Guseynov. Everything's going to be fine?	№4

PRESSING TOPICS

Yury Markov. The Phenomenon of scientific and technical aggression	№1
Pavel Gurevich. Cruelty Fringed Mercy	№1
Boris Chernyshov. On Priority Tasks and the principal Link in the Politics (the Russian theory of scientific decision-making and the experience of history)	№1
Pavel Gurevich. Absurd as a social phenomenon	№2
Vyacheslav Kozlov. Some problems of fighting corruption in the law enforcement bodies	№2
Vasily Koltashev. And no miracles would ever happen...	№2
Valeriy Buyanov. Ideologies are Coming Back...	№3
Elvira Spirova. The Symbol and Politics	№3
Natalia Burlinova. Russia's Public Diplomacy: the Practice and Problems in Making	№3
Boris Chernyshev. Inadequacy in the Russia's State Decision-Making Preparatory Mechanism in the 20 TH — early 21 ST Centuries (Essay on historical analysis)	№4
Pavel Gurevich. The Boiling Hatred	№4

Esse Homo

Gennady Bocharov. The life is shorter than the truth	№2
--	----

GEOPOLITICS

Vladimir Dergachev (Ukrain). Struggle for Eurasia. Tectonic Geopolitical Transformation	№1
Vladimir Dergachev (Ukrain). The Pirated Geopolitical Technology of the «Controllable» Chaos	№3

FOREIGN AFFAIRS

James M. Acton (USA). Conventional Prompt Global Strike and Russia	№1
Ernest Sultanov. Energetic Chess: Russia's Game	№1
Eldar Kasayev. The Arab Oil and Gas: Resume to Russia	№1
Tariq Rauf (Sweden). Establishing and Verifying a Comprehensive Nuclear Agreement with Iran	№2
Eldar Kasayev. Qatar: on the Way of Deep Re-Allocations	№2
Sergey Demidenko. Libya: Woe to the vanquished!	№2
Sergey Gubarev. Transnistrian Settlement: Twenty Years of Tries...	№2
Irina Semenenko. Italy: In Search of New Development Resources	№2
Igor Ilyinsky. «Euro-Maidan» as a Prelude to the US Attack Against Russia	№3
Linton F. Brooks (USA). Political and Technological Challenges for US–Russian Relations	№3
Steven Pifer (USA). Regional Stability in Europe	№3
Sergey Demidenko. Iraq: changing the tune	№3
Oliver Meier. The nuclear dimension of the Ukraine conflict	№4

	Ludmila Oleinik. Israel and Gaza. The On-Line War of Exhaustion	№4
	Yulia Sveshnikova. Malaysia Being Trapped Into Islamization: Freedom of Religion in Exchange for Political Credit	№4
	Eldar Kasaev. About Russian Oil Projects in Iraq	№4
	Boris Sidorov. Some Aspects of Modern Economic Interrelations in the Central Asia	№4
	Lyubov Yaroshenko. Assisting Development: «Made in Russia»	№4
Informational File		
	Nina Petrova. About New Phase in the Russian's Asia Politics	№1
THE ISSUE'S MAIN TOPIC:		
Russian Elite: Progress or Stagnation		
	Oxana V. Ghaman-Golutvina. The Metaphysical Dimensions of the Russian Elite Transformations. Part III	№1
Ukrain today		
	Sergey Stankevich. Geopolitical Scenarios Struggle on the Post-Soviet Territory and Ukraine's Destiny	№2
	Mikhail Delyagin. Sanctions by the West Being a Precondition for the Russian Economy to become Healthier	№2
	Valery Bondarenko (Belorussia). «Maidan» for the European Union... ..	№2
	Natalia Burlinova. The Events in Ukraine: Information Aspects of the Crisis	№2
	The Eastern Partnership Project «Before» and «After» the Maidan	№3
	The Eastern Partnership Project «Before» and «After» the Maidan (Completion)	№4
ECONOMICS & FINANCE		
	Valery Paulman. We're Stuck Whichever Way We Turn	№1
	Andrey Konoplyanik. The «Domino Effects» of the American Shale Revolution	№1
	Natalia Kodratieva. Russia in the WTO: Membership Realities	№2
	Vasiliy Koltashev. Russia's Economy in 2014: Between Oil and the «Second» Crisis	№3
	Abrahr Yarlykapov. Agrarian Sector of Economy: What Cause and what are the Ways out of Crisis	№3
	Valery Paulman. The Economic Crisis in the Context of Growing Tension ..	№4
	Sergey Lutsenko. Once Again on Developing the State-Private Partnership in the Russian Federation: the Expectation Prompt	№4
DEBUT		
	Ludmila Oleinik. Jordan: Out of the Access Zone	№1
	Alexander Shipilov. Are there any signs of American-Iranian Improvement?	№3
«ROUND TABLE»		
	Do we really need an Ideology?	№1
	What Does the History Teach?	№2
	Social Illusions	№3
	Spirituality and the Contemporary Conflict of Civilizations	№4
PUBLICATIONS		
	Gennady Bocharov. From the «Quiet Notebook»	№1
	Elena Komleva. Geology, Mining Engineering and Nuclear Energy	№1
	Anna Kortunova. The Overton Window: Nothing is True, and Everything is Permitted	№1
	Gennady Bocharov. From the «Quiet Notebook»	№2

Elena Komleva. Geology, Mining Engineering and Nuclear Energy (Completion)	№2
Nina Petrova. Culture Being the Tool of People's Diplomacy	№2
Maria Kortunova. Who if not we?	№2
Gennady Bocharov. From the «Quiet Notebook»	№3
Yury Lapin. The Outerspace's Closer Sky	№3
Gennady Bocharov. From the «Quiet Notebook»	№4
Vladimir Gotsulenکو. The Very Same Falz-Fein	№4
Alexandra Villvovskaya. Trauma — War — Trauma — War... How to Break this Vicious Circle?	№4

The Page of History

Vladimir Gotzulenکو. Under the Pseudonym «Friend»	№3
--	----

Philosophical Club

Vladimir Kantor. Christianity Viewed as the European Problem (inspired by the Russian philosophy in exile)	№1
Irina Sizemskaya. «Moscow as the Third Rome»: at the Sources of Russian Philosophy of History	№1
Zhashinbashyn Arinuua (Mongolia). Why Ethnicity, but not Ethnos? ...	№2
Vladimir Kolpakov. The Legend of Faust and the Modern Times	№3
Boris Yudin. The Individual Human Existence and its borderline Zones ...	№3
Vyacheslav Styopin. What is the Meaning of Social Relations Today?	№4
Vadim Mezhev. The Culture as Mirrored by the Philosophy	№4
Andrey Smirnov. «...To Se Someone Else to Better Make out of Yourself» ...	№4

NOTES ON A BOOK'S MARGINS

Elvira Spirova. And Sink it into the Oblivion Abyss... <i>About the book by A. Utkin, The World War One</i>	№1
Elvira Spirova. Prosthesis of Spirituality. <i>About the book by T. Adorno,</i> <i>The Jargon of Authenticity. On the German Ideology</i>	№2
Elena Salnikova. The Transcendental Fundamentals of Economy. <i>About the book by G. Bataille, The Accursed Share. The Sacral Sociology</i>	№3
Elvira Spirova. Haemorrhage of the Time. <i>About the book by V. Podoroga,</i> <i>The Time After. Auschwitz and Gulag. To cerebrate the absolute evil</i>	№4

Review

Sergey Demidenکو. Opportune book. <i>About Eldar Kasaev's monography</i> <i>«Qatar in the XXI century: Modern tendencies and prognosis</i> <i>of economic development»,</i>	№1
--	----

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

*Институт стратегических оценок и анализа
Бюро социально-экономической информации*

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

№ 4(58)

Перевод с английского — Владимира Мисюченко

*Корректura А.Панюгиной
Верстка Л.Листвина*

*Издание зарегистрировано в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-5981 от 22 декабря 2000 года*

*Адрес редакции:
109004 Москва, ул. А.Солженицына, д. 40/14, стр. 1
Телефоны: (495) 911-97-78, (495) 912-39-88
Факс: (495) 911-92-77
www.isoa.ru
E-mail: info@isoa.ru*

Тираж 1200 экз. Цена свободная

*Подписано в печать 24.11.2014 г. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12. Заказ № 673.*

Отпечатано в ОАО «Издательский дом «Красная звезда».

*ПОДПИСНЫЕ ИНДЕКСЫ ИЗДАНИЯ
в Объединенном каталоге
«Пресса России» — 44351, 44339.
Электронный адрес подписки в Интернете:
www.presscafe.ru*

ПОДПИСКА НА «ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» ЗА РУБЕЖОМ:

*через ЗАО «МК-Периодика» или фирмы-партнеры.
тел. +7 495 681-91-37, 681-97-63;
факс +7 495 681-37-98.
E-mail: info@periodicals.ru
<http://www.periodicals.ru>*

SUBSCRIPTION TO VESTNIK ANALITIKI ABROAD

*Via MK-Periodika or its partners:
Tel.: +7 495 681-91-37, 681-97-63;
fax: +7 495 681-37-98
E-mail: info@periodicals.ru
<http://www.periodicals.ru>*

ПОДПИСАТЬСЯ И ПРИОБРЕСТИ ОТДЕЛЬНЫЕ НОМЕРА ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» МОЖНО В РЕДАКЦИИ.
Телефон: 912 39 88, 911 97 78, электронная почта: info@isoa.ru

Стоимость одного номера журнала в редакции (без доставки) – 100 рублей,
для пенсионеров и студентов – скидка 50 %.

Квитанция для оплаты в Сбербанке

Извещение	
Кассир	Форма № ПД-4
	ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа» (наименование получателя платежа)
	ИНН 7718163808 (ИНН получателя платежа)
	№ р/с 40702810900000080011 (номер счета получателя платежа)
	в АКБ «Росевробанк» г. Москва (наименование банка и банковские реквизиты)
	к/с № 30101810800000000777 в отделении
	2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777
	Подписка на журнал "Вестник аналитики" (период подписки, номер журнала)
	Дата _____ Сумма платежа _____ Руб. _____ коп.
	Плательщик _____ (Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)
Квитанция	
Кассир	ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа» (наименование получателя платежа)
	ИНН 7718163808 (ИНН получателя платежа)
	№ р/с 40702810900000080011 (номер счета получателя платежа)
	в АКБ «Росевробанк» г. Москва (наименование банка и банковские реквизиты)
	к/с № 30101810800000000777 в отделении
	2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777
	Подписка на журнал "Вестник аналитики" (период подписки, номер журнала)
	Дата _____ Сумма платежа _____ руб. _____ коп.
	Плательщик _____ (Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)